

Российская Академия Наук
Институт философии

**И.К. Лисеев, Е.В. Петрова,
Л.В. Фесенкова, Ю.В. Хен**

**НАУКИ О ЖИЗНИ СЕГОДНЯ:
ФИЛОСОФСКИЕ ИННОВАЦИИ**

Москва
2016

УДК 113
ББК 87.2
Л 63

Научный редактор

И.К. Лисеев

Авторы

И.К. Лисеев – глава 1, предисловие, заключение;
Ю.В. Хен – глава 2; *Л.В. Фесенкова* – глава 3; *Е.В. Петрова* – глава 4

Рецензенты

доктор филос. наук *Е.Н. Гнатик*
доктор филос. наук *В.М. Розин*

Л 63 **Лисеев, И.К.** Науки о жизни сегодня: филос. инновации [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; И.К. Лисеев, Е.В. Петрова, Л.В. Фесенкова, Ю.В. Хен. – М. : ИФ РАН, 2016. – 239 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 228–236. – Рез. : англ. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0309-3.

Данная книга завершает два больших исследовательских проекта «Философский анализ оснований биологии» (5 томов, изданных в течение 1991–2003 гг.) и «Науки о жизни и современная философия» (5 томов, изданных в 2010–2016 гг.). В этих работах с онтологических, методологических, аксиологических и социокультурных позиций рассмотрены философские основания существования и функционирования биологического знания. Показан вклад наук о жизни в трансформацию современного философского познания. В публикуемой книге рассмотрены итоги проведенной работы, намечены перспективы дальнейших исследований, обозначены и обсуждены основные философские инновации, вызванные развитием всего комплекса наук о жизни.

ISBN 978-5-9540-0309-3

© Лисеев И.К., 2016
© Петрова Е.В., 2016
© Фесенкова Л.В., 2016
© Хен Ю.В., 2016
© Институт философии РАН, 2016

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Роль наук о жизни в переосмыслении современной философии.....	8
Глава 2. Влияние эволюционных идей на трансформацию образа совершенного человека	65
Глава 3. Утопизм в системе социоприродных представлений о мире	119
Глава 4. Экосистемный подход к информационной среде	167
Заключение	225
Список литературы	228

Table of contents

Foreword.....	5
Chapter 1: The role of life sciences in the rethinking of modern philosophy.....	8
Chapter 2. The impact of evolutionary ideas on the transformation of the image of the perfect man	65
Chapter 3. Utopianism in the system of socio-natural conception of the world.....	119
Chapter 4. The ecosystem approach to the information environment	167
Conclusion	225
Bibliography	228

Предисловие

Эта книга завершает два исследовательских проекта, которые на протяжении многих лет разрабатывались на базе сектора био- и экофилософии Института философии РАН.

Первый проект, замысел которого принадлежит основателю сектора доктору философских наук, профессору Р.С. Карпинской, был реализован в серии книг под общим названием «Философский анализ оснований биологии».

Первая книга серии «Природа биологического познания» вышла в свет в 1991 г. (отв. ред. д.ф.н., проф. И.К. Лисеев). В ней освещена природа и специфика познания живых объектов. Вторая книга «Биофилософия» (отв. ред. к.ф.н. А.Т. Шаталов) издана в 1997 г. Монография раскрывает комплексность и нелинейность философского понимания жизни. Третья книга серии – «Жизнь как ценность» (отв. ред. к.ф.н. Л.В. Фесенкова) опубликована в 2000 г. В работе проанализирована специфика отношения к жизни в разных культурных, философских, конфессиональных традициях. Четвертая – «Методология биологии: новые идеи» (отв. ред. д.ф.н. О.Е. Баксанский) появилась в 2001 г. В книге рассмотрены новые идеи в методологии биологии идущие от развития синергетики, семиотики, концепции коэволюции и др. Наконец в 2003 г. вышел последний, заключительный том серии: «Биология и культура» (отв. ред. д.ф.н., проф. И.К. Лисеев). Здесь рассмотрены многообразные воздействия биологической науки на трансформацию норм, идеалов и установок культуры.

С выходом этих книг читатель впервые в отечественной и мировой литературе получил возможность составить целостное, комплексное, системное представление о современной проблематике философии биологии, ориентируясь на содержание всех изданных пяти томов. В серии рассмотрены онтологические, познавательные, ценностные, социокультурные аспекты развития современной биоло-

гической науки. Тем самым был преодолен основной недостаток публикаций последних лет по философии биологии: устранена фрагментарность философского знания, обращенного к биологии, предложен анализ обновившегося социально-культурного контекста существования и функционирования биологического знания, рассмотрено новое место биологии в системе наук и культуры в целом, проанализированы намечающиеся тенденции и направленность трансформаций методологического сознания в современной биологии.

Второй проект был реализован в серии книг под общим названием «Науки о жизни и современная философия» (отв. ред. д.ф.н., проф. И.К. Лисеев). Задача проекта состояла в том, чтобы проанализировать воздействие наук о жизни на состояние современного философского знания.

В первой книге проекта «Науки о жизни и современная философия» (2010 г.), одноименной с общим названием серии, осуществлена постановка проблемы, обсуждается общее направление ответов философского знания на вызовы, идущие из сферы исследования и преобразования мира живого.

Книга «Идея эволюции в биологии и культуре» (2011 г.) – вторая в проекте. Авторы поставили в ней задачу проанализировать значение последних открытий в эволюционной биологии для трансформации современных философских идей. Здесь исследуется роль идеи эволюции – фундаментальной универсалии культуры – для функционирования современного философского знания в науке и культуре. Проведен анализ идеи эволюции в её историческом развитии и современных интерпретациях в контексте функционирования философского знания наших дней в науке и культуре.

Книга «Философские основания экологического образования в эпоху нанотехнологий» (2014 г.) – третья работа в серии. Задача книги – исследование тех новых мировоззренческих, познавательных, ценностных и деятельностных философских ориентиров, которые закладываются в основание современного экологического образования в эпоху нанотехнологий.

Книга «Науки о жизни в формировании современной картины мира» (2015 г.) – четвертая публикация проекта. В книге исследуется роль наук о жизни в формировании современной картины мира, рассматриваются основные направления и ориентации, вносящие вклад в осуществление этого процесса.

Среди авторов всех изданных книг серий – ученые Института философии РАН, видные отечественные и зарубежные исследователи философии биологии и экологии, крупные ученые-естествоиспытатели.

Авторы данной заключительной монографии ставят цель подвести некоторые итоги проведенных работ, обсудить полученные результаты, наметить дальнейшие перспективы и новые горизонты исследований.

Все соавторы книги связаны многолетней исследовательской работой в секторе био- и экофилософии Института философии РАН. Книга рождалась в многочисленных обсуждениях и спорах. Однако при этом выдержана специфика и оригинальность позиции каждого исследователя. Предисловие, первая глава и заключение написаны доктором философских наук, профессором И.К. Лисеевым, вторая глава – доктором философских наук Ю.В. Хен, третья глава – кандидатом философских наук Л.В. Фесенковой, четвертая – кандидатом философских наук, доцентом Е.В. Петровой.

Научно-вспомогательная работа выполнена С.А. Логиновой.

ГЛАВА 1

РОЛЬ НАУК О ЖИЗНИ В ПЕРЕОСМЫСЛЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

1.1. Философия в оценке фундаментальных оснований биологических наук

С середины XX в. на основе выдающихся открытий в области наук о жизни актуализировались размышления о грядущей смене лидера современного естествознания. В эти годы началось интенсивное развитие молекулярной и физико-химической биологии. Были сделаны фундаментальные открытия, накоплен огромный фактологический материал, трансформирующий всю сферу биологического познания. Здесь можно назвать открытия двойной спирали ДНК, расшифровку генетического кода и биосинтеза белка, открытие вырожденности генетического кода, обнаружение внеядерной ДНК, открытие молчащих генов, фракций уникальных и повторяющихся последовательностей ДНК, обнаружение прыгающих генов, осознание нестабильности генома и многое, многое другое.

Параллельно произошел и принципиальный прорыв в традиционной для биологии области исследования биологии организмов. Стала стремительно прогрессировать биология развития организмов, другие направления, изучающие онтогенез живых организмов. Наконец, со второй половины XX в. началось усиленное вторжение биологического познания в сферу надорганизменных образований, в изучение экологических, этологических, антропо-биогеоценотических связей и взаимоотношений.

Анализ этих результатов дал повод говорить о том, что на современном этапе развития биологии возникла настоятельная потребность философского переосмысления оснований биологи-

ческой науки. Теперь уже в очень далеком 1978 г. в г. Дюссельдорфе в Германии проходил очередной Всемирный философский конгресс. Первая секция Конгресса была названа так: «Биология и вызов, который она бросает философии». Здесь впервые на общемировом уровне была очерчена картина проблем, вызванных развитием современной биологии, требующих своего философского переосмысления. В дальнейших исследованиях эти проблемы были изучены и конкретизированы. Было подчеркнуто требование современной биологии к переосмыслению традиционных форм организации знания, созданию нового образа современной науки, осознанию становящегося в наши дни нового стиля мышления в науке, к ответам на многие как логико-методологические, так и мировоззренческо-аксиологические вопросы.

В отечественной литературе задача раскрытия роли современного философского знания для творческого продуктивного развития наук о жизни была реализована в очень многих научных исследованиях. Здесь, прежде всего, можно назвать имена таких ярких, глубоких ученых, как И.Т. Фролов, Р.С. Карпинская, А.Я. Ильин (Москва), К.М. Завадский, А.С. Мамзин (Ленинград), Н.П. Депенчук (Украина), К.Л. Паавер, Т. Сутт (Эстония), Г.А. Югай (Казахстан) и многих других.

Эта же проблематика стала центральной и в пятитомном издании серии «Философский анализ оснований биологии».

Первой работой, опубликованной в этой серии, стала книга «Природа биологического познания». Стремительное развитие биологической науки привело к расширению ее предметной области, к изменениям в содержании, структуре, в ее контактах с другими сферами знания, в том числе и с философией. Новые тенденции методологического исследования, связанные с активным проникновением «человеческого измерения» в гносеологию, оказываются созвучными обращению биологических наук к проблемам человека и среды его обитания.

Особенность современного этапа разработки философских проблем науки о жизни предполагает исследование обновившегося социально-культурного контекста существования и функционирования биологического знания, нового места биологии в системе наук, новых социальных заказов, предъявляемых биологии обществом.

Все это заставляет по-иному взглянуть на основания биологии, на задачи философии в прояснении этих оснований, их теоретической реконструкции. Осуществление такого исследования невозможно без критичного и самокритичного отношения к существующей фрагментарности философского знания, обращенного к биологии. Вполне понятны трудности, возникающие в процессе преодоления стереотипов мышления, устоявшихся схем исследования принципиальных вопросов, начиная с вопроса о взаимоотношении естественнонаучного и философского знания. В книге делается попытка рассмотреть все эти проблемы.

Здесь опубликована последняя прижизненная работа выдающегося отечественного биолога и методолога науки С.В. Мейена «Логико-методологические и теоретические стереотипы в биологии»¹. Автор полагает, что впечатление сегодняшней динамичности биологического познания обманчиво. Биология уже давно вступила в полосу теоретической стагнации. Новых идей фактически нет. Это объясняется тем, что фундаментальные проблемы биологии остаются в действительности переменными. Выход биологии из ее нынешнего состояния, по мнению С.В. Мейена, возможен лишь путем критического пересмотра философских оснований и теоретических постулатов биологии. К числу таких установок, требующих переосмысления, автор относит адаптационизм. Он считает вполне возможным, что именно адаптационистская доктрина привела к упадку эволюционную морфологию, сделала бесплодными дискуссии по общим проблемам эволюционизма.

В работе помещено не опубликованное ранее письмо А.А. Любищева П.Г. Светлову о правильности определения витализма и о нужности этого понятия².

Отвечая П.Г. Светлову, который понимает витализм как философское направление в биологии, указывающее на наличие в организмах факторов, не познаваемых всеми существующими методами и противоречащих твердо установленным философским и методологическим принципам, А.А. Любищев говорит:

¹ Мейен С.В. Логико-методологические и теоретические стереотипы в биологии // Природа биологического познания. М., 1991. С. 21.

² Любищев А.А. Из письма П.Г. Светлову // Природа биологического познания. М., 1991. С. 24–29.

«Надо изменить наши философские и методологические принципы и тогда эти факторы станут познаваемыми», и пытается доказать это.

Ю.А. Шрейдер анализирует поиски философско-методологических принципов биологии в трудах А.А. Любищева и С.В. Мейена³. Он рассматривает в какой мере и каким образом интерес к методологической проблематике и философским основаниям научного знания сказывается на реальной повседневной деятельности ученых. Эта проблема особенно остро стоит в области биологии и примыкающих к ней наук, ибо в этих областях явно просматривается влияние философско-методологических установок на отношение ученых к тем или иным теоретическим концепциям.

Подобный анализ, поиск оснований современной биологической науки можно продолжить, исследуя фактически каждую статью этой интереснейшей работы. Но тогда это, пожалуй, превратится в еще одну рецензию на нее. Наша задача здесь иная – подчеркнуть, что понимание природы биологического познания невозможно без философской рефлексии, без исследования оснований биологии как науки. И эта проблема убедительно и всесторонне раскрыта в этой книге.

Но для ее плодотворного использования очень важным оказывается определение предмета самой философии биологии, преодоление существующей фрагментарности философского знания, обращенного к биологии. Эта проблематика стала вторым ключевым акцентом проводившегося исследования.

Р.С. Карпинская под философией биологии понимает систему обобщающих суждений философского характера о предмете биологии, ее месте среди других наук, ее познавательной и социальной роли в современном обществе⁴.

Л.В. Фесенкова считает, что философия биологии представляет собой определенный набор мировоззренческих и методологических постулатов, лежащих в основе теоретических принципов биологии и задающих определенное видение ее предмета. Автор полагает, что первоочередная задача методологического анализа

³ Шрейдер Ю.А. Поиски философско-методологических принципов биологии. Феномен А.А. Любищева и С.В. Мейена. М., 1991. С. 29–34.

⁴ Карпинская Р.С. Природа биологии и философия биологии // Природа биологического познания. М., 1991. С. 5.

мировоззренческих концепций, ориентированных на естественнонаучное знание и претендующих на научность своих выводов, состоит в четком определении границы, отделяющей научную теорию от мировоззренческих представлений. Необходимо знать, что именно в рассматриваемых суждениях обосновано научными данными и представляет собой достоверное знание, а что таковым не является. В противном случае можно не заметить, опасается Л.В. Фесенкова, как должное включится в сущее, идеальные взгляды субъекта на мир в целом – в строгие выводы науки⁵. Подобная позиция расширяет видение предмета философии биологии, вносит в него новые аспекты.

По мнению А.И. Алешина, центральной задачей философии биологии становится развитие таких концептуальных представлений, которые создавали бы наилучшие условия для реализации методологическим сознанием установки на диалог и оказались бы способны эффективно блокировать навыки «монологической» методологии⁶.

Таким образом, исследовательская работа, отраженная в статьях книги, дала возможность разносторонне обсудить предмет современной философии биологии, наметить основные подходы к пониманию философского анализа оснований биологической науки.

В то же время хорошо понятно, что исследование специфичности феномена жизни далеко выходит за рамки только философии биологии – как науки о живых организмах и их взаимодействиях. Поэтому следующим шагом в реализации общего замысла исследования стала работа над книгой «Биофилософия», изданной вторым томом серии.

В данной книге речь идет о современном понимании не философии биологии, т. е. не философии науки о жизни, а именно о философском осмыслении самого феномена жизни как неотъемлемого компонента бытия, компонента природы и культуры. Методологический, гносеологический анализ развития наук о жизни не исчерпывает и не восполняет необходимости предельно широкого, философского анализа самого феномена жизни.

⁵ *Фесенкова Л.В.* Специфика биологии и проблемы оснований науки // *Природа биологического познания.* М., 1991. С. 112–123.

⁶ *Алешин А.И.* Междисциплинарные связи биологии как пространство возможностей теоретического поиска // Там же. С. 170.

Философия жизни – это философское осмысление явления жизни в его феноменальной, онтологической данности. Это анализ того, как сам факт существования жизни влияет на формирование онтологических схем и объяснений, утверждение различных познавательных моделей в их конкретном историческом наполнении⁷.

Развивая эти идеи, А.Т. Шаталов и Ю.В. Олейников полагают, что со становлением биофилософии происходит выход на более широкий мировоззренческий уровень охвата феномена жизни как основополагающего факта бытия планетарного целого и человеческого существования в нем. Происходит становление нового интегрального подхода, формирование нового научного направления.

Биофилософию эти авторы представляют как комплексную, интегративную, биологически ориентированную междисциплинарную отрасль знания, вскрывающую мировоззренческо-методологические, гносеологические, онтологические и аксиологические проблемы бытия Универсума через призму исследования феномена жизни. В.Г. Борзенков, конкретизируя названные проблемы, говорит о сходстве и различиях в известных из истории философии концепциях «философии жизни» и становящейся ныне «биофилософии». Философия жизни, по его мнению, это, прежде всего, философия. Исходное понятие этой философии – жизнь понималась как обозначение реальности, являющейся по сути своей иррациональной, недоступной рассудочному, научно-рациональному постижению. Для биофилософии же можно выделить по меньшей мере три области исследований, характеризующих ее предмет. Это: 1) исследования в области философских проблем биологии; 2) исследования в области биологических основ всего, что связано с человеком, человеческой культурой, социальными институтами, политикой, этикой, эпистемологией и т. д.; 3) исследования жизни под некоторым более общим углом зрения, чем это характерно для самой биологии (в рамках кибернетики, информатики, общей теории систем, синергетики, самоорганизации и т. д.), а также с переносом как биологических, так и других понятий, наработанных в исследовании жизни, на весь класс природных и социальных систем, в том числе и на Вселенную в целом⁸.

⁷ Лисеев И.К. Философия жизни – путь к новой парадигме культуры // Биофилософия. М., 1997. С. 95.

⁸ Борзенков В.Г. От «философии жизни» к «биофилософии» // Там же. С. 27–41.

Логичным этапом развития этого нового исследовательского направления стал анализ аксиологического понимания феномена жизни, реализованный в третьем томе серии «Жизнь как ценность».

Аксиологический анализ такого объекта, как жизнь, связан с определенными трудностями вследствие того, что в представлениях современного человека «ценность» уже включена в понятие «жизнь». Ценность жизни (особенно человеческой) в системе наших цивилизованных установок полагается как нечто само собой разумеющееся, не подлежащее ни сомнению, ни обсуждению и, тем более, не требующее теоретического исследования.

Тем не менее относительный характер ценности жизни выступает во всей своей очевидности при рассмотрении универсального процесса переоценки ценностей, протекающего на протяжении всего двадцатого века.

Такое изменение аксиологического отношения к человеку сделало обсуждение проблемы ценности живого одним из наиболее значимых. Оно оказывается в центре самых животрепещущих проблем современности. Его молчаливое решение подразумевается при рассмотрении ключевых вопросов мировой политической, социальной и художественной жизни. Оценка человека присутствует, например, в проблеме «золотого миллиарда» или в т. н. «шоковой терапии», в которой имплицитно содержится еще не исследованная теоретически аксиологическая составляющая, затрагивающая вопрос о ценности людей, ставших жертвами этой экономической акции. То же можно сказать и обо всех крупных социально-экономических процессах, которые потрясают мир сегодня. Эта не исследованная еще ценностная компонента, стоящая за нашими теориями и делами, требует специального анализа.

Разработка темы «Жизнь как ценность» начинается с исследования понятия «ценность». В соответствии с этим первый раздел книги посвящен анализу аксиологических подходов к жизни, основанных на различных мировоззренческих установках. Читатель знакомится с позицией философской антропологии Макса Шелера и его последователей, со взглядами русских философов всеединства (В. Соловьева, С. Булгакова, П. Флоренского и др.), с аксиологическими представлениями Ф. Ницше и религиозных сторонников русского космизма («активного христианства»), с установками разных направлений в исследовании психики человека.

Теме ценности жизни в религиозных и мифологических системах посвящен второй раздел книги. В нем исследуются представления о ценности жизни в Ветхом Завете, в христианстве, в дохристианских культах древних славян, в конфуцианстве и даосизме. Особое внимание уделяется сравнительному анализу аксиологического отношения к жизни в культурах Запада и Востока.

В третьем разделе книги жизнь как аксиологический феномен рассматривается в психосоциальном и культурологическом дискурсах. В этом разделе исследуются вечные вопросы жизни и смерти, бессмертия, смысла жизни. Аксиология здесь совмещается с этикой и психологией. Поднимаются животрепещущие проблемы об изначальной преступности человека, о праве убивать, о ценностном измерении разных типов жизни. Затрагиваются аксиологические аспекты валеологии, кармической медицины и биоэтики в связи с их особой ролью в становлении новой мировоззренческой парадигмы.

Проведенное исследование показывает, что тема «жизнь как ценность» выходит за рамки чисто аксиологического дискурса и затрагивает многие иные философские проблемы первостепенной важности.

Четвертый том серии «Методология биологии: новые идеи» посвящен исследованию новых идей в методологии биологии и анализу общего состояния методологического сознания в сфере наук о жизни. Здесь представлена сложная, нелинейная, часто взаимопротиворечивая картина процессов, разворачивающихся в этой области знания. С одной стороны, именно в сфере биологического познания зарождаются и вызревают новые методологические идеи, которые становятся регулятивами в разработке стратегии исследовательской деятельности в биологии, выходя и в другие области знания. С другой стороны, многообразие накопленных в биологии зачастую противоречащих друг другу концепций и схем привело к мозаичности современного биологического знания, превращению биологии в некий конгломерат порой мало связанных друг с другом дисциплин.

Все эти проблемы подвергнуты методологической рефлексии. Формирование в биологическом познании новой познавательной установки, дающей возможности преодолеть разрыв в развитии эволюционной и организационной биологии, названной коэво-

люционной стратегией, рассмотрено в статьях И.К. Лисеева⁹ и О.Е. Баксанского¹⁰. О синергетике в качестве междисциплинарного направления исследований, изучающих язык пространств становления, пишет В.И. Аршинов¹¹. Он характеризует основные концептуальные основы этой науки, дающие возможность ее применения и в сфере биологического познания. Опыт построения семиотической теории жизни предлагает Н.А. Заренков¹². Согласно этой концепции предметом теоретического исследования становится готовое знание, заключенное в письменных текстах. Физико-химическая биология пользуется языком чисел, натуралистическая – языком слов. Отсюда следует вывод – теория в биологии должна быть семиотической.

Соотношению идей целостности и редукционизма (в авторской интерпретации: микроредукционизма) посвящена статья Л.В. Белоусова. В современной молекулярной биологии, этом признанном триумфаторе микроредукционизма, продолжает бытовать убеждение, что ничем другим не дополненный микроредукционистский подход сможет разрешить все вопросы. Автор опровергает это заблуждение, показывая, что даже реакции клеток, опосредованные точными и тонкими молекулярными механизмами, определяются не только ими, но и макроуровнем. А на иных уровнях биологического знания это выступает еще более ясно. Так вся классическая биологическая систематика базируется на идеях целостности, а от нее решающим образом зависит степень экстраполяции любой эмпирической находки.

Следовательно, возникает парадоксальная ситуация: большинство биологов-эмпириков продолжают исповедовать и использовать безудержный микроредукционистский подход, считая его, видимо, критерием принадлежности к современной науке. По мнению же автора, XX в. в самых зловещих и прискорбных своих проявлениях – это именно век микроредукционизма, век безудержного рас-

⁹ Лисеев И.К. Новые методологические ориентации в современной философии биологии // Методология биологии: новые идеи. М., 2001. С. 21–32.

¹⁰ Баксанский О.Е. Козволюционные репрезентации в современной науке // Там же. С. 44–62.

¹¹ Аршинов В.И. Синергетика как язык пространств становления // Там же. С. 210–222.

¹² Заренков Н.А. Опыт построения семиотической теории жизни // Там же. С. 190–210.

щепления, сдерживаемого в каждый данный момент лишь техническими возможностями – будь то расщепление атома, топливных ресурсов, природных сообществ, да и самой души человеческой¹³.

В.Г. Борзенков, оценивая современную биологию в зеркале методологической рефлексии, подчеркивает, что развитие методологической мысли всю первую половину XX в. шло под знаком решающего доминирования идеи методологического монизма. Ныне же, несмотря на непрерывные дискуссии, не достигнуто единство ни по одному из обсуждающихся вопросов. Это касается проблем, связанных с анализом структуры эволюционной теории, функционального объяснения в биологии, телеологии живого. Автор убежден в том, что главная задача в области методологии биологии сейчас – сквозная логико-методологическая проработка всего массива накопленного знания о живой природе¹⁴.

Наконец, в пятом томе серии «Биология и культура» рассматривается место и роль биологической науки в формировании новых регулятивов культуры. В статье И.К. Лисеева анализируются изменения места и роли биологии в системе научного знания, эволюция понимания предмета биологической науки, изменения в стратегии исследовательской деятельности в изучении живого. Автор рассматривает роль философии жизни в новой парадигматике культуры¹⁵. А.П. Огурцов вычленяет биологические метафоры, в которых живет культура. Он рассматривает метафору организма в процессе формирования социальной мысли, путь от метафоры к моделям эволюционной теории науки¹⁶. Тема исследования И.П. Меркулова – взаимосвязь биологической и культурной эволюции¹⁷. С.В. Туровская рассматривает жизнь как факт культуры¹⁸.

¹³ Белоусов Л.В. Ценность в биологии – общая декларация или основа для конструктивной программы? // Методология биологии: новые идеи. М., 2001. С. 74–82.

¹⁴ Борзенков В.Г. Современная биология в зеркале методологической рефлексии // Там же. С. 83–93.

¹⁵ Лисеев И.К. Современная биология в формировании новых регулятивов культуры // Биология и культура. М., 2004. С. 5–49.

¹⁶ Огурцов А.П. Биологические метафоры, в которых живет культура // Там же. С. 202–241.

¹⁷ Меркулов И.П. Взаимосвязь биологической и культурной эволюции // Там же. С. 288–213.

¹⁸ Туровская С.В. Жизнь как факт культуры // Там же. С. 318–342.

Все представленные в труде работы в той или иной форме способствуют развенчанию часто высказываемых ныне утверждений о нейтральности науки по отношению к культуре, о нарастании негативных тенденций во взаимодействии науки и культуры. Фактологическое содержание тома дает возможность утверждать прямо противоположную позицию: современная наука (а биологическая особенно) оказывает все возрастающее воздействие на формирование новых норм, установок, идеалов и ориентаций культуры.

Исследование, результаты которого отражены в пяти опубликованных книгах, позволило воссоздать целостный образ современной философии биологии. Он охватывает и отражает все основные составляющие бытия философского знания: онтологическую, методологическую, ценностную, общекультурную. Очень важным при этом является то, что этот образ формировался в совместной работе, дискуссиях, спорах и обсуждениях совместно философами и естественниками—биологами и экологами. Впечатляет сам перечень авторских имен в этих томах.

Среди них – ярчайшие, самобытно мыслящие ученые А.А. Любищев, С.В. Мейен, Ю.А. Шрейдер, выдающиеся ученые-естественники С.Э. Шноль, Л.И. Корочкин, Л.В. Белоусов, Г.А. Заварзин, К.М. Хайлов, лидеры современных теоретических дискуссий А.В. Олескин, Б.В. Преображенский, В.И. Назаров, В.Л. Воейков, К.М. Петров.

Вклад в формулировку и обоснование концепции серии и ее фактологическую разработку внесли крупнейшие отечественные философы биологии Р.С. Карпинская, А.П. Огурцов, Ф.Т. Михайлов, П.С. Гуревич, А.С. Мамзин, И.П. Меркулов, А.И. Алешин. Среди авторов томов – яркие, активно работающие ныне ученые Б.Г. Юдин, В.Г. Борзенков, В.М. Розин и многие другие.

В итоге на основании всех материалов серии удалось выделить, разработать и проанализировать следующую проблематику.

– Целостное обоснование предмета современной философии биологии.

– Анализ оснований биологии как науки.

– Изучение специфики биологического познания.

– Рассмотрение тенденций и направленности трансформаций методологического сознания в биологии.

– Выявление новых теоретических установок, вытекающих из современных методологических идей.

– Обоснование биофилософии как нового современного направления исследований.

– Изучение ценности жизни в различных культурных, философских, конфессиональных системах.

– Обоснование роли биологии в формировании новых регулятивов культуры.

Проведенное исследование по широте охвата проблематики, характеру сделанных выводов представляется уникальным для отечественной, да пожалуй, и мировой литературы по названным проблемам.

Тем не менее оно не до конца охватило все многообразие вызовов, идущих сейчас со стороны комплекса наук о жизни. Причем характерно, что новые наработанные в биологии идеи уже требуют трансформации самих традиционных форм философского анализа. Поэтому замысел нового исследовательского проекта «Науки о жизни и современная философия» состоял именно в том, чтобы ответить на вопросы о роли наук о жизни в трансформации современного философского знания. Поразмышляем над темами, ставящими и обсуждаемыми в этом проекте.

1.2. Основные направления трансформации философских принципов под воздействием открытий современной биологии

Современный комплекс наук о жизни ставит в своем развитии перед философским знанием целый ряд новых вопросов и проблем, возникающих в связи с открытиями и наработками в сфере биологического познания, с новыми возможностями биологических экспериментов и конструктивных практик преобразования мира живого. Это проблемы геной и клеточной инженерии, инженерии биогеоценозов, проблемы био- и экоэтики и многие другие. В этой связи остро актуализируется возможность философского знания ответить на эти вновь возникающие проблемы и вызовы, идущие из сферы исследования и преобразования живого. В данном контексте необходим анализ ограниченностей традиционно сложившихся стереотипов философского знания в ответах на эти новые запросы науки и практики. Анализ основных направлений трансформации

философских норм и установок в сферах онтологии, гносеологии, аксиологии и праксиологии, которые позволяют адекватно ответить на возникающие научные вызовы нашего времени.

Ответы эти, естественно, должны быть не сугубо прагматическими, а глубинно-философскими, намечающими, как в связи с подобными вызовами могли бы измениться действующие онтологические, познавательные и ценностные философские установки. Ф. Фукуяма в своей работе «Наше постчеловеческое будущее», характеризуя происходящую ныне биотехнологическую революцию, отмечает, что эта революция – не просто нарушение или ускорение размеренного хода событий. Она приводит к тому, что будущее человечества оказывается открытым, непредзаданным и в решающей степени зависит от наших нынешних решений и действий¹⁹. А эти решения и действия очень трудно предпринимать на основе действующих архетипов философского знания, традиционно отражающих пройденный путь цивилизационного развития и не готовых к освоению (или обсуждению) новых инновационных инвектив.

Поэтому одной из первоочередных задач философского осмысления мира живого представляется задача создания целостного образа философии биологии во всех ее воздействиях и применениях. Философия биологии при этом не может быть до и вне биологии заготовленным комплексом методологических проблем, либо методологических средств исследования. Она формируется как конкретное историческое образование, зависимое от токов как сверху (от определенного уровня современной методологической культуры), так и снизу (от уровня и характера научно-теоретических исследований в биологии). Ибо современное философское познание не существует над биологическим. Оно непосредственно выводится из него, вычленяется как элемент, сторона реальности, создающейся в ходе научного исследования. Современная философия, в отличие от натурфилософии, рассматривает свой объект не изолированно от конкретных форм познания, но как его результат, итог взаимодействия субъекта и предмета природы. Философия имеет дело со «второй реальностью», созданной наукой, т. е. в случае познания закономерностей живых систем – с биологической реальностью, которая изменяется по мере развития наук о жизни.

¹⁹ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. М., 2004.

Осознавая всю многогранность, многоплановость и нелинейность поставленной задачи, наметим лишь основные направления в её решении. Ответы философии на вызовы биологии, с нашей точки зрения, должны быть отражены в трансформации действующих ныне онтологических, методологических и аксиологических установок.

В онтологическом аспекте особое внимание должно быть привлечено к исследованию онтологических схем, представленных как в различных науках, так и в разных направлениях одной науки. Естествознание наших дней имеет дело с множеством картин природы, онтологических объяснительных схем, зачастую альтернативных друг другу или не связанных между собой. Это ведет к непониманию, несовпадению картин мира, предлагаемых различными областями научного знания. В частности, в биологии из-за этого так и не преодолен разрыв эволюционного, организационного и функционального подходов к исследованию живого.

Задача трансформации онтологического направления в ответах на вызовы биологической науки видится в выявлении онтологических моделей, лежащих в основаниях различных подразделений современной науки о жизни, рефлексивной работе по осмыслению их сути, взаимоотношений друг с другом, их рационализации и упорядочению.

Проведенная работа в конечном итоге ведет к новому пониманию природы, освобожденному от натурфилософских представлений о природе как существующей вне и независимо от человека. Фундаментальными абстракциями, консолидирующими новую концепцию философии природы, становятся идеи глобального эволюционизма, коэволюции, человекоразмерности естественно-научных концепций.

Философия природы из некоей мировой схематики, характерной для натурфилософии, становится философскими размышлениями человека, существующего в природной среде, вовлеченного в сложную сеть взаимоотношений с природой. Природа втянута в горнило человеческой деятельности и не может быть осмыслена вне этих отношений, вне исторического мира культуры.

В методологическом плане трансформация философского знания под давлением реалий биологического познания способствует осознанию того, как новые методологические конструк-

ты ведут к инновационному выходу за пределы существующих стандартов. Осознание и формулировка в биологии новых методологических принципов, имеющих порождающий характер, как правило, вела к становлению новой картины биологической реальности. Это ярко проявилось в процессе утверждения в биологии новых познавательных установок целостности, организации, эволюции, системности. Сейчас на повестке дня – утверждение нового познавательного конструкта – коэволюции, отражающего механизм сопряжения организации и эволюции материальных систем. Идея коэволюции становится новой парадигмальной установкой культуры XXI в., задает новые перспективы для синтеза естественных и социальных наук, преодолевая ограниченности натурализма, социологизма и историчизма, объединяя альтернативные стратегии элементаризма и системности, эволюционизма и структурализма.

Весьма важные изменения происходят и в сфере аксиологии. Традиционно все цивилизационные установки техногенного общества, ориентированного на идею прогресса, принимают фактор конкуренции, соревновательности, взаимной борьбы в качестве ведущего фактора прогресса, ссылаясь при этом на дарвиновское положение о борьбе за существование. Однако в биологии уже давно показана альтернативность этой позиции. Так, одним из первых российский ученый К.Ф. Кесслер, за ним П.А. Кропоткин и др. обратили внимание на то, что наиболее приспособленными часто оказываются не те, кто физически сильнее и агрессивнее, а те, кто лучше объединяется, кооперируется, помогает друг другу. Это привело к созданию концепции, согласно которой взаимная помощь выступает как ведущий фактор эволюции и двигатель прогресса. Эта позиция получает поддержку и в современной литературе (Б.Л. Астауров, В.П. Эфроимсон, Л.В. Крушинский и др.). Современный ученый академик Г.А. Заварзин, критикуя рыночную концепцию конкуренции утверждает: главный тезис антирыночной концепции – фундаментальное положение организма в трофической системе предполагает в первую очередь кооперацию, а не конкуренцию²⁰. Трудно переоценить значение этих идей, перенесенных из сферы биологии в сферу социума и закрепленных от-refлексированной философской мыслью.

²⁰ Заварзин Г.А. Антирынок в природе // Высш. образование в России. 2007. № 4.

Развитие фундаментальной биологии породило новую гносеологическую ситуацию, которая требует кардинального пересмотра философской базы для описания субъекта, объекта познания и их взаимодействия – отмечают А.В. Дейкин и А.Р. Саяхова. – Естественная наука рассматривает мир с позиций общих законов (в первую очередь – эволюционизма). Человек не просто номинально является частью природы; его единственность, родственность природе, постулируемая биологией, все меньше оставляет места для «самости», независимости и особенности, которые всегда подчеркивались в человеке представителями социально-гуманитарного знания.

Сегодня в биологии, так же как и во всем комплексе научного знания, достигнута максимальная степень взаимосвязи субъекта и объекта исследования, их слияние. Изменилось само их отношение: они абсолютно наложились друг на друга²¹.

Обсуждая вопрос о лидерстве научных дисциплин в естествознании нашего времени, представители разных областей знания ориентировались на разные критерии. А.С. Мамзин отмечает, что «если для представителей конкретных наук главным аспектом обсуждения был социальный аспект – т. е. вопрос о том, какие из наук следует в наибольшей степени финансировать и поддерживать, рассчитывая на практические воплощения их достижений, – то для философов вопрос стоял в иной плоскости. А именно: какие из наук дают большую методологическую базу для всех остальных»²². К этому можно добавить: не только методологическую, но и мировоззренческую, и праксиологическую базу.

И здесь в данном вопросе биология оказалась вне конкуренции. Рассмотрим это в последующем изложении.

²¹ Дейкин А.В., Саяхова А.Р. Трансгенез: философские подходы и трансформации // Науки о жизни и современная философия. М., 2010. С. 493–494.

²² Мамзин А.С. Биология и философия // Там же. С. 9.

1.3. Изменение стиля мышления, смена методологических подходов – от биологии к философии и культуре

Эволюционный подход

Эволюционизм уже более века является одним из определяющих феноменов современной культуры. Его развитие шло по двум основным направлениям, которые можно назвать интенсивным и экстенсивным. Сущность первого состоит в развитии и усовершенствовании эволюционных идей, в превращении их в систему взглядов, нацеленных на раскрытие причин эволюции, ее источников и движущих сил, на создание различных теорий эволюции и их совершенствование. Сущность второго в том, что многие проявления реальности, ранее рассматривавшейся внеисторически, осознаются в историческом, эволюционном контексте. Историзм, понятый как методологический принцип, в этом случае вел к раскрытию причин самодвижения, саморазвития объектов на основе учета объективной противоречивости реального мира. Эволюционизм развивался вширь, захватывая все новые области реальности и открывая при этом новые перспективы их познания и интегральной оценки. Характерные примеры эффективности эволюционных подходов представлены ныне в развитии почти всех сфер реальности, что свидетельствует об универсальности эволюционных процессов, ведущей к превращению идеи эволюции в концепцию глобального эволюционизма.

Эволюционные представления имеют давнюю и сложную историю. Однако наиболее ярко и доказательно они были развернуты в трудах мыслителей XVII–XX вв.

Наиболее значимые среди них – концепции **К. Линнея, Ж.Б. Ламарка, Ж. Кювье, Э. Жоффруа Сент-Илера, К. Бэра, Ч. Дарвина, Г. Менделя, создание синтетической теории эволюции, синтез эволюционных и организационных идей на основе объединения теории эволюции, генетики и экологии и т. д.**

Первый глобальный синтез предшествовавших эволюционных представлений осуществил Чарльз Дарвин. Принципиальное отличие дарвиновской концепции от других эволюционных и трансформистских взглядов в том, что Дарвин раскрыл движущий фактор и причины эволюции.

На многие годы он стал нормой эволюционных представлений, ознаменовав собой целую эпоху в биологии, науке в целом и в культуре. Развитие эволюционных идей на основе дарвинизма вглубь и вширь привело в конце XX в. к формированию концепции глобального эволюционизма, предлагающего эволюционный взгляд на все мироздание в целом.

В то же время, несмотря на широкое распространение и признание, дарвинистские идеи вызвали и многообразную критику. Предлагались различные антидарвиновские теории эволюции.

С другой стороны, в силу престижности эволюционных идей порой осуществлялось неоправданное перенесение схем конкретных эволюционных теорий (в частности Ч. Дарвина) на другие области знания, где они вели к ложным выводам. Достаточно вспомнить многочисленные варианты социал-дарвинизма, некоторые концепции эволюционной эпистемологии и т. д.

Выдвигались и альтернативные варианты эволюционных концепций. Одним из таких интересных и перспективных вариантов создания иной теории эволюции стала концепция П.А. Кропоткина. Им предпринята дерзкая попытка выработать синтетическую философию, охватывающую Вселенную во всем ее целом. Его мирозерцание – это мирозерцание естествоиспытателя, основанное на механическом понимании явлений, охватывающем всю природу, включая и жизнь человека.

Его метод исследования – это метод естественных наук, с помощью которого обобщения, полученные индуктивно-дедуктивным путем, прикладываются к оценке человеческих учреждений и обществ на естественнонаучной основе. Это дает возможность охватить в синтетической философии все явления природы, включая и человеческую жизнь, и экономические, политические, нравственные проблемы. П.А. Кропоткин поставил себе цель создать своего рода синтетическую теорию, которая бы позволила описать все многообразие природного и социального мира, основываясь на общем начале – эволюционной идее, позволяющей объяснить развитие как природы, так и общества с единых научных позиций.

Таким образом, с точки зрения Кропоткина, широкое понимание термина «борьба за существование» вполне включает в себя взаимопомощь и взаимоподдержку как один из эффективных инструментов борьбы за лучшее будущее, реальный фактор эволюции.

Обобщая и резюмируя имеющиеся эволюционные подходы и установки, несмотря на их многообразие, их несхожесть и, зачастую, взаимопротиворечивость, можно констатировать, что с их появлением и развитием в биологии сформировался новый стиль мышления. Этот стиль мышления можно в целом назвать эволюционистским.

Организационный подход

Методологический конструкт организации, также стал одной из главных мировоззренческих ориентаций XX в.

В 1913 г. была опубликована «Всеобщая организационная наука (тектология)» А.А. Богданова, положившая начало становления этого подхода. Термин «тектология» впервые ввел в научный оборот Э. Геккель для обозначения дисциплины, описывающей принципы строения живых организмов. А.А. Богданов придал этому термину обобщенное значение, построив на его основе всеобщую организационную науку, излагающую общую теорию организации и структуры систем. Исходной посылкой для автора явилось осознание того, что законы организации систем едины для любых объектов, независимо от субстратов, их составляющих. А вследствие этого – подобные законы можно изучать в обобщенной форме. Разрабатывая основные идеи и принципы тектологии, А.А. Богданов высказал ряд интереснейших, опережающих своё время инновационных положений.

Эти идеи все еще ждут своего осмысления и практического применения, столь актуального для современного момента нашего исторического развития.

Логичным продолжением и развитием этого организационно-методологического конструкта стал системный подход, который превратился в один из самых мощных регулятивов XX в., в доминирующую познавательную модель. Взгляд на мир с позиций системности привел к существенной трансформации и изменению онтологических, гносеологических, ценностных и деятельностных установок и ориентаций. И первоотщок всем этим процессам во многом дал выдающийся австрийский мыслитель Людвиг фон Берталанфи. Берталанфи был биологом-теоретиком. Не явля-

ясь профессиональным философом, он, может быть, не до конца осознавал всю грандиозность задуманного им проекта, но все его шаги от создания организмической теории целостности до формулировки общей теории систем – вели к этому.

В начале XX в., точнее в его 20-х гг., сформировались различные концепции целостности, объединенные под названием «организмических». Л. фон Берталанфи стал наиболее крупной и яркой фигурой, которую выдвинуло организмическое движение. Создавая свою организмическую теорию, Берталанфи положил в ее основу представление о том, что живой организм не является неким конгломератом отдельных элементов, а выступает как определенная система, обладающая свойствами целостности и организованности.

Переход Берталанфи к созданию «общей теории систем» определялся отнюдь не только творческим развитием взглядов автора. Он отражал и общие изменения в социально-культурной атмосфере эпохи, новые проблемы, вставшие перед развитием науки во второй половине века. К этому времени стремительное развитие технического прогресса, широкое внедрение принципов автоматизации, возникновение электронно-вычислительной техники и т. д. привели к тому, что наука и практика все более стали иметь дело с большими системами, со сложными взаимодействиями их частей и элементов.

Изменилась за эти десятилетия и биологическая наука. Она решительно отказалась от доминировавших ранее лишь организменных подходов, быстро двинулась к познанию как суборганизменных, так и надорганизменных закономерностей. Этот процесс предполагал более пристальное внимание к анализу сложных взаимоотношений как внутри каждой из этих областей науки о жизни, так и между ними. Возникла потребность в разработке новых принципов интеграции знания о живом. Традиционный организменный стиль мышления в биологии был потеснен новым популяционным мышлением.

Таким образом, стала настоятельным требованием времени задача разработки методов познания сложных объектов как систем. Вместе с тем была остро поставлена проблема общепhilософского осмысления и обоснования этих методов, разработки общеметодологической концепции.

В философской системе методологии и мировоззрения принцип системности играет важную роль одного из ведущих принципов интеграции научного знания. На его основе создается возможность для осуществления системного подхода к анализу объективных системных образований действительности. Дело в том, что реальная системность объектов действительности, их целостная многоуровневая взаимосвязь и взаимозависимость далеко не всегда являются очевидным фактом. Как правило, ее надо выявить в познавательном движении, вычленив и обосновать. Сложность этой задачи обуславливала то, что долгое время многие системные образования рассматривались как несистемные. Это происходило как из-за отсутствия системной ориентации познания, так и из-за неразработанности методологических приемов представления в познании объектов как систем, неразработанности соответствующего категориального аппарата. Поэтому успешное решение данных проблем является одним из основных моментов в философском обосновании системного подхода.

Принцип системности в сфере биологического познания предстает, таким образом, как путь реализации целостного подхода к объекту в условиях учета сложнейшей и многообразной дифференцированности знания, достигнутого в современной науке о жизни.

Наконец, вершиной, ознаменовавшей функционирование организационного подхода в науках о жизни, стало формирование на его основе, наряду с концепцией глобального эволюционизма, еще одной фундаментальной концепции – концепции глобальной экологии. Биологическая наука экология, занимающаяся изучением взаимоотношений организмов со средой их обитания, начала стремительно расширять свой предмет. Это определялось изменением реалий нашего времени, ухудшением экологической обстановки, угрозой нарастания экологического кризиса. Возникли понятия «экология человека», «социальная экология», «глобальная экология» и т. д. Некоторые трактуют эти понятия и стоящее за ними содержание синонимически, употребляя их через запятую. Однако за этими терминами стоят достаточно определенные и отличающиеся друг от друга проблемы.

Таким образом, можно констатировать, что доминирование структурно-организационных и экологических ориентаций привело к формированию и утверждению в биологии еще одного, претендующего на всеобщность типа мышления, который можно назвать организационно-экологическим.

Исследования, разворачивающиеся на основе этих двух доминирующих в биологии стилей мышления вели к существенным продуктивным результатам, но одновременно способствовали появлению разрывов в развитии эволюционных и организационных представлений.

Вопрос об их объединении или даже синтезе неоднократно возникал, но не приводил к реальным решениям. Только в конце XX в. в связи с новым рассмотрением традиционной для биологии идеи коэволюции возникла возможность осознания нового методологического подхода, способствующего решению данной проблемы.

Синтез организационного и эволюционного подходов

Синтез классического дарвинизма и генетики, осуществленный в середине XX в., привел к утверждению нового популяционного стиля мышления в биологии, где оказались совмещены идеи эволюции и организации, во всяком случае, на ее молекулярно-генетическом уровне. Это явилось важнейшим методологическим достижением в сфере биологического знания середины XX в. СТЭ, возникшая на основе этого мышления, долгие годы была доминирующей эволюционной концепцией.

Между тем ныне нарастает осознание ограниченности и СТЭ, огромен арсенал фактов и идей, не нашедших в ней отражения. Множатся различные недарвиновские концепции, яростно критикующие СТЭ. Ее представители не менее яростно и аргументированно защищаются. И вот в этой ситуации возникает интересное и важное методологическое следствие, которое можно назвать коэволюцией идей, когда при столкновении двух взаимоисключающих позиций победу одерживает не одна из них, а некий синтез первой и второй. Это можно рассматривать как проявление становления нового стиля мышления в биологии, который назовем коэволюционным. Укрепление и расширение подобного мышления, как

представляется, может способствовать новому взгляду на многие конфликтные точки современного биологического знания. Среди них – проблема соотношения дарвинизма и ламаркизма, преформизма и эпигенеза, тихогенеза и номогенеза, градуализма, нейтрализма и пунктуализма и т. д.

Каковы же основные онтологические основания для формирования подобного стиля мышления? Что лежит в основе самого процесса коэволюции?

Понимание естественного отбора как ведущего фактора эволюции составило целую эпоху в развитии представлений о жизни и учении о развитии в целом, конкретизировав основную задачу теории эволюции – выявление механизмов, посредством которых можно объяснить возникновение разнообразия индивидуумов и видов.

Дарвин привлек внимание к реальной изменчивости организмов как к повседневному явлению природы. Эволюция по Дарвину – это превращение изменчивости среди особей в изменчивость систематических групп, т. е. переход индивидуальной изменчивости в популяционную и видовую. Популяция выступает как совокупность свободно скрещивающихся особей одного вида, занимающих определенный ареал обитания. Для каждой популяции характерны конкретные пространственно-временные взаимоотношения, возможность свободного скрещивания особей в пределах популяции, при котором все возможные комбинации имеют равную вероятность, и наличие реальных пространственных границ популяции с соседними популяциями того же вида. Таким образом, эволюционные изменения в живой природе рассматривались как линейный тип развития. Это могли быть лишь филетические изменения, протекающие в одной филогенетической линии в процессе последовательной смены поколений. Считалось, что изменения, дифференциация популяций могли происходить лишь тогда, когда эти популяции были надежно изолированы друг от друга. Ибо только в этом случае мутантные гены, возникшие в одной из них и ведущие к появлению нового, могли остаться в ее пределах и положить начало наследственным уклонениям. Эволюция большого числа одновременно развивающихся форм рассматривалась на основе принципа кладогенеза – как независимая эволюция этих форм в условиях пространственного разобщения популяций.

В синтетической теории эволюции, знаменовавшей собой новый этап развития дарвинизма, на основе объединения идей теории эволюции и теории наследственности эти представления были углублены и расширены. Было показано, что наряду с известными факторами эволюции – наследственной изменчивостью (мутациями, комбинациями) и действием отбора определенную роль в эволюции играют и стохастические процессы, отражающие вероятностные изменения концентрации генов в малых популяциях. Эти процессы, названные генетико-автоматическими, или «дрейфом генов», отражают случайные колебания частот генов, обусловленные ошибками выборки, неизбежными при функционировании генетического механизма. На основе открытия дрейфа генов получила свое разрешение не объясненная Дарвиным загадка генетического эффекта изоляции в эволюции, вызывающего дивергенцию популяции по неадаптивным свойствам. На основании этого открытия в представления о биологической эволюции, как жестко однозначном типе линейного развития, был вбит первый клин.

Однако подлинно революционные изменения представлений о биологической эволюции начали происходить позже. В конце 70-х – начале 80-х гг. XX в. благодаря разработке новых методов в молекулярной биологии и геномной инженерии появилась возможность свободного манипулирования генетическим материалом и не опосредованная, а прямая расшифровка (секвенирование) последовательностей ДНК, РНК, структуры белков. Был подвергнут сомнению и практически опровергнут центральный постулат генетики, согласно которому гены, бесконечно редуцируясь, поддерживают постоянство генома, лишь изредка нарушаемое случайными изменениями – мутациями.

Были открыты многочисленные явления, демонстрирующие непостоянство генома. В практическом плане стала рассматриваться проблема немутационной изменчивости генома. Так, был обнаружен горизонтальный обмен генами между неродственными организмами, например, между бактериями и высшими животными. Была показана наследственная изменчивость генома, основанная на перемещениях подвижных генетических элементов²³.

²³ Обзор проблем см.: Хесин Р.Б. Непостоянство генома. М., 1985; Эволюция генома. М., 1986 и др.

Вес эти открытия свидетельствовали о том, что биологическая эволюция ныне уже не может рассматриваться как простой линейный процесс и требует своего рассмотрения как нелинейный тип развития. Эволюцию генов с этих позиций можно уяснить лишь через призму эволюции геноценозов, т. е. сопряженной эволюции всего множества генов в геноме. Наряду с естественным отбором и дрейфом генов был открыт и постулирован третий фактор эволюционного изменения – молекулярный драйв (от англ. drive – побуждение, стимул) Этот механизм можно назвать молекулярным приводом эволюции, суть действия которого – в изменении семейств последовательностей ДНК за счет распространения в них мутаций без явного влияния отбора на этот процесс. В результате наблюдается согласованная эволюция таких последовательностей в популяциях организма. С точки зрения Г. Доувера и соавторов, это достигается не увеличением размножения одних фенотипов за счет других, а путем индукции согласованных фенотипических изменений в популяцию индивидуумов²⁴.

Все это говорит о том, что на генно-молекулярном уровне действуют не только эволюционные механизмы развития, но и механизмы коэволюционные, предполагающие сопряженную эволюцию и взаимные селективные требования развивающихся объектов. С этих позиций, одной из наиболее обещающих концепций, свидетельствующих об универсальности идеи коэволюции, как совершенно справедливо констатировал С.Н. Родин, является концепция молекулярной коэволюции. Согласно этой концепции геном любого организма понимается как иерархически организованный, но достаточно слаженный, интегрированный ансамбль генетических информационных единиц разного ранга, и его цельность несомненно является продуктом взаимно адаптивной коэволюции этих единиц. Поэтому системный подход к изучению геномов, особенно актуальный в эпоху тотального секвенирования, означает, по мнению С.Н. Родина, что теперь большую значимость имеет построение теории не столько просто эволюции, сколько коэволюции макромолекул.

При этом мы должны отдавать себе полный отчет в том, что молекулярно-генетический уровень – это лишь исходный уровень коэволюционных процессов, разворачивающихся на всех уровнях

²⁴ Эволюция генома. М., 1986.

организации живого. «По сути дела, любая экосистема также является продуктом коэволюции, в которой участвовали соответствующие виды, т. е. в конечном счете – продуктом взаимно сопряженной селекции видовых геномов»²⁵.

Представление о всеобщности развития, закрепленное в концепции глобального эволюционизма, получило свое естественнонаучное воплощение в учении о биосфере как сложной целостной развивающейся системе. С позиций современной науки биосфера понимается как область существования и функционирования живых организмов, включающая в себя атмосферу, гидросферу, поверхность суши и верхние слои литосферы.

В.И. Вернадский, основоположник учения о биосфере, рассматривал ее как единство трех веществ: живого, биокосного и косного. Живое вещество составляют все ныне живущие организмы планеты. Биокосное вещество – это сочетание живого и неживого, образующее то единство, в создании которого участвуют компоненты того и другого, например, почва. Наконец, косное вещество – это любые неорганические, абиогенные составляющие Земли. По Вернадскому, для существования и развития жизни присутствие всех этих трех потоков вещества является необходимым, ибо только их сложное сопряженное взаимодействие и обеспечивает условия для поддержания жизни. Как справедливо отметил В.М. Федоров²⁶, учение о биосфере впервые дает развернутую теоретическую основу натуралистической формы синтеза, которая исторически предшествует отвлеченным физической или механической картинам мира. Исходной предпосылкой натуралистического (в данном случае – биосферного) мировоззрения стало представление о том, что «явления жизни и явления мертвой природы, взятые с геологической, т. е. планетной точки зрения, являются проявлением единого процесса» (В.И. Вернадский). Организм может быть отделен от земной коры «только в нашей абстракции», т. к. живое есть часть земной коры, неразрывно с ней связанная, есть «механизм», непрерывно ее изменяющий.

Однако в то же время ни один единичный организм или какой-либо единичный вид живых организмов не в состоянии существовать и эволюировать изолированно, исполняя все геохимические

²⁵ *Родин С.Н.* Идея коэволюции. Новосибирск, 1991. С. 251.

²⁶ *Федоров В.М.* Учение о биосфере и интеграция наук. М., 1986. С. 65–66.

функции жизни. На это также впервые в мире обратил внимание В.И. Вернадский. Рассматривая геохимические функции биосферы, он подчеркнул, что для существования жизни морфологический состав живой природы должен был быть сложным. Поэтому первое появление жизни в биосфере могло произойти не в виде появления одного какого-либо организма, а только в виде их совокупности, отвечающей геохимическим функциям жизни.

Итак, коэволюционные механизмы развития жизни в биосфере предполагают, во-первых, взаимосвязь неорганического (косного) и органического (живого) вещества, во-вторых, сложное взаимодействие живых организмов друг с другом. Но этим не исчерпываются все коэволюционные факторы, определяющие развитие жизни в биосфере. Помимо механизмов саморазвития живого, действующих в неразрывном единстве с земной корой, эволюция биосферы определяется и воздействием внешних условий, идущих из Космоса. Твари Земли, отмечал В.И. Вернадский, являются созданием сложного космического процесса, необходимой и закономерной частью стройного космического механизма. Исходя из этого и разгадка жизни не может быть получена только путем изучения живого организма.

Вернадский подчеркивал, что жизнь есть результат сложного взаимодействия, сопряженной эволюции целого ряда космических и земных факторов. «На основании всего эмпирического понимания природы, – писал он, – необходимо допустить, что связь космического и земного всегда обоюдная и что необходимость космических сил для проявления земной жизни связана с ее тесной связью с космическими явлениями, с ее космичностью»²⁷. Подобное космопланетарное понимание жизни, представление о тесной зависимости явлений, происходящих в биосфере, от космических факторов, развивалось и другим современником Вернадского, выдающимся русским ученым А.Л. Чижевским. «Теперь мы можем сказать, – писал он, – что в науках о природе идея о единстве и связанности всех явлений в мире и чувство мира как неделимого целого никогда не достигали той ясности и глубины, какой они мало-помалу достигают в наши дни»²⁸.

²⁷ Вернадский В.И. Живое вещество. М., 1980. С. 258.

²⁸ Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. М., 1976. С. 156.

Наличие подобных представлений на уровне эмпирических наблюдений, фиксация различных факторов такого рода требовали своего теоретического оформления. В работах В.В. Докучаева, В.И. Вернадского, А.Л. Чижевского, В.Н. Сукачева был выдвинут целый ряд принципиально новых идей в этом направлении. Одной из важнейших среди них стала концепция организованности биосферы и эволюции этой организованности. Согласно этой идее, организованность живого вещества биосферы имеет тенденцию к непрерывному возрастанию от простейших форм жизни вплоть до возникновения человека. Поэтому все теоретические проблемы эволюции видов не могут рассматриваться вне и независимо от их сложной коэволюции в рамках биосферы. Эволюция видов должна быть связана со строением биосферы. Ни жизнь, ни эволюция ее форм не могут быть независимы от биосферы, не могут быть ей противопоставлены как независимо от нее существующие природные сущности. И одновременно с этим подобное сложное коэволюционное взаимодействие внутри биосферы дополняется воздействием на процессы, происходящие в биосфере, факторов космических. Проблема прямого и косвенного воздействия космопланетарных факторов на живое вещество и его эволюцию становится одной из наиболее значимых и фундаментальных в современном естествознании.

Возникает необходимость введения в научный арсенал некоторых новых определений и категорий, отражающих эти интегральные характеристики коэволюционного развития. В.П. Казначеев, развивая идеи В.И. Вернадского и А.Л. Чижевского, предложил особую единицу, отражающую периодические колебания солнечной активности на биосферном уровне, назвав ее солнечно-биосферной единицей²⁹. Она вводится ученым на основе геохимических представлений о миграции элементов в биосфере и связывается с бассейнами стоков крупных рек планеты. По мнению В.П. Казначеева, солнечно-биосферные единицы дают возможность проведения пространственного и посменного анализа единых коэволюционирующих комплексов с учетом особенностей климатических зон, типов рельефов и ландшафтов. Солнечно-биосферные единицы, таким образом, выступают как своеобразные «площадки», на которых прослеживается общая картина взаимодействия разнооб-

²⁹ Казначеев В.П. Учение о биосфере. М., 1985.

разных геологических, географических, климатических, биологических, космических и антропогенных факторов. Причем группа последних факторов с учетом нарастающего научно-технического развития человечества имеет тенденцию к постоянному росту.

В.А. Красилов, анализируя взаимодействие человека и природы, высказал мысль о том, что человек является регулирующим фактором биосферы. В сложных системах, отмечает он, как правило, есть механизм исправления ошибок, механизм репарации повреждений. Так дефектные участки генетического кода вырезаются специальными ферментами – рестриктазами. Биосфера до сих пор не имела подобных механизмов, но по логике развития они должны были рано или поздно появиться. Появление мыслящего существа – человека, с точки зрения В.А. Красилова, означает потенциальную возможность сознательной репарации биосферы. «Однако, – делает существенную оговорку В.А. Красилов, – реализация этой возможности зависит от осознания человеком своей эволюционной миссии»³⁰. Продолжая эту мысль, можно заметить, что осознание этой эволюционной миссии человеком, во многом заключено в четком определении им своего места и своих возможностей в коэволюционном ряду общего развития универсума. Н.Ф. Реймерс полагает, что должен существовать какой-то дополнительный эволюционный механизм, какие-то направляющие ограничения в этом развитии универсума. Выделить его и понять можно, как представляется, только на основе использования идеи коэволюции всех этих сопряженных рядов развития. В своей книге «Начала экологических знаний» он выделяет общую структуру коэволюционирующих элементов³¹. Если учесть, что биосфера построена по иерархическому принципу и к тому же входит в иерархию систем космоса, то совершенно очевидна каскадность процесса эволюции: меняется место нашей галактики во Вселенной, эволюционирует Солнечная система, изменяется Земля как планета, все уровни и иерархии ее природных систем, включая экологические. Происходит эволюция многих эволюций, каждая из которых обуславливает ряд ограничений. Ритмы Солнца накладывают «вето» на многие варианты развития. Земная гравитация

³⁰ Красилов В.А. Охрана природы: Принципы, проблемы, приоритеты. М., 1992. С. 124.

³¹ Реймерс Н.Ф. Начала экологических знаний. М., 1993. С. 231–232.

отмечает все варианты, не соответствующие ей и т. д. Каждый вышестоящий уровень иерархии ограничивает и поэтому направляет развитие систем более низких уровней иерархии. Однако существует и процесс обратного воздействия. Особенно наглядно это проявилось в условиях нарастания антропогенных воздействий на природу. Эволюция живых систем на Земле идет нынче по тем же природным законам эволюции, но в рамках мощного антропогенного пресса, что существенно изменяет ситуацию и требует специального анализа коэволюции природы, человека и общества в контексте концепции глобальной экологии.

Достижения эволюционной биологии в XX в., особенно экологии, этологии и популяционной генетики, показали значение процессов коэволюции, например, при формировании коммуникативных систем, где требуется совместная эволюция передающей и воспринимающей систем, при объяснении форм коммуникативного, совместного поведения общественных животных и т. д. Идея коэволюции, еще вчера бывшая периферийной в эволюционизме, возникшая для объяснения симбиотических взаимоотношений, ныне все более и более осознается в своей философской глубине и становится центральной для всего эволюционистского способа мысли. В различных разделах биологии начинают говорить о генно-культурной коэволюции, о совместной эволюции психики человека и социокультурной эволюции, о коэволюции природы и человека. Идея коэволюции в наши дни становится доминирующей темой, новой программой научных исследований и требует кардинального изменения наших установок.

1.4. Науки о жизни в формировании современного философского конструкта картины мира

Научная картина мира всегда выступает как адекватная форма синтеза, гармонизации различных подходов в сфере научного знания конкретного исторического периода. В то же время в силу непрерывного развития, совершенствования и углубления научного знания она оказывается весьма изменяемой и трансформируемой. Однако это не означает, что научная картина мира изменяется под воздействием любого научного открытия. Лишь открытия, веду-

щие к фундаментальным трансформациям не только действующих онтологических представлений, но и требующие изменений всех иных базисных оснований наличного философского знания – мировоззренческих, методологических, аксиологических и праксиологических, – ведут к становлению принципиально нового видения научной картины мира.

Именно такой период переживает ныне научная картина мира под воздействием всего комплекса исследований современных наук о жизни.

Биологическая наука последних десятилетий внесла фундаментальные изменения во все эти факторы. Среди множества ученых, причастных к этому, особое место занимает отечественный мыслитель В.И. Вернадский³².

В истории науки каждая крупная инновационная идея проходит несколько этапов, которые образно можно назвать этапами пророков, апостолов и, увы, эпигонов. На первом этапе она зарождается в умах великих мыслителей, как правило, мыслящих вопреки устоявшимся традициям и общепринятым точкам зрения, противоречащим доминирующим стереотипам исторического момента. Именно к таким людям и можно отнести Владимира Ивановича Вернадского.

Характеризуя его место в науке, академик Г.А. Заварзин отметил, что в XX в. произошла дивергенция научной мысли, высказанной Лайелем и Дарвином. Одно направление пошло к детализации механизмов жизненных процессов и через генетику, биохимию, молекулярную биологию привело к современной физико-химической биологии, обращенной внутрь организма. Другое, продолжающее линию В.И. Вернадского, не было генеральной линией развития мысли в течение почти полувека. В последней четверти XX в. образ мышления ученых изменился: помимо углубленной детализации знаний и неизбежной при этом специализации потребовалась общая картина и биогеохимический подход Вернадского стал символом мышления нашей эпохи³³.

«Я не биолог, – утверждал В.И. Вернадский, – и сталкиваюсь с явлениями жизни с другой, менее привычной для биолога точкой зрения – с их воздействием на космическую среду их жизни».

³² Лисеев И.К. Пророк нового века (к 150-летию со дня рождения В.И. Вернадского) // Стратег. приоритеты. Вып. 1. М., 2014.

³³ Вернадский В.И. Жизнеописание. Избр. тр. Воспоминания современников. Суждения потомков. М., 1993.

Мысль о единстве научного знания проходит лейтмотивом через все творчество Вернадского. «Наука одна, едина, нет в ней великого и не великого» – утверждал ученый. Обобщенное мышление, ломающее границы отдельных дисциплин, мышление «по Вернадскому» (Г.А. Заварзин) стало для современного человечества вопросом выживания.

Вернадский убежден, что последствия такого понимания жизни для биологических и гуманитарных концепций будут чрезвычайными. Живые организмы являются отнюдь не только детьми Земли, они в определенной мере и дети Солнца, и дети Космоса. «Твари Земли, – писал Вернадский, – являются созданием сложного космического процесса, необходимой и закономерной частью стройного космического механизма, в котором, как мы знаем, нет случайности». Исходя из этого и «разгадка жизни не может быть получена только путем изучения живого организма... Изучая проявления жизни в окружающей ее среде, в планетном масштабе, мы должны отойти от обычного для нас аспекта организма... Жизнь составляет неразрывную часть организованности биосферы... Вне биосферы мы жизнь научно не знаем и проявлений ее научно не видим. Для нас становится ясным, что жизнь есть явление космическое, а не специально земное»³⁴.

Подобное космическое понимание жизни, представление о тесной зависимости явлений, происходящих в биосфере от космических факторов, требовали своего теоретического оформления. И Вернадский выдвигает ряд принципиальных идей, одной из важнейших среди которых является идея об организованности биосферы и эволюции этой организованности. Согласно этой идее, организованность живого вещества биосферы имеет тенденцию к непрерывному возрастанию от простейших форм жизни вплоть до возникновения человека. Поэтому все теоретические проблемы эволюции видов не могут рассматриваться вне и независимо от эволюции биосферы. «Эволюция видов должна быть связана со строением биосферы». «Ни жизнь, ни эволюция ее форм не могут быть независимыми от биосферы, не могут быть ей противопоставлены как независимо от нее существующие природные сущности».

³⁴ Вернадский В.И. Жизнеописание. С. 371–373.

Как же это гениальное предвидение В.И. Вернадского отразилось в реальной трансформации традиционной картины мира? Можно сказать, что оно, так же как и другие выдающиеся прозрения ученого, осознавалось не сразу и, отнюдь, не прямо.

Синтез эволюционного и организационного подходов, утверждение нового методологического регулятивного принципа – принципа коэволюции ведет к формированию и новой картины мира, и нового стиля мышления в биологии, где идеи организации и эволюции выступают не параллельно, не взаимоисключаемо, а в неразрывном целостном единстве взаимополагающем обе составляющие континуума. Следуя этой логике – эволюция не может рассматриваться вне и независимо от организации, и наоборот – идея организации оказывается ущербной вне идеи эволюции.

Многие, ранее необъяснимые вещи, в контексте такой картины мира становятся понятными и очевидными. Так В.А. Красилов в своей экосистемной концепции эволюции выделил два типа эволюции – когерентный и некогерентный. В.И. Назаров³⁵, характеризуя экосистемную теорию эволюции В.А. Красиловой, отмечает следующие моменты.

В спокойный когерентный период эволюция экосистем происходит медленно и постепенно. Самая характерная черта здесь – высокая стабильность, присущая всем климаксовым сообществам, завершившим экологическую сукцессию. Стабильность обеспечивают в первую очередь доминантные виды с длительными жизненными циклами и малым числом потомков. В таких сообществах развиты разнообразные механизмы ослабления конкуренции, в полной мере действует стабилизирующий отбор, высок уровень генетической разнородности популяций.

Это, прежде всего, экосистемы с постоянными условиями, с круглогодичным наличием пищи. Они почти не изменяются на протяжении миллионов лет. Такой тип эволюции, протекающей в стабильных экосистемах, Красилов назвал когерентной эволюцией. Для ее описания и создавались классический дарвинизм, СТЭ и другие традиционные теории.

Но существует другой тип эволюции – некогерентный. Эволюция такого рода протекает в неустойчивых, нарушенных экосистемах, или, что то же самое, экосистемах, находящихся в состоянии

³⁵ Назаров В.И. Эволюция не по Дарвину. М., 2005. С. 442–444.

кризиса. Сторонники этого нового взгляда считают, что самые важные эволюционные события – появление эукариотической клетки, многоклеточности, полового размножения, теплокровности, плаценты, интеллекта, т. е. все ароморфозы – совершались в периоды кризисов, в фазе некогерентной эволюции.

Это пагубно сказывалось в первую очередь на узкоспециализированных формах. В кризисных условиях таковыми, естественно, оказывались самые приспособленные и наиболее конкурентоспособные виды предшествующей стадии. Они обладали очень тонкими адаптациями ко всему комплексу средовых условий, с изменением которых эти адаптации разрушаются. Идет процесс не выживания, а вымирания наиболее приспособленных. С вымиранием доминантов происходит упрощение структуры экосистем.

Но вымирание доминантов имеет по меньшей мере одно важное эволюционное следствие – с их исчезновением освобождаются экологические ниши. Природа, как известно, не терпит пустоты, и в освободившиеся ниши устремляются виды, доселе занимавшие скромное место в экономике экосистемы. Причем важно отметить, что смена «владельцев» ниш происходит не насильственным путем, не в силу конкурентной борьбы и вытеснения одного вида другим, более приспособленным, как это следовало из теории естественного отбора.

Виды, занявшие вакантные ниши, обладают типично пионерскими свойствами. Они неприхотливы, сравнительно слабо специализированны, у них короткий жизненный цикл, высокая смертность (они – объект массовой неизбежной элиминации), но она компенсируется высокой плодовитостью. В условиях, когда в силу упрощения структуры экосистемы конкуренция (межвидовая) резко упала и интенсивность стабилизирующего отбора снизилась, виды-пионеры в состоянии выжить именно благодаря своей высокой репродуктивной потенции.

Проанализировав эти положения теории В.А. Красилова, основанные на идеях синтеза эволюционных и организационных представлений, В.И. Назаров делает свой главный вывод.

Казалось бы, периоды кризисов и фазы некогерентной эволюции характеризуются одними негативными показателями: вместо выживания наиболее приспособленных происходит их вымира-

ние. Вместо роста продолжительности жизни – ее укорочение и высокая смертность видов-пионеров. Растет производство энтропии. Все это признаки биологического регресса.

Однако именно в эти периоды закладывается фундамент будущего прогресса. В силу ослабления стабилизирующего отбора создаются условия для генетического поиска и резкого увеличения размаха изменчивости (в том числе за счет выявления ее скрытого резерва). Когда конкуренция падает, живая природа может позволить себе эволюционное экспериментирование.

Эти же идеи развивает и академик Г.А. Заварзин. Определяющим с его точки зрения оказывается не изменение индивидуумов и последующее изменение системы, а, наоборот, ограничивающая роль большей системы для функционирования нижележащих уровней. Эволюция в целом служит для достижения цели заданной большей системой, которая меняется во времени в зависимости от внутренних факторов³⁶.

Так понятие в биологии коэволюционное мышление выходит и в культуру, добавляя новые штрихи к общей картине мира. Оно позволяет преодолеть разрыв между эволюционистским подходом к природе и к человеку, наметить пути синтеза между эволюционизмом в природе и в социокультурной области. Коэволюционное мышление ведет к пониманию сопряженности этнонациональных и социокультурных общностей с природно-географическими условиями среды, к осмыслению путей совместной и сопряженной эволюции природы и человека, биосферы и ноосферы, природы, цивилизации и культуры³⁷.

Таким образом, ход развития подобных научных представлений, сейчас еще во многом гипотетичных, демонстрирует реальное приближение к формированию новой картины мира с учетом мировоззренческих, онтологических и методологических посылок, следующих из них.

Одновременно с этим трансформация научной картины мира под влиянием открытий в науках о жизни определяется сменой ценностных приоритетов и деятельностных установок, идущих

³⁶ Заварзин Г.А. Составляет ли эволюция смысл биологии? // Вестн. Рос. Акад. наук. 2006. Т. 76. № 6. С. 522–543.

³⁷ Карпинская Р.С., Лисеев И.К., Огурцов А.П. Философия природы: коэволюционная стратегия. М., 1995.

в наши дни³⁸. Идея коэволюции выступает как ценностный вызов современной технократической цивилизации, ее иллюзиям о господстве над Природой, ее мировоззренческим и деятельностным установкам, основанным на идее насилия. В развитии процесса понимания коэволюции произошло столкновение дарвиновских традиций и недарвиновских подходов к эволюции, осуществилось разрушение монополизма образа борьбы за существование и конкуренции, утвердилось осознание теоретической и общекультурной перспективности представлений о кооперации и взаимопомощи как факторах эволюции, т. е. произошла кардинальная смена ценностных установок.

Насилие и ненасилие как две альтернативные ориентации в определении стратегии и тактики человеческого поведения и деятельности представлены фактически во всех периодах истории человечества. Однако их соотношение и удельный вес разнятся в различные исторические периоды, в различных культурах, религиях, этносах.

В этой связи естественен вопрос, какая же из этих ориентаций более адекватно отвечает объективным потребностям эволюционного развития, какую из названных тенденций с большим правом можно считать фактором эволюции и двигателями прогресса. В литературе широко представлена точка зрения, согласно которой этот вопрос в науке был снят с возникновением дарвиновского учения. Известно, что Ч. Дарвин не только установил факт, но и раскрыл механизм преобразования видов в природе. Силу, вызывающую такие последствия, он определил как «the struggle for existence» – борьбу за существование.

Последователи Дарвина констатировали, что борьба между себе подобными является объективным природным фактором и выживает в этой борьбе сильнейший, который оказывается способным победить. Не случайно и К. Маркс указывал, что дарвиновское представление о наличии объективной борьбы за существование в природе явилось естественнонаучным подтверждением его теории классовой борьбы в обществе. Насилие с подобной точки зрения – объективный фактор прогрессивного развития как в природе, так и в обществе.

³⁸ Лисеев И.К. Современная биология в формировании новых регулятивов культуры. С. 34–45.

Однако обращение к текстам работ Ч. Дарвина показывает, что термин «борьба за существование» он понимал не буквально, а как некоторую метафору, в самом широком смысле. «Я должен предупредить, – писал Ч. Дарвин, – что применяю этот термин в широком и метафорическом смысле, включая сюда зависимость одного существа от другого, а также включая (что еще важнее) не только жизнь особи, но и успех в оставлении потомства»³⁹.

Следовательно, Дарвин, формулируя это ключевое определение своей теории в неявной форме объединяет различные процессы и различные смыслы. При этом Дарвин и его ученики и интерпретаторы не всегда были достаточно последовательны в метафорическом понимании «борьбы за существование», в ряде случаев трактуя это определение в его буквальном смысле.

В то же время существовала возможность иной трактовки. Так, одним из первых К.Ф. Кесслер, за ним П.А. Кропоткин и др. обратили внимание на то, что наиболее приспособленными часто оказываются не те, кто физически сильнее или агрессивнее, а те, кто лучше объединяется, кооперируется, помогает друг другу. Эта позиция получила поддержку и в современной литературе (Б.Л. Астауров, В.П. Эфроимсон, Л.В. Крушинский, современные социобиологи и др.). Можно сказать, что широкое понимание термина «борьба за существование» наряду с прямой конкуренцией особей друг с другом на равных началах включает в себя и взаимопомощь, и альтруизм как эффективные инструменты борьбы за лучшее приспособление, реальные факторы эволюции.

Таким образом, конкуренция и взаимопомощь рассматриваются ныне как две ведущие деятельностные силы эволюции, проявляющие себя в непрерывно идущем процессе коэволюции.

Однако в сложившейся в обществе поведенческой парадигме, в действующих регулятивах, определяющих характер приоритетов в развитии человеческой деятельности, доминируют установки на господство, конкурбельность, соревновательность.

Для этих установок характерно противопоставление человека и природы, примат активно-преобразовательного отношения к природе, акцент на инновационной деятельности человека как фундаментальной ценности. В контексте подобных представле-

³⁹ Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора. СПб., 1991. С. 67.

ний осуществляется рационализация всего комплекса отношений «цель–средство–результат» деятельности. Монологизм становится ведущим принципом в отношениях между людьми, не допускающим автономии личности, свободы ее выбора и решений. Доминирует тяготение к силовым методам разрешения конфликтов. Широкое развитие получает технология манипулирования поведением людей с помощью различных форм пропаганды, рекламы и т. д. Проявления этой ценностно-нормативной парадигмы весьма различны – от технократических утопий XX в. до утилитаризма в этике, от веры в прогресс разума – до авторитаризма в педагогике. Только на этом пути, с точки зрения идеологов подобного мировоззрения, представлялось возможным осуществить центральную идею, вдохновляющую развивающуюся индустриальную цивилизацию – идею непрерывного неограниченного прогресса.

Все яснее осознавая в наши дни исчерпанность этих принципов для дальнейшего развития цивилизации, мы являемся свидетелями и участниками формирования новых тенденций в доминировании регулятивов человеческой деятельности. Среди них – переход от установок на неограниченный прогресс, беспредельный экономический рост к представлениям о пределах роста, гармонизации экономической экспансии в природу с принципами экологического сдерживания и запрета. Ориентации на прогресс и инновационность сменяются установками на стабильность, равновесность, устойчивое развитие с учетом пределов роста. Постепенно, хотя и очень болезненно, а зачастую трагично, происходит трансформация доминирующих отношений людей друг с другом и с природой. От отношений господства, конкуренции, соревновательности намечается движение к идеалам сотрудничества, кооперации, сосуществования.

Все более широко и в разных проявлениях начинает осознаваться идея о том, что наше время должно быть временем поисков сотрудничества между людьми, путей мирного диалога между культурами, народами и природой. В настоящее время формируется новая ценностно-нормативная установка, которая исходит из примата общечеловеческих ценностей, из фундаментальности для человечества идеи ненасилия, из ориентации на диалог и сотрудничество в отношениях между людьми, этносами и обществами, на снижение напряженности и агрессивности и внутри личности,

и в межличностных отношениях. Идеалы мирного сотрудничества и сожительства народов и людей в условиях многообразия культур и религий могут воплотиться в реальность только коэволюционным путем, т. е. путем отказа человечества от всех форм нетерпимости, готовности к плодотворному диалогу культур, выявлению и реализации общечеловеческих ценностей и норм. Очевидна связь этой ориентации с трансформацией отношений человека к природе, к другому человеку, к самому себе. Новая ориентация – это парадигма единства человека и природы. Ее особенности – признание не только целостности природных экосистем, но и их самоценности; осмотрительность вторжения в природу; поиск динамичного равновесия между деятельностью человека и природными биогеоценозами.

Таким образом, можно констатировать, что ныне под воздействием биологических идей формируется во многом новая научная картина мира. Одна из ее важнейших особенностей в том, что она отражает представление о мире на данном этапе развития научного знания не только в его логической форме отображения действительности, но с учетом синтеза всех фундаментальных составляющих философского знания нашего исторического периода, включая мировоззренческие, онтологические, методологические, аксиологические и праксеологические аспекты.

1.5. Методологические и этические проблемы совершенствования человека в свете новых биотехнологий

Вид *Homo sapiens* – это единственный среди всех остальных видов живых существ вид-преступник, ибо он преступил, проигнорировал основной закон развития жизни на Земле: закон адаптации, приспособления живых организмов к среде своего обитания, закон соответствия развивающейся живой системы условиям ее существования. Вместо этого в ходе исторического развития человек с нарастающей силой начал приспособливать окружающую среду к своим потребностям и интересам. «Человек как особая форма живого самостоятельно эволюционирует лишь в сознатель-

ном преобразовании своего окружения»⁴⁰. Более того, используя появляющиеся возможности, он начал переделывать и самого себя под свои замыслы и цели.

История попыток вторжения в природное существование человека, всевозможных трансформаций его тела, психики, сознания стара как мир. Она во многом еще ждет своих последовательных исследователей, которые должны развеять фактологические реалии и мифы, возникающие в ней.

В наше время, в век научно-технического прогресса неизмеримо возросли возможности воздействия на человека. Однако технологическая революция не привела к развенчанию мифов, напротив, она лишь увеличила их число.

Евгенические идеи как идеи усовершенствования рода человеческого, освобождения его от природных недостатков и ограничений прошли через века. Но именно с XX в. в евгенических проектах наблюдается тенденция построить эти проекта как бы на основе новейших достижений науки.

Традиционно евгенические проекты подразделяли на позитивные и негативные. Позитивные евгенические мероприятия, должны были стимулировать и закреплять распространение полезных генотипов в человеческой популяции. Негативные – ставили многообразные барьеры на пути распространения вредных наследственных факторов.

Однако проблемы, которые поднимались при попытках их анализа, никуда не делись и продолжают ждать своего решения. К концу 70-х гг. XX в. обсуждение нарастающего генетического неблагополучия в популяции человека стало особо актуальным и все эти проблемы активно обсуждались. Так, в частности, большое внимание было обращено на методологический анализ современных разработок в медико-генетических исследованиях, инициированных Н.П. Бочковым и его коллегами, на социо-культурную эффективность медико-генетического консультирования и т. д. Эти, по сути дела, евгенические мероприятия не преследовали цели коренной переделки человека, но были направлены на поиск путей улучшения его здоровья, предохранения от возможных непредусмотренных последствий его деятельности. Правда, высказывались и более радикальные предложения, в частности в сфере медико-ге-

⁴⁰ Торосян А.Ц. Открытие основной функции живого. М., 2005. С. 266.

нетического консультирования, например предложение о введении во всех ЗАГСах должности медгенетика-консультанта, который должен бы был предупреждать брачующиеся пары о возможности появления в их потомстве генетических отклонений и путях решения этой проблемы. Но эти, в общем-то, здравые предложения не нашли общественной поддержки и фактически были отвергнуты.

В те же годы в русле идей позитивной евгеники стали появляться новые шокирующие предложения об усилении интеллектуальных возможностей человека. Речь шла о клонировании гениев. В 1970 г. по инициативе И.Т. Фролова журналом «Вопросы философии» и Институтом медицинской генетики АМН СССР был проведен первый в нашей стране Круглый стол по философским и социально-этическим проблемам генетики человека⁴¹.

Открывая встречу, директор Института медицинской генетики АМН СССР Н.П. Бочков отметил, что среди успехов современной генетики особенно выделяются достижения в области генетики человека. Они касаются таких фундаментальных вопросов, как определение генетической организации человека, иммуногенетики, полиморфизма человеческих популяций.

В настоящее время достигнуты большие успехи и в том разделе генетики человека, который называют медицинской генетикой. Это касается диагностики и лечения наследственных заболеваний. Однако цель медицинской генетики в широком плане – это профилактика наследственных болезней, т. е., в конечном счете, не что иное как вмешательство в наследственность человека. И в этой связи Н.П. Бочков назвал целый ряд вопросов, требующих своего глубокого и всестороннего обсуждения. Среди них: на что должно быть направлено вмешательство в наследственность человека сегодня и в перспективе, возможно ли создание «генетической элиты», имеет ли врач моральное право во время медико-генетической консультации подсказать пациенту решение или он должен ограничиваться только просветительской работой и т. д.

Вряд ли может вызвать сомнение тот факт, утверждал Н.П. Бочков, что борьба за здоровую наследственность должна быть частью гигиены человека в широком смысле, а не сводить-

⁴¹ Лисеев И.К., Шаров А.Я. Генетика человека, ее философские и социально-этические проблемы // *Вопр. философии*. 1970. № 7, 8.

ся только к устранению мутационных факторов или к снижению спонтанного мутационного процесса. Все это ведет к вопросу: как вести эту борьбу, чтобы не нанести вреда самому сокровенному в человеке – его наследственности. Что считать невежественным вмешательством в наследственность человека и что считать катастрофическим невмешательством в нее?

Все эти постановленные вопросы определили тональность и направление развернувшейся дискуссии. Особую остроту внесло выступление харьковского ученого А.А. Нейфаха, который показал возможность направленного клонирования заданных генотипов, открывающуюся в связи с разработкой в эмбриологии метода трансплантации ядер. Создается впечатление, утверждал ученый, что это прямой путь к возможности формирования «генетической элиты», когда появятся технологические возможности осуществления клонирования человека. Вся последующая дискуссия свелась по сути дела к обсуждению этой проблемы. Она раскрыла сложность, многозначность, нелинейность возникающих вопросов.

Были обсуждены самые разные биологические, технологические, философские, мировоззренческие, этические и правовые аспекты проблемы.

Несмотря на имевшиеся разногласия, участники были едины в одном: не все возможности науки, которые она дает на переднем крае своего развития, сразу должны претворяться в практику. Необходимо глубокое экспертное исследование как прямых, так и опосредованных итогов научного открытия, его тщательная, в том числе и социально-гуманитарная, экспертиза.

Прошли годы. Экстремальные направления евгеники повсеместно запрещены, медико-биологические возрождаются. Начиная с овечки Долли, клонирование животных и растений стало перспективной научной областью, сулящей большие возможности. Клонирование человека также запрещено как не соответствующее современному уровню развития науки и техники, идеалам и нормам современного демократического, гуманистического общества.

И несомненно на этот процесс оказала влияние и проведенная дискуссия 1970 г. и серии статей, вышедшие позже по ее итогам.

Но жизнь идет вперед. Появляются новые возможности техники. Стремительно развивается новый корпус конвергентных технологий. И вновь безоглядная вера в могущество техники и

технологий дает о себе знать. Происходит откат от представлений о роли универсалий культуры, отказ от основополагающего цивилизационного значения идеи гуманизма в понимании глобального будущего человечества.

Идея гуманизма с эпохи Возрождения стала той фундаментальной основополагающей культурной ценностью, типом философского мировоззрения, который был ориентирован на человека, утверждал его свободу и достоинство. В обоснование такого пути развития человеческой цивилизации написаны сотни глубоких книг, всесторонне рассматривающих проблему. При этом казалось, что научно-технический прогресс, улучшающий и облегчающий жизнь человека, будет только способствовать укреплению и расширению ареала гуманистических представлений.

Правда, тревожные нотки зазвучали уже давно. «В настоящее время, – писал Н.И. Конрад, – человек подошел к овладению самыми сокровенными, самыми великими силами природы, и это поставила его перед острым вопросом – вопросом о себе самом. Кто он, человек, овладевающий силами природы? Есть ли предел этих прав? А если есть, то каков он?»⁴².

По мнению ученого, лишь расширительное применение идеи гуманизма, распространение ее не только на сферу человеческой жизни, но и на все науки о природе сможет принести положительные результаты. «Без этого наша власть над силами природы станет нашим проклятием: она выхолостит из человека его человеческое начало»⁴³.

Похоже, это грустное пророчество Н.И. Конрада начинает сбываться. С конца XX в. сформировалось новое направление, анализирующее и прогнозирующее всевозможные практики радикальных преобразований человека. После ряда предварительных наименований (экстропизм и др.) оно закрепило за собой название «трансгуманизм»⁴⁴. В Википедии трансгуманизм определяется как рациональное, основанное на осмыслении достижений и перспектив науки, мировоззрение, которое признает возможность и желательность фундаментальных изменений в положении человека с

⁴² Конрад Н.И. Запад и Восток. М., 1972. С. 152.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Маслов В.М. Высокие технологии и феномен постчеловеческого в современном обществе Н. Новгород, 2014. С. 72.

помощью передовых технологий с целью ликвидировать страдания, старение человека и смерть, и значительно усилить физические, умственные и психологические возможности человека.

Казалось бы, это очень гуманные и человеколюбивые цели. Их разделяют представители этого направления во многих странах. Так, например, итальянские трансгуманисты в своем «Манифесте трансгуманизма» задаются далеко идущей целью: создать условия для продления жизни, замедления процесса старения, укрепления здоровья, физического и психологического состояния людей⁴⁵.

Кто же из здравомыслящих людей будет спорить с подобным? Не вызывают возражений и три кардинальных пункта стратегии итальянского трансгуманизма.

1. Борьба за обладание знаниями и технологиями.
2. Борьба за светскость, нерелигиозность учреждений и культуры в целом.
3. Создание научной концепции мира⁴⁶.

Но вот как эти пункты предполагается реализовывать? Здесь ставится цель отказаться от природных законов эволюции и перейти к эволюции «саморуководимой», добиться свободы развивать, менять, переделывать собственный фено- и генотип и т. д.⁴⁷

Так по видимости прогрессивные утверждения о необходимости учета достижений научнотехнического прогресса, положения о невозможности и необоснованности «возврата к природе», «назад в пещеры» может вести к далеко идущим последствиям. И трансгуманисты к ним и приходят.

Но что за этим стоит? Вполне естественно, что все более убыстряющийся современный научно-технический прогресс, новые возможности био-медицинского воздействия на человека ведут к решению многих ранее не разрешимых вопросов укрепления и сохранения здоровья людей и улучшению их психо-физиологических возможностей.

Но для трансгуманистов это только промежуточный этап. Они идут значительно дальше. «Трансгуманизм, – с гордостью пишет П.Н. Барышников, – явно вписан в сциентистскую и технофиль-

⁴⁵ Maniifesto del transumnistri Italiani // Versione sintetica. URL: <http://www.transumanisti.it/1.asp?idPagina=3> (дата обращения: 14.04.2016).

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ Ibid.

скую парадигмы..., трансгуманисты заявляют о своих желаниях полной замены человеческого вида новым: киборгами. Именно поэтому трансгуманизм часто именуется постгуманизмом»⁴⁸.

Трансгуманисты, в частности В. Прайд, склонны рассматривать трансгуманизм как мировоззрение, согласно которому человек не является вершиной эволюции, но скорее – её началом⁴⁹.

Философским основанием для утверждения подобной позиции становится принцип универсального эволюционизма, рассматриваемый не как регулятивный методологический конструкт понимания бытия, а как конститутивный порождающий акт его становления. Концепция универсального эволюционизма, пишет В.М. Маслов, ведет к философской, мировоззренческой революции – атрибутом материи начинает утверждаться не движение, а развитие. «В концепции универсального эволюционизма постчеловеческое развитие получает мощную поддержку, поскольку переход от человека к постчеловеку выступает неким предполагаемым следующим прогрессивным прорывом так понимаемой универсальной, тотальной эволюции, развития, прогресса»⁵⁰.

То есть эволюционизм рассматривается как объективный природный процесс, осуществляющийся на всех уровнях бытия, независимо от воли человека.

И вот здесь придется остановиться поподробнее. Потому что именно в этом пункте сконцентрированы наши дальнейшие разногласия со всей концепцией трансгуманизма как очередным технократическим мифом, погружающим человека в сферу технико-экспериментальных манипуляций и вырывающим его из всех остальных реалий его бытования.

Известно, что еще Иммануил Кант обратил внимание на необходимость разграничения двух типов принципов: конститутивных и регулятивных. Конститутивные принципы фиксируют значения предметности, эмпиричности, фактуальной содержательности. Регулятивные – определяют исходные методологические и онтоло-

⁴⁸ Барышников П.Н. Типология бессмертия в теоретическом поле французского трансгуманизма. Глобальное будущее 2045. М., 2013.

⁴⁹ Прайд В. Влияние интеллекта на эволюцию человека, или Первая аксиома трансгуманизма // Эволюция. 2005. № 2. С. 72.

⁵⁰ Маслов В.М. Высокие технологии феномен постчеловеческого в современном обществе. Н. Новгород, 2014. С. 23.

гические ориентации и схемы, которым люди следуют в познании, деятельности, оценках, в своих научных исследованиях. Конститутивные принципы характеризуют фактическую реальность мира. Регулятивные задают направление философско-теоретической стратегии, воплощающейся в научно-исследовательских программах, деятельностных установках, аксиологических ценностных ориентирах.

Именно таким регулятивным методологическим конструктом на этапе развития идеи эволюции вширь и вглубь и стал эволюционизм. Преодолев рамки биологической науки, он трансформировался в эволюционистский способ мышления, обретая в широко утверждающейся ныне концепции глобального эволюционизма свое всеобщее значение. Его задача – предложить взгляд на весь мир с позиций эволюции, развития. Таким образом глобальный или универсальный эволюционизм в таком понимании – это регулятивный познавательный принцип человека, зависимый от человека и подвластный ему.

Знаток возражат: ну а как же тогда глобальный эволюционизм Пьера Тейяр де Шардена? Да, по видимости он совсем другой, напоминает конститутивный принцип: преджизнь, жизнь, мысль, сверхжизнь, точка Омега. Но только по видимости. Ведь за всей этой эволюционной цепочкой стоит Бог-Христогенез. А у трансгуманистов эта закономерность перехода человека в постчеловека, жизни природной в жизнь кибернетическую кем определяется?

Чем же тогда обосновывается неизбежность и неотвратимость кардинальной трансформации будущего человека и человеческого общества, если универсальный эволюционизм не работает как конститутивный принцип? Это – технотворчество. А оно подвластно человеку, следовательно не неизбежно.

Впрочем, и в стане трансгуманистов возникают сомнения относительно всеобщности такого будущего человечества. Обсуждая вопрос о возможности переноса человеческого сознания в кибернетическую систему и создании так называемого «кибернетического бессмертия», авторы «Кибернетического манифеста» Валентин Турчин и Клифф Джослин задают вопрос: следует ли ожидать, что все человечество объединится в единое сверхсущее-

ство. Отвечая на него, они полагают: «надо ожидать, что только часть, вероятно небольшая, человечества образует сверхсущества, большинство же останется в состоянии человеческого планктона»⁵¹.

Опять возрождается старая евгеническая идея разделения человечества на рабов и господ.

О каком тут универсальном эволюционизме во всеобщем масштабе можно говорить! Зато какие светлые мечты вызывает такая перспектива.

Кибернетическое бессмертие, – пишет Д.И. Дубровский, – сверхзадача сознательно управляемой эволюции человека, преодолевшего биологическую телесность, ставшего подлинным творцом своего будущего... Великая цель рождает великую энергию и силу духа. И поэтому этот суперпроект нужен не только научному, но и всему нашему обществу, вытесняющему из своего сознания близкую перспективу гибели, погрязшему в ненасытном потребительстве, меркантильных расчетах, отгеснившему на задворки души увядшие высокие идеи и помыслы, без которых мы видим вокруг себя и часто в себе жалкую недочеловечность⁵².

Воистину только на киборгов и надежда, если так оценивать будущее человечества! Они помогут.

При этом характерно, что в техногенно-техницистской идеологии трансгуманизма акцентируется только одно глобально-эволюционное направление кардинальной трансформации человечества. Ни о каких других направлениях, ни о фундаментальных универсалиях культуры, определяющих и изменяющих бытие человеческого существования речи вообще нет. Между тем в современной методологии разработан и представлен целый спектр взаимно скоррелированных и взаимно дополняемых методологических регулятивов, в своем целостном взаимодействии определяющих как данность, так и перспективы глобального будущего человечества. Кроме методологического конструкта глобального эволюционизма, это – методологические регулятивы организации, системности, коэволюции, диатропики и т. д.

⁵¹ Турчин В., Джослин К. Кибернетический манифест // Глобальное будущее 2045. М., 2013. С. 92.

⁵² Дубровский Д.И. Природа человека, антропологический кризис и кибернетическое бессмертие // Там же. С. 101.

Только с учетом вклада всех этих подходов можно осознать и попытаться прогнозировать будущее.

Основная идеология трансгуманизма – это основополагающие ценности современной техногенной цивилизации. Однако научная литература ныне полна анализов ограниченностей и тупиков такого типа цивилизационного развития, критикой абсолютизации технократического мышления.

Да, трансгуманизм – это дитя, порождение техницистской техногенной цивилизации. Но как спрогнозировать будущее человечества с позиций становящейся новой системы постиндустриального общества?

Представляется, что необходимо оценить все предлагаемые трансчеловеческие преобразования как очередную сциентистскую утопию. Техническая возможность чего-либо еще не есть ее реализация. Только через осознание значимости научно-технической новации для будущего человечества возможно ее применение. «Поэтому, когда мы пытаемся ответить на вопрос «Возможно ли постчеловеческое будущее?» – пишет В.А. Лекторский, – мы должны отдавать себе отчет, что речь идет не просто о том, что может либо наступить, либо нет, а о направлении сегодняшней человеческой деятельности, о тех проектах, которые разрабатываются и начинают осуществляться. Иными словами, речь идет о желательности или нежелательности использования современных технологий в определенных целях. т. е. о таком будущем, на которое человек способен влиять: что-то не допустить, что-то нейтрализовать, что-то осуществить»⁵³.

С фаталистическими утопиями трансгуманизма можно и нужно бороться. Если с культурно-гуманитарных позиций показать невозможность включения всех этих преобразований в целостную систему «человек-общество-природа», в эволютивную цепь жизни и культуры, то можно изменить вектор ориентаций и ожиданий грядущего постиндустриального развития общества.

Главной определяющей силой для решения возникающих проблем, для понимания направлений развития современной цивилизации становится неразрывное единство естественных, техниче-

⁵³ Лекторский В.А. Возможно ли постчеловеческое будущее // Человек и его будущее. М., 2012. С. 31–32.

ских и социогуманитарных исследований, комплексная экспертиза научно-технических проектов в их философской отрефлексированности и в их направленности на определение гуманистических (а не трансгуманистических) перспектив глобального будущего человечества.

1.6. Природно-экологические императивы современной культуры

В современном социальном развитии общества четко прослеживаются две фундаментальные глобальные проблемы, во многом определяющие тенденции и перспективы будущего. Это проблема существенного усложнения социоприродного взаимодействия общества и природы на современном этапе и проблема всеобщей глобализации отношений в современном мире.

Парадоксальность ситуации состоит в том, что эти проблемы исследуются как бы рядоположенно, параллельно, без анализа их взаимодействия, взаимовлияния или взаимоотталкивания. Это существенно искажает реальное положение дел, мешает понять многие трудности и тупики в осознании фактической ситуации. И как следствие этого приводит зачастую к неверным политическим решениям.

Процесс глобализации – это, пожалуй, один из самых молодых цивилизационных процессов современности. Он стремительно и интенсивно захватывает человечество, влияя на трансформацию всех сфер жизни. Несмотря на наличие разных трактовок глобализации, достаточно очевидно, что глобализация представляет собой итог и результат, высший тип индустриального цивилизационного развития на стадии его перехода к новой цивилизационной установке – постиндустриальному развитию. Ее осуществление оказывается возможным только на стадии широкого развития информационных, телекоммуникационных, компьютерных технологий. Именно они выступают как механизмы реализации глобализационных задач.

Между тем все теоретики постиндустриализма, определяя критерии перехода общества от стадии индустриализма к постиндустриализму, вели речь только о социально-политических,

финансово-экономических, геополитических, конфессионально-культурных и прочих социальных закономерностях, по сути дела игнорируя природные основания функционирования государств. Об экологических императивах их развития и связанных с ними новых установках сознания и деятельности речь, как правило, не заходила. У Дж. Несбита среди мегатрендов, характеризующих новую цивилизационную модель постиндустриализма, выступает переход от развитой техники к высоким технологиям, от национальной экономики к мировой, от краткосрочных задач к долгосрочным, от централизации к децентрализации, от институциональной помощи к самопомощи, от представительной демократии к непосредственной, от иерархии к сетям и т. д.⁵⁴ Центры постиндустриального будущего по Э. Тоффлеру следующие: разнообразие источников энергии, дифференцированность технологической базы, превращение конвейерного производства продукции, смена цивилизационных кодов и т.д.⁵⁵

Подобные примеры можно продолжать довольно долго. Но результат будет один: сценарии постиндустриализма представляются недостаточными для характеристики новой складывающейся ныне цивилизационной ориентации, ибо в них остается непроработанной проблема соотношения глобализации и экологизации современного общества.

Казалось, эта проблема должна быть всесторонне разработана на серии саммитов по охране окружающей среды, которые периодически проводятся начиная с 1972 г. На стокгольмской конференции по окружающей среде (1972) было признано, что окружающая среда и развитие, основанное на существующих способах удовлетворения потребностей цивилизации, пришли в столкновение. Была поставлена задача создания глобальной программы изменений. На этой основе в 1992 г. в Рио-де-Жанейро была проведена Вторая конференция ООН по окружающей среде и развитию.

Наш гениальный современник В.И. Вернадский, формулируя свое видение ноосферы, провидчески отмечал, что создание ноосферно организованного общества требует проявления человечества как единого целого. Но как это возможно в нашем разорванном мире?

⁵⁴ *Naisbitt I.* Megatrends. Ten new directions transforming our lives. N. Y., 1982. P. 299.

⁵⁵ *Тоффлер Э.* Третья волна. М., 2002.

Конференция в Рио внушила надежду, что это все же возможно. Ее участники, среди которых первые лица большинства стран мира, приняли принципиально новые решения по развитию мировой политики, экономики. Предложили проект обеспечения безопасного будущего человечества, политически, экономически, экологически и социально устойчивого развития мирового сообщества. В документах встречи отмечалась пагубность изолированных, односторонних подходов к комплексным проблемам выживания человечества. Впервые предлагалось рассматривать политические, экономические, социальные и экологические факторы не раздельно, а в их неразрывном единстве⁵⁶.

И эта встреча в Рио была первой и последней искрой надежды на благоразумие человечества. Все последующие мероприятия в этом направлении представляли собой отход от принципов, провозглашенных в Рио, невозможность их реализации в современных условиях бытия человечества. Это касается и провала национальных стратегий перехода к устойчивому развитию, и печальных итогов Йоханнесбургского саммита 2002 г., и неутешительных результатов встречи РИО+20 в 2012 г. Ну а торговля квотами по выбросам парниковых газов, предложенная Киотским протоколом, прямо знаменовала не заботу об охране окружающей среды, а появление нового вида бизнеса на экологической почве.

В чем же причина столь малой эффективности этих планетарных мероприятий? Нам она видится, опять же, в недостаточной проработке дилеммы: «экология–глобализация». Предназначаемые на международных саммитах экологические императивы оказались никак не связанными с реалиями той модели глобализации, которая является доминирующей на современном этапе.

Еще в документах конференции в Рио отмечалось, что развиваемый подход требует разработки и формулировки новых норм, ценностей и отношений, отвечающих нашему времени. Но кроме констатации этого факта дальше дело не пошло. Каковы же эти нормы, ценности и отношения? В чем их содержательная новизна?

Во всех остальных документах встреч этот тезис гипнотически воспроизводился и опять же без расшифровки, без углубленного рефлексивного анализа. Представляется, что в этом одна из

⁵⁶ Программа действий. Повестка дня на XXI в. Женева, 1993.

главных неудач намеченной стратегии. Нет философского осмысления поднимаемой смысложизненной проблемы. А подобное осмысление сразу выведет проблему на обсуждение глубинных цивилизационных аспектов нашего бытия, на необходимость трансформации функций государства сегодня, на включение в их состав не только социально-политических, но и социально-природных составляющих. Станет более ясной необходимость корректировки межгосударственных отношений, возникнет задача противодействия неуправляемому, выходящему за рамки национальных государств, диктату транснациональных корпораций. Появится потребность в более энергичном использовании международных организаций с учетом возможностей их координирующей деятельности. Вероятно, уже давно пришла пора Билль о правах человека ООН, которым справедливо гордится все прогрессивное человечество, дополнить Биллем об ответственности человека, о его обязанности заботиться не только о собственно интересе, но и будущей судьбе человечества.

Другой и не менее важный недостаток состоит в том, что в приводящемся перечне основных черт общества будущего отсутствует методологическая установка анализа взаимодополнительности любого исследуемого объекта и среды его обитания. А как мы ранее отмечали, эта методологическая установка претендует на универсальность, безотносительно к субстратным составляющим системы «объект–среда обитания», что существенно повышает креативность проводимого исследования.

При этом нельзя забывать, что в процесс формирования идей глобальной экологии значительный вклад внесли идеи видного американского психолога XX в. Дж. Гибсона, построившего свою оригинальную концепцию экологического восприятия мира.

Гибсон выдвинул парадоксальную на первый взгляд идею, что человек живет и действует не в мире, описываемом физикой, физическими категориями пространства, времени, материи и т. д., а в мире непосредственных (и опосредованных) контактов со средой своего обитания, который он назвал экологическим миром.

Человек и окружающая его среда взаимно связаны, взаимно влияют друг на друга и изменяют друг друга. «В отличие от физического мира, – пишет Гибсон, – окружающий мир животных состоит из среды, веществ и поверхностей, которые отделяют ве-

щества от среды...»⁵⁷. Именно с этими компонентами человек и сталкивается, осознает их и изменяет их. «Зачем человек изменил очертания и вещества своего окружение? – задает он вопрос, и тут же отвечает на него – Для того чтобы изменились возможности, которые окружение ему предоставляет. Он сделал более доступным то, что приносило ему пользу и постарался уменьшить влияние того, что ему вредило»⁵⁸. И далее: «Эти преобразования были настолько опустошительными и бездумными, что, если мы не образуемся, они станут для нас роковыми»⁵⁹.

В этих цитатах артикулирована одна из основных идей Гибсона, согласно которой человек может плодотворно реализовать только ту возможность, которую предоставляет ему окружающая среда. Идея взаимозависимости живого существа и окружающего его мира, полагает Гибсон, не могла возникнуть в физике. «Такие фундаментальные понятия, как “организм” и “окружающий мир” или “вид” и “среда его обитания” – пишет ученый, – нельзя вывести из понятий пространства, времени, материи и энергии – понятий, лежащих в основе всех физических наук»⁶⁰.

«При подобном способе мышления, – конкретизирует он, – упускается из виду тот факт, что у такого объекта как животное, есть свое особое окружение, что живой объект погружен в окружающий мир иначе, чем физический объект погружен во множество сходных с ним объектов»⁶¹. И эта «особость» состоит в их взаимном воздействии. Понятие среды отличается от понятия пространства, поскольку точки пространства идентичны друг другу и лишены какой бы то ни было уникальности, среда же всегда уникальна в её взаимодействии с тем субъектом, который находится в данной точке среды.

«Воспринимая окружающий мир, мы воспринимаем сами себя», – утверждает Гибсон⁶². «Возможности окружающего мира и образ жизни животного неразрывно связаны друг с другом. Окружающий мир накладывает ограничения на то, что животное мо-

⁵⁷ Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М., 1988. С. 430.

⁵⁸ Там же. С. 192.

⁵⁹ Там же. С. 193.

⁶⁰ Там же. С. 32.

⁶¹ Там же. С. 44.

⁶² Там же. С. 187.

жет делать»⁶³. Таким образом принципиальным в экологическом подходе Дж. Гибсона, как отмечают С.Д. Дерябо и В.А. Ясвин, является представление о том, что «субъект» и «окружающий мир» являются взаимодополнительными и друг без друга немыслимы⁶⁴.

Этот методологический вывод из гибсоновской концепции экологического восприятия мира имеет далеко идущие последствия. Он претендует на роль методологического конструкта, определяющего формирование онтологических и познавательных установок, далеко выходящих за рамки собственно отношений животного и среды его обитания, ведет к новому осознанию значительно более широких систем, в частности путей взаимодействия общества со средой своего обитания, тенденций глобализации мира.

В наши дни человек занял принципиально новое место в системе взаимоотношений общества и природы. Понимание этого нового места еще должно получить свою последовательную и комплексную разработку. При этом необходимо определить возможности и границы возможностей человеческой преобразующей деятельности, как в природе, так и в обществе. Ибо, в конечном счете, человек может оптимально и продуктивно сделать лишь то, что ему позволяет природа. Поэтому соотнесение инновационной человеческой деятельности с реально существующими объективными природными законами и закономерностями становится настоящим требованием времени. В системе культуры возникает понимание и нарастает необходимость ориентироваться на новые цивилизационные запреты и ограничения, которые можно назвать «экологическими императивами современной цивилизации».

Задача создания экологической этики на современном этапе в ответ на насущную потребность общества в ее существовании в условиях системного экологического кризиса оказывается весьма сложной во всех ее составляющих. Она сложна и в плане формулировки основополагающих принципов, и в плане усвоения, присвоения их человеческим сообществом. Здесь возникает некий герменевтический круг: чтобы понять, надо объяснить; чтобы объяснить, необходимо понимание. Герменевтическое же понимаю-

⁶³ Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. С. 212.

⁶⁴ Дерябо С.Д., Ясвин В.А. Экологическая педагогика и психология. Ростов н/Д., 1996. С. 32–33.

шее отношение к природе, казалось бы, так востребованное нашим временем, существенно отличается от традиции, восходящей к формированию действующего ныне мировоззрения.

Осознавая все эти сложные и противоречивые тенденции в становлении экологической морали в наши дни, представляется весьма важным рассматривать все морально-нравственные ценностные установки не сами по себе, не изолированно, а в их соотношении, сопряжении, координации с другими регулятивными установками современной культуры: онтологическими, познавательными, деятельностными. Ибо аксиологические ориентации, во многом влияя на названные выше регулятивы, в то же время и значительно зависят от них в рамках единой целостной системы современной культуры. Афоризм Барри Коммонера «Все связано со всем» стал ныне фактически общепризнанным законом экологии, предлагающим общее онтологическое видение мира. Идеи междисциплинарности, комплексности послужили основой нового познавательного подхода. Наконец, в деятельностном аспекте ориентации на конкуренцию и сотрудничество, взаимопомощь стали рассматриваться в наши дни как две ведущие реальные силы эволюции, проявляющие себя в непрерывно идущем процессе развития.

Очевидна связь всех названных ориентаций с трансформацией отношений человека к природе, к другому человеку, к самому себе. Новая формирующаяся установка – это установка единства человека и природы. Ее особенности – признание не только целостности природных экосистем, но и их самоценности, призыв к осмотрительности вторжения человека в природу, поиск динамического равновесия между деятельностью человека и возможностями природных экосистем.

Еще в 80-е гг. XX в. Н.Ф. Реймерс мудро подметил, что в области природопользования существуют глубокие и очень стойкие заблуждения, основанные на асистемном подходе и слабости экологического мышления, включающего в себя основные элементы философской методологии. Причем первое среди них – убеждение, что основным объектом управления и преобразования в процессе природопользования должна быть природа⁶⁵.

⁶⁵ Реймерс Н.Ф. Системные основы природопользования // Философские проблемы глобальной экологии. М., 1983. С. 121.

Все эти новые складывающиеся ныне нормы, идеалы и регулятивы деятельности нуждаются в своем нравственно-этическом и нормативно-правовом закреплении. Сейчас требуется создание взаимосогласованных этических, правовых и экономических регламентаций, отражающих закономерности коэволюционного развития системы «человек–общество–природа». Необходима подготовка и издание различных человекоохранных, природоохранных, природоэксплуатационных и пр. сводов правил, кодексов, кадастров, регламентаций, создаваемых с учетом тех экологических императивов культуры, о которых говорилось выше. Именно такой широкий этико-экономико-правовой подход, как представляется, даст возможность превратить экологические императивы из неких важнейших интенций и тенденций в зримые реалии нашего времени, поддержанные новым непрерывным экологическим образованием.

Теоретико-методологическим основанием для развития подобной деятельности становится формирование новых направлений философского знания. Этот новый пласт философского осмысления природы можно назвать экологической философией.

Экофилософия – это область философских исследований, изучающая философские основания различных направлений современного социоприродного взаимодействия. В своем развитии и содержательном наполнении она бросает вызов многим традиционным представлениям о бытии мира и человека, глубоко укорененным в современной культуре. В лоне ее исследований показывается, что человеческая цивилизация ныне находится как бы на распутье. Традиционно сложившиеся в культуре нормы и установки, исследовательские программы, познавательные модели, ценностные ориентации и деятельностные регулятивы близки к своему исчерпанию, плохо отвечают новым реалиям нашего времени. Мы живем в ситуации глубокого кризиса культуры, катастрофического состояния отношений природы и общества, кризиса норм и идеалов в науке, искусстве, политике, праве, педагогике, т. е. во всем мировоззрении в целом. Сложившееся положение не является результатом какой-то ошибки или неправильно выбранной стратегии экономического, политического, социального развития. Оно представляет собой отражение глубинного кризиса техногенной цивилизации, охватывающего весь комплекс взаимодействий людей друг с другом, с обществом и природой.

Поэтому перед экофилософией стоят ныне задачи внесения вклада в новую цивилизационную проблематику культуры, осознания новых ценностно-нормативных отношений, позволяющих преодолеть отчуждение человека от природы, выработать экологическое мировоззрение, сформулировать экологические императивы взаимодействия общества и природы.

Наконец, именно в рамках экофилософии осуществляется поиск новых нравственных и этических норм, отвечающих требованиям нашего времени.

Таким образом, представляется, что все изложенные выше аргументы свидетельствуют о том, что для современного осознания глобальности мира обязательным моментом ориентации мышления должна стать его экологическая составляющая.

Факт целостного взаимодополнительного взаимодействия объекта и среды его обитания реализуется универсально, безотносительно к какому бы то ни было субстрату, характеризующему объект и окружающую его среду, что и получает свое отражение в новой направленности сознания.

ГЛАВА 2

ВЛИЯНИЕ ЭВОЛЮЦИОННЫХ ИДЕЙ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ОБРАЗА СОВЕРШЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Предметом анализа, предпринятого в данной главе, являются эволюционные идеи, а не теории биологической науки, хотя разговор, конечно, пойдет и о них тоже. Причина выбора такого объекта состоит в том, что образ совершенного человека и проекты по его созданию формируются именно под воздействием *идей* (порой весьма смутных) о том, какими должны быть совершенные государства и люди, их населяющие. Это справедливо не только по отношению к временам античности, когда науки в современном значении еще не было, но и применительно к новейшему времени, поскольку и сегодня философы и ученые, рассуждающие о практическом применении генной инженерии нередко весьма далеки от понимания действительных возможностей и границ науки. Зато любой человек, имеющий доступ к прессе, телевидению или интернету (т. е. практически все), обладает некоторым *представлением* об эволюции видов (чаще всего – вынесенным со школьной скамьи) и имеет собственное суждение о том, какой должна быть правильная и справедливая демографическая политика государства.

В частности, в последнее время существенно возросло понимание необходимости проводить более активную («агрессивную») демографическую политику, со смещением акцентов с простого учета численности населения на управление его структурой и качественным составом. Это сигнал о том, что, невзирая на усиливающееся давление со стороны поборников политкорректности, происходит возрождение евгенической тематики, некогда дискредитированной

и изъятой из научного дискурса. Евгеника возвращается под маской качественной демографии или, – пользуясь терминологией членов «Русского Евгенического общества», давно прекратившего свое существование, – «грамотной демографической политики государства». Термин «качественная демография» призван акцентировать факт непосредственного участия в евгенических проектах государственных структур. В отличие от других исторически утвердившихся имен евгеники («генетика человека», «расовая гигиена») он указывает на то, что евгенические мероприятия проводятся не просто при участии государства, но по его заказу. Качественная демография возникает при переводе традиционных евгенических проектов на государственный уровень. При этом с точки зрения евгенистов необходимость государственного участия диктуется крайней дороговизной евгенических мероприятий, финансирование которых по силам только государственному бюджету. Кроме того, многие евгенические манипуляции противозаконны, т. е. осуществить их без санкции государства и без соответствующих реформ законодательства не представляется возможным.

В основе идеи о необходимости оптимизации качественного состава народонаселения лежит представление о вырождении человечества, причиной которого считается уклонение цивилизованного общества от действия естественного отбора. Это показывает, что идея евгенического вмешательства не просто связана с дарвинизмом, но, по сути, является его детищем. А поскольку сама идея усовершенствования человека гораздо старше дарвинизма, то логично было бы предположить, что смена парадигм, происходящая в современной эволюционной биологии, должна повлечь за собой изменение представлений о целях и задачах качественной демографии. Это возможно в том случае, если усилия и успехи позитивных наук, неуклонно углубляющих знание человечества об окружающем мире, действительно оказывают влияние на «самосознание» людей и на тот образ мыслей и действий, который формирует, в конечном счете, нашу общественную жизнь, законотворчество и социальную политику государств. Обращение к истории евгенической идеи показывает, однако, что непосредственного следования социальных реформ за фундаментальными открытиями в биологии никогда не происходило, даже когда казалось, что передовая наука прямо указывает на необходимость радикальной перестройки.

Лучше всего это видно на примере адаптации дарвинизма в общественном сознании, поскольку история эта относительно недавняя и хорошо исследована многочисленными историками науки. Истины, открытые теорией естественного отбора о природе человека, казалось, потрясли человечество, но за пределами исторических aberrаций типа фашизма социальный прогресс двигался своим путем, оставаясь в рамках традиционного христианского понимания гуманизма, безразличный к открытиям и теориям естествознания.

Возникает закономерный вопрос: откуда же берутся социальные утопии и приоритеты социальной политики, если, как показывает история, объективное знание непосредственно не влияет на содержание наших представлений о том, как должно быть устроено «хорошее общество»?

Приблизиться к ответу на данный вопрос поможет обращение к истории евгенической идеи, которая является достаточно древней, чтобы можно было говорить о ее архетипичности, изначальной встроенности в «природу человека». С другой стороны, поборники этой идеи на каждом этапе ее существования привлекали для аргументации основательности своих намерений если и не собственно науку, то, по крайней мере, объективное знание и здравый смысл.

2.1. Исконные представления о наследовании родительских качеств и возможности получения более совершенных человеческих особей. Значение идеального государства для оптимизации процесса селекции

Во времена античности, когда проблема перенаселенности, истощения природных ресурсов и загрязнения окружающей среды еще не стояла, евгенические идеи уже наличествовали и акцентировали внимание на физическом и духовном вырождении человека, а также на необходимости совершенствования государственного устройства. На это обстоятельство следует обратить особое внимание, ибо, как показывает последующее развитие евгенической идеи, государственные реформы и государственное вмешательство

мыслились как неперемное условие для получения усовершенствованного гражданина. Это можно считать одной из характерных особенностей обоснования (оправдания) необходимости евгенического вмешательства. То же можно сказать и об идее вырождения, – другом базовом концепте евгеники, без которого не вполне понятно, зачем понадобилось усовершенствование человека.

Идея о вырождении не нова. Она присутствует в мифологиях народов мира в виде легенд о золотом веке, когда земля была населена истинными героями, обладателями здоровья и красоты, а часто и бессмертия. Позже все эти сокровища по разным причинам были утрачены, и чтобы обрести их вновь требуются специальные усилия, направленные на селекцию человеческих особей. Причем уже в античные времена «мудрецы» понимали, что в этом деле без реформы государства никак не обойтись.

Источником общественных преобразований должно было стать философское осмысление целей, задач и последствий реформаторства. Этот момент заслуживает отдельного внимания, поскольку указывает на то, что архетипом является не только идея усовершенствовать человека и государство, но и уверенность, что как только будут выработаны разумные принципы того и другого и доведены до сведения власть имущих, человечество, руководимое философами (мудрецами), сразу же устремится (добровольно) навстречу своему процветанию. Это показывает, что евгенические проекты имплицитно включают представление о том, что жизнь наша и мы сами так плохи от того, что человечество *не понимает*, что ему нужно. А как только «мудрецы» (философы) ему это растолкуют, оно сразу же в корне изменит образ жизни, и все устроится само собой, по уму и справедливости. Это приятное заблуждение благополучно пережило всевозможные исторические перипетии и сохранилось до наших дней. На это, в частности, указывал В.А. Лекторский, открывая работу круглого стола «Наука. Техника. Человек», состоявшегося в Институте философии РАН в 2015 г.: «Существует старая идея, которую высказывали мудрые философы еще тысячу лет тому назад, эта идея в разных формах неоднократно обсуждалась. Состоит она в том, что разум, знание, наука – это то, что отличает человека от всех живых существ, с помощью чего человек может выстроить свои отношения с миром, с природой и с другими людьми. Поэто-

му еще Платон считал, что обществом должны управлять мудрые люди. А кто эти мудрые люди? Это философы. Они должны быть во главе общества, потому что у них есть такое знание, которое позволяет им понять, как лучше выстраивать человеческие взаимоотношения»⁶⁶.

Например, Платон в диалогах дает прямое указание на то, что *наука* имеет немаловажное значение для сохранения здоровья. Конечно, платоновские современники в слово «наука» вкладывали иной смысл, чем мы сейчас, но это не важно. Главное, что Платон ассоциировал с наукой объективное и передовое знание, как поступаем и мы сегодня. Так, например, в диалоге «Евтидем» Сократ говорит: «...при пользовании теми благами, что мы называем первыми, – богатством, здоровьем и красотой – именно наука руководит правильным применением всего этого и направляет его»⁶⁷.

Во времена античности уходит корнями еще одно представление, которое до сих пор является источником многих заблуждений, в том числе и евгенического характера. Я имею в виду мысль Сократа о том, что между добродетелью и знанием можно поставить знак равенства. Против этого тезиса выступал Аристотель: «Сократ... приравнивал добродетели к знаниям, но это невозможно. Дело в том, что все знания связаны с суждением, суждение же возникает в мыслящей части души, так что если верить Сократу, все добродетели возникают в мыслящей части души. Получается, что отождествляя добродетели с науками, Сократ упраздняет внеразумную часть души, а вместе с нею и страсть, и нрав. Этим его подход к добродетели неверен. После него Платон верно разделил душу на разумную и внеразумную части, каждую часть наделив подобающими добродетелями. До сих пор у него все хорошо, но после этого – опять неверно. Платон смешал и связал добродетель со своим учением о высшем благе и поступил неправильно: это благо не имеет отношения к добродетели как таковой. Ведя речь о бытии и об истине, он не имел оснований говорить о добродетели, поскольку они не имеют с нею ничего общего»⁶⁸.

⁶⁶ Наука. Техника. Человек. Материалы «круглого стола» // Философия науки и техники. 2015. Т. 20. № 2. С. 6.

⁶⁷ Платон. Евтидем // Платон. Соч.: в 3 т. Т. I. М., 1990. С. 169.

⁶⁸ Аристотель. Большая этика // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. IV. М., 1984. С. 297.

В данном отрывке Аристотель фактически указывает на то, что представление о благе для человечества (в античной редакции это и есть «добродетель») не может быть выведено ни из природы, ни из объективного знания, потому что не имеет с ними «ничего общего». Евгеника же (отметим это забегая вперед) не только берет на себя смелость указывать человеку, чего он должен хотеть и что для него есть благо, но еще и обосновывает свои требования объективной необходимостью, диктуемой природой или наукой. Словно понимание человеческого «блага» имеет какие-то объективные или природные источники. В действительности же всякая евгеническая программа, имеющая в виду достижение какого-либо биологического и социального блага, никак не вытекает из объективного знания, в том числе и из знания законов природы.

Рассуждения Аристотеля хорошо обоснованы с логической точки зрения, но этого оказывается недостаточно для того, чтобы раз и навсегда развести по разным категориям физическое и духовное или интеллектуальное усовершенствование человеческих особей, не сваливать все в одну кучу, полагая, что изменения в одной сфере сами собой повлекут за собой изменения в другой.

Идея селекции человеческих особей является практически ровесницей человечества и проистекает из мифов об утрате людьми совершенства в результате завершения золотого века. Сама эта замечательная идея, никак не вытекающая из познания «бытия и истины», видимо, явилась результатом недовольства физическими способностями человека. Между прочим, если вспомнить всех «супергероев», изобретенных современным кинематографом, смело можно утверждать, что и недовольство собой и своим местом в мире также является архетипичным и сохраняется в веках независимо от того, насколько расширяют возможности человека достижения научно-технического прогресса.

Сформулировав основную задачу – улучшить человека, сделать его более сильным, красивым и долгоживущим, древние евгенисты обратились к опыту сельского хозяйства, которое ко временам античности уже давно миновало зачаточное состояние. Источником примитивных селекционистских представлений, несомненно, явился опыт разведения домашнего скота, а также факт очевидного сходства между родителями и детьми, который не мог остаться незамеченным. Это и есть то базовое, исконное знание,

на котором строятся первичные представления о возможности влиять на качество потомства подбором родительских пар. К тому же времени относится практическое знание о том, что выбраковка неудачных экземпляров способствует очищению породы от нежелательных качеств и приближает селекционера к достижению конечной цели его работы. Правда, есть вероятность, что желание избавиться от нежизнеспособного приплода имеет более глубокие биологические корни.

Знание и опыт такого рода, копившиеся веками, и послужили той практической «наукой», которая составила основу протоевгенических проектов. Наиболее яркие из них представлены в платоновском «Государстве», «Политике» Аристотеля, «Утопии» Т. Мора и «Городе Солнца» Т. Кампанеллы. Эти произведения, относящиеся к разным историческим периодам, отражают довольно сходные представления о способах и возможности селекционной работы среди людей, что позволяет рассматривать их как единый блок евгенических проектов доклассического («донаучного») периода. Главный прием, используемый в них, – это выстраивание аналогии между селекцией домашних животных и «выведением» людей с необходимыми с точки зрения общественного блага свойствами. Здравый смысл такого подхода очевиден – античные времена еще не ставили под сомнение биологическую природу человека.

Посмотрим теперь, каким представлялось Платону «мудрое» переустройство семейного уклада и государства. В идеальном государстве Платона существует жесткая иерархия сословий, причем переход из одного сословия в другое практически невозможен (в соответствии с принципами селекции, где чистота породы является залогом быстрого достижения цели выведения). Лучшие люди Платоновского государства – это «стражи», сословие надзирателей. Все свое время они проводят в тренировках и разучивании специально отобранных цензурой мифов и гимнов. Никто из них не знает ни своих родителей, ни детей. Платон помещает свою самую ценную «породу» людей в условия, максимально облегчающие селекционную работу. Примерно так же пресловутый конезаводчик, излюбленный персонаж многих евгенических описаний, содержит племенных лошадей. У стражей нет собственности, нет отдельного жилища, нет вообще ничего, что мы вкладываем в понятие «частная жизнь» и неприкосновенность чего охраняется

законом. Их существование максимально прозрачно для мудрого наблюдателя, способного в любой момент внести необходимые коррективы в их воспитание и развитие. Интимная жизнь (если можно ее так назвать) также обобществлена. «Все жены этих людей должны быть общими, а отдельно пусть ни одна ни с кем не сожительствует. И дети тоже должны быть общими, и пусть отец не знает, какой ребенок его, а ребенок – кто его отец»⁶⁹. Такой уклад только на поверхностный взгляд выглядит воплощением подростковой эротической мечты о свободном спаривании каждого отобранного счастливчика со всеми другими избранниками судьбы. В действительности, отбор пар для получения наилучшего потомства строго контролируется. Просто самим «производителям» знать об этом не обязательно, ни к чему лишать их простого человеческого счастья, посвящая во все тонкости механизма, управляющего их жизнью. Дабы не лишать молодежь иллюзии свободного выбора партнера, устраивается жеребьевка. Причем, рекомендует Платон, «жеребьевку надо, я думаю, подстроить как-нибудь так, чтобы при каждом заключении брака человек из числа негодных винил бы во всем судьбу, а не правителей»⁷⁰. Для того, чтобы «сводить» вместе юношей и девушек, достигших брачного возраста, предлагается установить законом какие-нибудь празднества, а определение количества браков предоставить правителям, дабы они смогли контролировать численность населения с учетом убыли вследствие войн, болезней и т. д. Союзы должны заключаться таким образом, чтобы лучшие мужчины соединялись с лучшими женщинами, а худшие, напротив, с самыми худшими, причем, потомство лучших мужчин и женщин следует воспитывать, а потомство худших – нет, «раз наше стадо должно быть самым отборным. Но что так делается, никто не должен знать, кроме правителей, чтобы не вносить ни малейшего разлада в отряд стражей»⁷¹. Все родившееся потомство немедленно отбирается у матерей и поступает в распоряжение должностных лиц, которые определяют, кого из детей отдать в ясли для дальнейшего вскармливания: «Взяв младенцев, родившихся от хороших родителей, эти лица отнесут их в ясли к кормилицам, живущим отдельно в какой-нибудь части города. А младенцев, родившихся от худших

⁶⁹ Платон. Государство // Платон. Соч.: в 3 т. Т. III(1). М., 1971. С. 254.

⁷⁰ Там же. С. 257.

⁷¹ Там же.

родителей или хотя бы от обладающих телесными недостатками, они укроют, как положено, в недоступном тайном месте»⁷², т. е. в современной терминологии, подвергнут эвтаназии.

Аристотель практически ни в чем не соглашается с Платоном, начиная с разрешенного возраста деторождения и кончая более серьезными вещами, такими как государственное устройство, собственность и отцовство. Расхождение с Платоном возникает из-за того, что идеальное государство Аристотеля не так радикально отличается от традиционного, как платоновское, и основу его составляют брачно-семейные отношения. Поэтому автору приходится учитывать множество факторов, неактуальных для коллективного быта стражей. Во-первых, по мнению Аристотеля, супруги не должны сильно различаться по возрасту, иначе их потенции окажутся неодинаковыми. Девушки не должны вступать в брак слишком рано, иначе в них разовьется «излишняя страстность». Юноши не должны вступать в половые отношения в период созревания семени, иначе задержится их физическое развитие («будут слабы и низкорослы»). Исходя из этих соображений, Аристотель определяет следующие оптимальные сроки вступления в брак: для девушек – семнадцать лет, а для мужчин – тридцать семь или чуть раньше (т. е. между мужем и женой разница в возрасте должна составлять около двадцати лет – и это с точки зрения Аристотеля является «не сильно различаться по возрасту»!). «При заключении браков в этом возрасте физические силы брачующихся будут в расцвете и такой расчет будет в полном соответствии с тем периодом, когда прекращается способность к деторождению»⁷³.

Срок прекращения рождения детей «в интересах государства», по мнению Аристотеля, также ограничен естественным пределом и должен регламентироваться законом, поскольку «дети перерзрелых родителей, так же, как и слишком молодых, рождаются и в физическом и в умственном отношении несовершенновыми, а дети престарелых родителей – слабыми. Поэтому предел следует определить, сообразуясь с порой расцвета умственных сил. Этой поры, большинство людей, по указанию некоторых поэтов, измеряющих человеческую жизнь по семилетиям, достигают в возрасте около пятидесяти лет»⁷⁴.

⁷² Платон. Государство. С. 258.

⁷³ Аристотель. Политика // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. IV. С. 622.

⁷⁴ Там же. С. 624.

Наилучшим временем года для вступления в брак Аристотель полагает зиму («в соответствии с установившимся у большинства обыкновением»). Во всем же остальном рекомендует советоваться с врачом, поскольку в его идеальном государстве здоровью потомства отводится первостепенное значение: «Для нормального физического состояния гражданина, для его здоровья, для его способности к деторождению вовсе не требуется физическая мощь атлетов; с другой стороны подходит тут не слишком нежное и слабосильное телосложение, но среднее между обеими крайностями. Тело должно быть развито, но не посредством изнурительных упражнений и не только в одну сторону, как это бывает у атлетов, но чтобы быть пригодным для деятельности свободнорожденных людей. Это относится одинаково как к мужчинам, так и к женщинам». И лишь в одном вопросе Аристотель полностью солидарен с Платоном: «Относительно выращивания новорожденных детей и отказа от их выращивания пусть будет закон: ни одного калеку выращивать не следует»⁷⁵.

В «Политике» Аристотеля нашел отражение еще один евгенический мотив, а именно регуляция численности населения, что было актуально для жизни замкнутого античного полиса, способного прокормить ограниченное число граждан. Оптимальным способом демографической регуляции Аристотель полагает аборт, меру, на его взгляд, гораздо более гуманную, чем инфантицид: «Что же касается числа детей, то, в том случае, если установившиеся обычаи воспрещают отказ от выращивания кого-либо из новорожденных (а ведь количество деторождений строго определено), он и не должен иметь место. Если же у состоящих в супружеском сожитии должен родиться ребенок сверх этого положенного числа, то следует прибегнуть к аборту, прежде чем у зародыша появится чувствительность и жизнь; граница между дозволенным и недозволенным будет зависеть от наличия чувствительности и жизни»⁷⁶.

Вопросы демографии подробно разбираются в работе другого строителя идеального государства, жившего на много веков позднее. Его творчество ввело в оборот слово «утопия», наилучшим образом выражающее суть евгенических проектов. Правда, задача Т. Мора в отношении численности населения была прямо

⁷⁵ Аристотель. Политика. С. 623.

⁷⁶ Там же.

противоположной той, которую ставили перед собой античные авторы. Т. Мор описывает процедуру экспансии населения. Сей факт демонстрирует жесткую привязанность любой утопии, какой бы оторванной от реальной почвы она ни выглядела, к историческому контексту эпохи.

Будучи современником колонизации Америки, Т. Мор подчинил свое идеальное общество потребностям роста колоний и захвата ими новых территорий. Если для Платона и Аристотеля, обитателей полностью заселенных территорий, было важно сохранить неизменной численность населения, то Мор разрабатывает механизм максимально быстрой экспансии цивилизных поселений в земли диких аборигенов. Соответственно, в его демографической программе отсутствует пункт об ограничении размножения. При этом процедура расселения колонистов расписана до мелочей (люди учитываются «поштучно»), словно автор готовился к тому, что она будет взята на вооружение властями и станет использоваться как практическое руководство к действию: «Во избежание чрезмерного малолюдства городов или их излишнего роста принимается такая мера предосторожности: каждое семейство, число которых во всяком городе, помимо его округа, состоит из шести тысяч, не должно заключать в себе менее 10 и более 16 взрослых. Что касается детей, то число их не подвергается никакому учету. Эти размеры легко соблюдаются путем перечисления в менее людные семейства тех, кто является излишним в очень больших. Если же переполнение города вообще перейдет надлежащие пределы, то утопийцы наверстывают безлюдье других своих городов. Ну а если народная масса увеличится более надлежащего на всем острове, то они выбирают граждан из всякого города и устраивают по своим законам колонию на ближайшем материке»⁷⁷. Счастливое население острова Утопия, так же, как и граждане идеального платоновского государства, живет в условиях какого-то уродского коммунизма и, хотя жены и дети у каждого свои, но зато имеют место совместные трапезы в общественных столовых, где место каждого и порядок получения блюд строго определены его социальным статусом. Залогом процветания этого общества является абсолютное подчинение индивидуальной жизни интересам государства, выразителем которых является группа старейшин. Физическое здоровье относится «почти всеми утопийцами» к раз-

⁷⁷ Мор Т. Утопия. М.; Л., 1947. С. 121.

ряду удовольствий. Поэтому, «если болезнь не только не поддается лечению, но доставляет постоянные мучения и терзания, то священники и власти обращаются к страдальцу с такими уговорами: он не может справиться ни с какими заданиями жизни, неприятен для других, в тягость себе самому и, так сказать, переживает уже свою смерть; поэтому ему надо решиться не затягивать далее своей пагубы и бедствия, а согласиться умереть, если жизнь для него является мукой; далее, в доброй надежде на освобождение от этой горькой жизни, как от тюрьмы и пытки, он должен сам себя изъять из нее или дать с своего согласия исторгнуть себя другим»⁷⁸. т. е. человек имеет право жить лишь до тех пор, пока он полезен общине, а потом светские и духовные власти совместными усилиями уговорят его закончить жизнь самоубийством или согласиться на эвтаназию.

Возраст вступления в брак определен тоже вполне конкретно. Это женщины восемнадцати лет и мужчины на четыре года старше. Отдельно рассматривается вопрос о прелюбодеянии, которое (в соответствии с обычаями времени написания сего произведения) считается тяжким грехом и жестоко карается, поскольку, «если не удерживать людей от беспорядочного сожительства, то в их супружеской жизни редко возможно полное единение». Вторичное «грехопадение» карается смертью, «более ни за какие преступления смертная казнь не назначается»⁷⁹. Тот факт, что прелюбодеяние становится предметом специального рассмотрения, да еще и оценивается как преступление высшей категории, отмечает два крайне важных изменения в евгеническом дискурсе. С одной стороны, это показывает, что вопросу отцовства (т. е. наследственности) придается повышенное значение, и это, несомненно, облегчает «ведение племенных книг». Но с другой стороны – это сигнализирует о том, что обсуждение проблем селекции человеческого материала становится более затруднительным, чем в простодушные и откровенные времена античности. Отныне разговоры об усовершенствовании человеческой породы приходится вести завуалированно, что, однако, не убергло евгенистов от обвинений в склонности к порнографии, высказанных некоторыми исследователями истории движения.

⁷⁸ Мор Т. Утопия. С. 163–164.

⁷⁹ Там же. С. 168.

Это обвинение можно было бы счесть курьезом, но попробуйте непредвзято взглянуть на описание брачных обычаев «утопистов», предложенное Т. Мором, и не забудьте сделать поправку на то, что книжка была выпущена в свет во времена, когда и обнаженная женская лодыжка рассматривалась как признак нескромности. При выборе супружеской пары, пишет Т. Мор, пожилая матрона представляет жениху голую девушку, а пожилой муж – голого жениха. Это делается для того, чтобы молодые люди могли лучше оценить своего будущего партнера, ибо при покупке лошади осматриваем ее со всех сторон, а выбирая счастье на всю жизнь люди должны довольствоваться только обзором лица (аллюзия на античного поэта Феогнида). «Этим они подвергают себя большой опасности несчастливому сожителю, если впоследствии окажется какой-нибудь недостаток»⁸⁰. Рассуждение, воспроизводящее ту же логику, приводит и Т. Кампанела, который пишет, что ведению Любви (должностное лицо, соправитель верховного «метафизика») подлежит «деторождение и наблюдение за тем, чтобы сочетание мужчин и женщин давало наилучшее потомство... И они издеваются над тем, что мы, заботясь усердно об улучшении пород собак и лошадей, пренебрегаем в то же время породой человеческой»⁸¹. Забегая вперед, скажем, что очень похожее рассуждение встречается и у Дарвина, которого, не особенно углубляясь в историю вопроса, активно цитировали многие евгенисты классического («научного») периода: «Человек исследует с щепетильной тщательностью признаки и родословную своих лошадей, рогатого скота и собак, прежде чем соединяет пары; но когда речь идет о собственном браке, он редко или никогда не заботится о чем-либо подобном. Им управляют почти те же мотивы, что и низшими животными, когда они предоставлены собственному свободному выбору, хотя человек настолько превосходит их, что высоко ценит душевные прелести. С другой стороны, человек сильно привлекается одним богатством и положением. Однако он мог бы путем подбора сделать кое-что не только для телосложения и внешних форм, но и для их умственных и нравственных качеств»⁸².

⁸⁰ Мор Т. Утопия. С. 165.

⁸¹ Кампанелла Т. Город Солнца. М.; Л., 1947. С. 36.

⁸² Дарвин Ч. Происхождение человека и половой подбор. СПб., 1896. С. 564.

Идеальное общество Томмазо Кампанеллы представляет собой образец социума, построенного по аналогии со средневековым городом, существующим в окружении нескольких колец каменных стен. Стены служат не только целям обороны, но и выполняют и просветительскую функцию: на их внутренней поверхности, как на агитационных плакатах, записаны заповеди примерной жизни и много другой полезной информации. Жизнь в «Городе Солнца» еще более регламентирована, чем в государстве Платона и Утопии Т. Мора, поскольку обитель соляриев полностью замкнута на себя и совершенно отделена от внешнего мира, что позволяет «селекционерам» контролировать буквально каждый шаг жителей от колыбели до могилы, особенно брачно-семейные отношения, о чем уже говорилось выше.

У соляриев принята общность жен на том основании, что все остальное у них тоже общее. Разрешение на вступление в брачные отношения исходит от главного «начальника деторождения», опытного врача, подчиненного «правителю Любви». Процедура подбора кандидатов протекает следующим образом: «Когда же все, и мужчины и женщины, на занятиях в палестре, по обычаю древних Спартанцев, обнажаются, то начальники определяют, кто способен и кто вял к совокуплению и какие мужчины и женщины более подходят друг к другу; а затем, и лишь после тщательного омовения, они допускаются к половым сношениям каждую третью ночь. Женщины статные и красивые сочетаются только со статными и крепкими мужчинами; полные же – с худыми, а худые – с полными, дабы они хорошо и с пользой уравнивали друг друга»⁸³. Час совокупления определяется врачом и астрологом, и этим, собственно, исчерпывается участие «науки» в создании совершенной породы людей. Должностные лица, которые все являются одновременно и священниками, допускаются к совокуплению только при соблюдении многих дополнительных условий, «ибо от усиленных умственных занятий ослабевают у них жизненные силы, и мозг их не источает мужества, потому что они постоянно о чем-нибудь размышляют и производят из-за этого худосочное потомство. А этого они всячески стараются избежать, и потому таких ученых сочетают с женщинами живыми, бойкими и красивыми. Людей же резких, быстрых, беспоконных и неистовых – с женщинами полными и кроткого нрава»⁸⁴.

⁸³ Кампанелла Т. Город Солнца. С. 36.

⁸⁴ Там же. С. 52.

По поводу передачи по наследству нефизических качеств Кампанелла придерживается той теории (кстати, популярной и сегодня), что на развитие плода оказывают влияние впечатления, полученные женщиной в период беременности: «В спальнях стоят прекрасные статуи знаменитых мужей, которые женщины созерцают и потом, глядя в окна на небо, молят бога о даровании им достойного потомства»⁸⁵.

Устами соляриев Кампанелла повторяет базовый тезис, на котором настаивали все его предшественники на стезе улучшения человеческой породы, – что совершенного телосложения, благодаря которому развиваются добродетели, нельзя добиться путем тренировок, что все решает дурная или хорошая наследственность. Именно поэтому «все главное внимание должно быть сосредоточено на деторождении, и надо ценить природные качества производителя, а не приданое или обманчивую знатность рода»⁸⁶.

В целом жизнь людей в Городе Солнца выглядит еще более серой и безрадостной, чем в фантазиях предшественников Кампанеллы, а его утопия – еще больше похожа на антиутопию, излюбленный жанр более поздних времен. Отвращения вызывают не только методы подбора супружеских пар, но и сами добродетельные индивиды, рожденные в результате этих совокуплений. Именно неприглядность результата селекционной работы имела в виду, когда мы говорили о жесткой исторической привязке идеала совершенного человека к эпохе, порождающей этот идеал: с точки зрения другой, чуждой им эпохи эти идеалы уже не кажутся привлекательными. И это при том, что до сих пор нами рассматривались только труды выдающихся мыслителей своего времени, т. е. тех самых мудрецов, философов, которые, по мнению Платона, должны направлять развитие человечества. А ведь помимо них в каждом историческом периоде отыщется гораздо большее количество не слишком умных, но гораздо более активных и самоуверенных доброжелателей человечества, у каждого из которых разработан свой способ осчастливить людей, хотя бы они того, или нет.

Рассмотренные примеры утопических социумов и способов создания подходящих для них граждан относятся к так называемому *донаучному* периоду евгенической идеи, т. е. к тому этапу, когда

⁸⁵ Кампанелла Т. Город Солнца. С. 54.

⁸⁶ Там же. С. 53.

биологический механизм наследования еще не был исследован. Для этого периода характерно, что, как уже говорилось, утопические проекты разрабатывались в отсутствие «социального заказа», так сказать, из любви к искусству, из чисто метафизических соображений. Это обстоятельство позволяет предполагать, что идея усовершенствования человеческого рода является архетипом, и, хотя нельзя утверждать, что в описанный период она была особенно влиятельной, однако многие мыслители, подходившие к разработке общественных реформ с философским размахом, пришли к заключению, что создать совершенное общество без усовершенствования человека невозможно.

2.2. Естественнонаучное обоснование необходимости и возможности оптимизации качественного состава «народа населения»

Для того чтобы евгеническая идея обрела реальный вес и начала работать, потребовалось совпадение двух факторов. Во-первых, была необходима научная база, описывающая механизмы передачи наследственных признаков от предков к потомству и обосновывающая (посредством этого механизма) практическую осуществимость манипуляций с наследственным материалом. А во-вторых, нужен был соответствующий социальный заказ, который оправдывал бы в глазах общественности евгенические манипуляции и, главным образом, немалые материальные затраты, которых они требуют.

На рубеже XIX–XX вв. в Западной Европе такая мнимая возможность и кажущаяся необходимость сошлись и породили евгенику. Возможность практического улучшения человеческой породы обеспечивалась (в соответствие с тогдашними представлениями о наследственности) передовыми научными теориями – дарвинизмом и генетикой, а необходимость срочного вмешательства в традиционный способ продолжения рода диктовалась физической и нравственной деградацией населения. Тема деградации в означенный период обсуждалась весьма активно. Представители естественных наук на страницах авторитетных журналов и академических публикаций с энтузиазмом изображали картины общественной жизни,

которая, с точки зрения дарвиновской теории естественного отбора, представлялась как нечто совершенно противоестественное и неизбежно влекущее человечество к краю всеобщей гибели. Так, например, известный российский биолог Ю.А. Филипченко в работе «Пути улучшения человеческого рода» (1924) утверждает, что ухудшение здоровья населения отмечено во всех развитых странах, и это означает, что вырождение стало «мировым процессом». Поэтому нужно, чтобы и в человеческом обществе место естественного подбора занял искусственный, который постепенно приведет к улучшению будущих поколений. А т. к. это и является задачей евгеники, то насущная необходимость ее в настоящее время может считаться совершенно доказанной.

Ослабление действия естественного отбора в цивилизованном обществе (по расчетам – в 10 раз) было объявлено причиной не только «ухудшения физической конституции» человеческих особей, но и беспрецедентного в истории человечества падения нравственности. Рост таких социальных бедствий, как алкоголизм, нищета, проституция, туберкулез, сифилис и умственная отсталость рассматривался единым блоком и объявлялся следствием отсутствия борьбы за существование в социуме. Христианство, с его «противоестественными» заповедями, также было причислено к факторам, препятствующим естественной эволюции *homo sapiens*. Медицина, помогающая выживанию особей с ослабленной конституцией, в эволюционной перспективе также преобразилась из средоточия надежд человечества в препятствие на пути к его усовершенствованию. Та же участь постигла социальные программы поддержки малоимущих, калек и прочего «общественного балласта»: из акта благотворительности они внезапно превратились чуть ли не в злонамеренное мероприятие, задуманное специально для того, чтобы человечество погибло под гнетом заботы о всяческих, ни на что не годных отбросах. В представлении французского врача-психиатра О.Б. Мореля, считающегося основателем теории вырождения, процесс деградации человечества выглядел следующим образом. Люди, подорвавшие свое здоровье неправильной жизнью, отравлением различными «социальными» ядами (никотин, алкоголь, опиум) и т. п., производят потомство духовно неуравновешенное, истеричное. В следующем поколении уже проявляется умственная отсталость, эпилепсия и хронический алкоголизм, в

третьем поколении – душевные болезни и самоубийства. И, наконец, деграция приводит к идиотизму, возникновению всяческих уродств, бездетности и, следовательно, – к смерти рода, вымиранию. В этом рассуждении допускается ошибка, очевидная с точки зрения современной генетики: образ жизни ставится в один ряд с наследственными заболеваниями и трактуется как причина их возникновения. Сегодня мы понимаем, что взаимосвязи, на которые указывал Морель, работают не так прямолинейно и это обесценивает «научность» его воззрений. Несомненно, доля истины (добытой из опыта многолетних наблюдений) в таких рассуждениях содержится, – сегодня каждому известно о влиянии на умственное и физическое развитие потомства злоупотреблений алкоголем или заболевания сифилисом. Только работает эта закономерность не так, как это представлялось евгенистам, которые довольствовались отслеживанием взаимосвязей в основном на интуитивном уровне, что, строго говоря, не отвечает требованиям, предъявляемым к научным теориям. Можно сказать, что ценность наблюдений Мореля и его единомышленников была того же свойства, что и народная мудрость, утверждающая, будто «яблоко от яблони недалеко падает». Между тем, поскольку тревожные описания всеобщей деграции исходили из уст ученых и опирались на новейшие естественнонаучные теории, указанные факты воспринимались современниками как объективные данные науки (оспаривание которых есть проявление обскурантизма) и служили отправной точкой и оправданием для евгенических разработок. И такие проекты, разумеется, начали появляться во множестве, как реакция на общественную потребность, отвечающую природе человека.

Отношения дарвинизма и евгеники были неоднозначными. И это относится не только к попыткам приспособить теорию Дарвина к удовлетворению различных идеологических потребностей, результатом чего стало, например, появление социал-дарвинизма. Потребность евгеники в дарвинизме была велика, учитывая, насколько возросло значение науки в человеческой культуре. Без отсылки к теории естественного отбора и указания на жесткую биологическую (объективную) необходимость революционные цели и жесткие методы евгеники оставались не более чем утопией, такой же, как сочинения Т. Мора и Т. Кампанеллы. Апелляция к дарвинизму служила для евгенических проектов своеобразным пропуском

в сферу научных теорий, а также «мандатом», подтверждающим их право на существование. Как уже говорилось, желание усовершенствовать человека и государство является архетипом и возникает задолго до возникновения «социального запроса». Но вот на рубеже XIX–XX вв. **запрос вроде бы оформился, а заодно и «наука»** (теперь уже не в широком, а в собственном смысле) достигла необходимого уровня и заявила о своей способности указать путь к достижению требуемого результата. И здесь возникает вопрос, который мы можем задать только с высоты сегодняшнего времени: насколько сам дарвинизм отвечает требованиям, предъявляемым к научным теориям, способна ли его «оптика» давать адекватное отражение действительности и следует ли картину мира, построенную на дарвинизме брать за основу планируемых преобразований человека и общественного устройства.

Практически все теории евгенистов, включающие довольно радикальные планы переустройства общества (начиная с сексуальной революции и кончая реформой законов о наследовании имущества), держались на единственном допущении, – что эволюция человека (уникального существа, с двойственной биосоциальной природой) подчиняется тем же законам, которые управляют эволюцией всех прочих живых организмов. Некоторая культурная специфика допускалась, но при этом совершенно не учитывалась при рассмотрении. По мере того, как евгеническое движение набирало силу, тот факт, что все его здание держится на столь шатком фундаменте, постепенно был предан забвению. Его вытеснила привычка считать, что евгеника – это современнейшая из наук, опирающаяся на передовое учение Дарвина. «Биологическое вырождение», «естественный отбор» и «борьба за существование» – вот те «ключевые слова», которые придавали значимость и обоснованность евгеническим замыслам и наукообразность – евгеническому курсу, доказывая, что евгенический проект перестал быть утопией. Например, выдающийся российский биолог, основатель Русского евгенического общества Н.К. Кольцов писал, что открытие законов естественной эволюции дает возможность утверждать, в отличие от прежних революционных и реформаторских проектов, которые строились на голых принципах, что современная евгеника основывается на прочной научной базе – на эволюционном учении. В этом, как ему представлялось, заключается основной

творческий потенциал евгеники, ибо современный ученый *знает*, что человеческая природа может быть изменена, и может быть заранее уверен в успехе своего предприятия. Ценность этого тезиса Н.К. Кольцова усиливается тем, что он отражает общую убежденность евгенистов классического периода, что на их творчестве уже нет клейма утопичности и что их работа в области «генетики человека» в обозримом будущем возымеет реальные, благотворные для всего человечества последствия.

В истории евгеники и ее всемирной популярности наибольший интерес с точки зрения нашего анализа представляет тот факт, что Ч. Дарвин не является первооткрывателем эволюционной идеи. Один из современных историков науки – Ю.В. Чайковский, – высказывается по этому поводу весьма определенно: «До Дарвина более двухсот авторов писали об эволюции, некоторые охватывали проблему гораздо шире, чем он, а некоторые рассматривали и отбор, но услышан и признан обществом был именно Дарвин. Почему? Прежние уверения – что Дарвин доказал свои идеи фактами, всякий может проверить сам, прочитав его книгу. Фактов там много, но *касаются они изменчивости, а не отбора*. Есть параграф “Примеры действия естественного отбора”, где даны “два воображаемых примера”: волки разной быстроногости и цветы разной сладости. Более реальных примеров отбора в трудах Дарвина нет, в том числе и в Длинной рукописи (содержащей, как считалось до ее опубликования в 1974 г., все недостающие аргументы). Успех дарвинизма был явно вызван чем-то другим... Все основные идеи Дарвина высказаны до него, более того, предлагались более широкие, чем у него, обобщающие картины эволюции. Дарвин оказался в ряду основателей лишь в чисто социальном аспекте (не сказав ничего по существу нового, первым сумел быть услышанным всеми)»⁸⁷. Чайковский опирается на концепцию двух историй науки: когнитивной (движение идеи) и социальной (популяризация знания и пр.). В его представлении Дарвин выступает как персонаж истории социальной. Но, на мой взгляд, принижая значение Дарвина для когнитивной истории, Ю.В. Чайковский уделяет недостаточно внимания тому обстоятельству, что само когнитивное развитие происходит главным образом посредством работы с фактами истории социальной. Я имею в виду, что для движения мысли не

⁸⁷ Чайковский Ю.В. Эволюция. М., 2003. С. 80, 84.

так уж и важно, когда именно и кем была предложена та или иная идея. Это важно главным образом для истории науки, но не для науки как таковой. Реально работающий ученый черпает идеи не из истории своей дисциплины, а из коллективной интеллектуальной копилки научного сообщества, зачастую не зная (и не желая знать), кому принадлежит их авторство. Ю.В. Чайковский с укоризной называет такой обычай научного сообщества «избеганием предтеч», что, на мой взгляд, является с его стороны проявлением «профессионального деформизма», присущего всякому историку, для которого дотошное описание прошлого важнее потребностей дня сегодняшнего.

Теории Дарвина можно предъявить множество претензий (что скрупулезно проделал Ю.В. Чайковский), но одного никак нельзя отрицать: именно Дарвин сделал идею эволюции всеобщим достоянием. Нобелевский лауреат Дж. Б. С. Холдейн, один из основателей синтетической теории эволюции, выразил эту мысль следующим образом: «Учение об эволюции для того времени не было конечно новым, но ни Ламарк, ни другие выдающиеся биологи не сумели убедить ученый мир в том, что эволюция действительно происходит»⁸⁸. Тогда как Чарльз Дарвин «сумел быть услышанным».

В чем же причина сего примечательного факта, если дарвинизм действительно не был ни первым, ни самым оригинальным, ни особенно доказательным (вернее, вообще не привел ни одного реального доказательства в свою пользу, если верить все тому же Ю.В. Чайковскому) среди существовавших тогда теорий эволюции? Почему именно он «был услышан» и как ему удалось убедить ученых в том, что эволюция «действительно происходит», тем более, что (учитывая продолжительность жизни человека, да и длительность истории человечества тоже), «увидеть» этого невозможно? Когда рассматриваешь события в таком ключе, то невольно напрашивается мысль, что дело вовсе не в дарвинизме, и не в науке вообще. Триумф дарвинизма, если задуматься, вообще выглядел очень необычно. Никогда прежде так называемая широкая общественность не проявляла столько заинтересованности в научной проблематике. Что же изменилось на этот раз? Ответов может быть несколько. Во-первых, весьма вероятно, что таким образом было отмечено вступление общества в новый этап раз-

⁸⁸ Холдэн Дж. Б.С. Факторы эволюции. М.; Л., 1935. С. 1.

вития, который сегодня мы называем «обществом знания». «Это общество, в котором производство научного знания влияет на все остальные отношения: социальные, экономические, культурные и межчеловеческие» (В.А. Лекторский)⁸⁹. Разумеется, на рубеже XIX–XX вв. можно было говорить лишь о предчувствии такого будущего, но ведь с чего-то оно должно было начинаться. Во-вторых, интерес к теории эволюции можно объяснить тем, что она служила совсем другой цели, – т. е. не была банальным расширением знания о природе, а служила *научным* обоснованием социальной теории Маркса, набравшей сторонников примерно в это же время. Немецкие исследователи П. Вайнгарт, Ю. Кролль и К. Байертц считают, что действительное значение теории Дарвина заключалось в том, что она позволила совершенно по-новому взглянуть на целый ряд *социальных* проблем, придав социальным закономерностям статус естественного, биологического закона. Такое применение «возводит теорию Дарвина в ранг научных теорий мировоззренческого характера, способных на равных конкурировать с другим, тоже революционным мировоззрением означенного периода – с социальной теорией К. Маркса»⁹⁰. Из этой (второй) причины популярности теории Дарвина вытекает и следующая: мы уже неоднократно говорили о том, что мечта о совершенном человеке и счастливом обществе присуща человечеству изначально. Так вот, эволюционная теория Дарвина отвечала этой исконной потребности человечества, т. к. прекрасно соответствовала роли научной основы евгенического проекта. Так что если прежде мы утверждали, что причастность к дарвинизму давала евгенике право на существование в качестве научной теории, то с новой точки зрения мы беремся утверждать, что путь к мировому господству для дарвинизма проторили евгенические идеи и марксизм, которым он оказался комплементарен. И этим, главным образом, объясняется его «триумф» и мгновенное укоренение в общественном сознании.

Г.А. Заварзин трактует эту взаимосвязь как логический круг: «Давно замечено, но мало осознано, что дарвинизм представляет развитие взглядов англиканского протестантизма с акцентом на индивидуум и его избранность, преломленные в

⁸⁹ Наука. Техника. Человек. Материалы «круглого стола». С. 7.

⁹⁰ Weingart P., Kroll J., Bajertz K. Rasse, Blut u. Gene. Frankfurt a/M., 1988. С. 30.

естественнонаучную область. “Избранность”, определяемая успехом, лежит в основе повседневной кальвинистской морали. Очевидна связь “успеха” с конкуренцией, которая рассматривается как основополагающий механизм. В природе критерием также оказывается успех, ведущий к большей приспособленности к среде обитания (*fitness to environment*). Здесь работает логический круг, заключающийся в поисках подтверждения социальной психологии в «естественных» законах. В этом смысле дарвинизм оказывается не только научной гипотезой о происхождении видов, а мировоззрением»⁹¹.

Дарвинизм подвергался критике с момента первой публикации «Происхождения видов». Фактически даже раньше, если считать знаменитый спор Ж. Кювье и Э. Жоффруа Сент-Илера, в ходе которого Кювье, используя данные биогеографии, палеонтологии, эмбриологии и морфологии доказал *отсутствие* эволюции в живой природе. Уже через двадцать лет после выхода «Происхождения видов» можно было говорить о кризисе дарвинизма, причиной которого не в последнюю очередь стала популяризация учения (А.Р. Уоллес, А. Вейсман, Т. Гексли и пр.), сделавшая дарвинизм непригодным для серьезных ученых. Не будем также забывать и об активизации многочисленных авторов, – именуемых социал-дарвинистами, – борющихся за оздоровление «населения» и стремившихся всячески приспособить популярную теорию к нуждам своего движения. Понятно, что при этом какие-то моменты дарвинизма оставались в тени, а какие-то, наоборот, всячески акцентировались. В результате этих усилий не только был забыт собственно текст дарвиновских трудов (на что указывает Ю.А. Чайковский), но вполне нейтральная теория биологии превратилась в нечто, что русский журналист Н.В. Шкловский назвал «звериной философией». Такими словами он выразил свое крайне негативное отношение к пропаганде жестокости и отсутствия сострадания к слабым, выдаваемые за форму проявления борьбы за существование в человеческом обществе и провозглашаемые в качестве «научных» принципов новой социальной политики. В отчете о Первом лондонском евгеническом конгрессе, опубликованном в 1812 г. на страницах

⁹¹ Заварзин Г.А. Логика биологии и современное мировоззрение // Науки о жизни и современная философия. М., 2010. С. 305.

журнала «Русское богатство», Шкловский писал, что в действительности сие есть порождение элементарного нежелания платить налоги, а не радение об общественном благе⁹².

Теоретические нестыковки, замеченные современниками в трудах Дарвина, в частности, придали импульс работам Г. Менделя, которого сегодня считают основателем генетики, хотя в свое время он, как и Дарвин, был лишь одним из многих исследователей, двигавшихся приблизительно в правильном направлении. Именно поэтому современники не обратили на его работы особого внимания и он был забыт на довольно продолжительное время. Менделю повезло с выбором объекта изучения (горох), как позже советским генетикам повезло с плодовой мушкой – дрозофилой (говорят, на других «животных» у исследователей просто не было денег). Если бы он взял какое-нибудь другое растение, то вполне возможно, не сумел бы вывести свои замечательные закономерности, поскольку, как теперь известно, в природе не так уж много четко «менделирующих» признаков (например, у человека – всего один). Свои работы по гибридизации растений Мендель начал еще до выхода в свет «Происхождения видов» и задачей своей ставил изучение проблемы наследственности, которая в то время обсуждалась очень активно. Ознакомившись с трудом Дарвина, Мендель пришел к выводу, что дарвинизму «чего-то не хватает», что его (Менделя) собственная гипотеза передачи наследственного материала больше подходит для описания эволюционного процесса. То, чего не хватало теории Дарвина, это был собственно механизм эволюции, описание того, как возникают новые признаки, в последствие становящиеся объектом естественного отбора. Именно этот «люфт» почувствовал Мендель, который был не просто наблюдателем природы, но «садоводом» в самом прямом смысле слова.

«Переоткрытие» законов Менделя, случившееся тридцатью годами позже (1900), а также работы Гуго де Фриза (открытие мутации), А. Вейсмана (теория детерминантов), Т. Моргана (хромосомная теория наследственности) и др. ознаменовали становление генетики, как науки. Но эти же работы, все еще рассматривавшие мутации как отдельные курьезы, представили изменчивость организмов как результат простой рекомбинации генов (детерминантов). Таким об-

⁹² Дионео (Шкловский Н.В.). Из Англии. Звериная психология // Русское богатство. СПб., 1912. № 10. С. 322.

разом, эволюция как бы снова исчезла из биологии, и вплоть до формулировки принципов СТЭ (С.С. Четвериков, Дж.Б.С. Холдейн, Т. Добжанский, Дж.Г. Хаксли, И.И. Шмальгаузен, Э. Майр и др.) генетика и дарвинизм развивались параллельно, как два самостоятельных и независимых друг от друга способа описания развития в живой природе. Более того, как пишет Л. Кузьницы, «пионеры менделевской генетики – г. де Фриз, У. Бэтсон, и, вплоть до 1925 г., Т.Г. Морган – заняли чрезвычайно критическую позицию по отношению к теории естественного отбора»⁹³.

У молодой генетики в эту пору было множество собственных проблем, и главными среди них была проблема передачи наследственного материала («традиционная» проблема) и вопрос о природе связи между геном и признаком. Решение обеих было связано с вопросом о природе наследственных факторов. Анализ теоретических концепций, описывающих возможную природу носителя наследственности, в одной из своих ранних работ проделал А.А. Любищев. Критически исследовав многообразие гипотез, автор приходит к выводу, что «гены не являются ни живыми существами, ни кусками хромозомы, ни молекулами автокаталитического фермента, ни радикалами, ни физической структурой, ни силой, вызываемой материальным носителем; мы должны признать ген как нематериальную субстанцию, подобную эмбриональному полю Гурвича, но потенциальную»⁹⁴. Не углубляясь в анализ каждой из перечисленных концепций, отметим сам факт их разнообразия, свидетельствующий о том, что теоретическая работа в данной области в период самого бурного расцвета так называемой «научной» евгеники была еще очень далека от завершения. Несмотря на это, евгеническая пропаганда со ссылкой на новейшие научные открытия продолжала разворачиваться. Причем примечательно, что евгенисты, принадлежавшие к *разным* школам генетики, строили совершенно *одинаковые* евгенические схемы. И это говорит о том, что генетика выполняла при евгенике чисто декоративные функции, что связь евгеники с генетикой была фиктивной.

⁹³ Кузьницы Л. Отношение между эволюцией и генетикой // XIII Международ. конгр. по истории науки (г. Москва, 18–24 авг. 1971 г.). Коллоквиум: Эволюционная теория и генетика. М., 1971. С. 8.

⁹⁴ Любищев А.А. О природе наследственных факторов (крит. исслед.). Пермь, 1925. С. 13.

Какова бы ни была самооценка евгенистов классического периода, утопия оставалась основным жанром их творчества, выполняя задачу адаптации общественного сознания к совершенно новой, эпатажной с точки зрения общепринятой морали, системе взаимоотношения полов. Распространение законов из мира животных на человеческое общество попирало принятое во всем цивилизованном мире представление о том, что между животным и человеком пролегает непроходимая пропасть. Человек, обладатель бессмертной души, образ и подобие Божье, согласно требованиям морали во многих случаях должен поступать *вопреки* своей природе, заботясь не о выживании, а о сохранении «человеческого лица». Борьба за выживание традиционной моралью никогда не признавалась за приоритетную задачу. Далекое не все, что хорошо и правильно для животного, дозволено человеку. Это четкое различие отражено в метафорах, характеризующих недостойное, асоциальное поведение: «свинья», «собака», «скотина» – все эти определения плохи не сами по себе, а именно применительно к человеку. Именно против этой освященной веками традиции и выступили евгеники в надежде создать новую систему ценностей и построить новую мораль, претендующую на естественное происхождение и соответствие подлинной природе человека.

Таким образом, решение евгенической задачи (спасение нации, усовершенствование рода человеческого и т. д.) с самого начала оказалось в заложниках не только у законодательства, запрещавшего, например, эвтаназию неполноценных, эксперименты с человеческим материалом, а также признававшего приоритет прав законнорожденных наследников. Главным противником создания более совершенных людей оказалась мораль (консервативная, «буржуазная», как говорили строители «нового дивного мира»), осуждавшая внебрачные связи и требовавшая хранить в тайне подробности интимной жизни граждан. С точки зрения евгеники такое положение было контрпродуктивно, т. к. доступность информации о происхождении индивида и определение его ценности только на основе его врожденных качеств были исходными условиями, обеспечивавшими саму возможность успешной работы евгеников. Другими словами, претворение евгенической идеи в жизнь требовало проведения *сексуальной революции*. Именно выполнению этой непростой задачи – адаптации положений новой

«естественной морали» – служили евгенические утопии, изображавшие научно обоснованную систему государственного управления воспроизводством народонаселения – старое средство, которое позаимствованное евгенистами научного периода у их предшественников. Утопическими конструкциями пестрят труды многих евгенистов, в том числе и таких маститых, как основатель евгеники Ф. Гальтон, или А. Плётц, стоявший у истоков немецкой «расовой гигиены».

«Утопия» Ф. Гальтона носит говорящее название “Cantsay-where” (английская калька с греческого «утопия») и представляет собой дотошное, пошаговое описание организации искусственного отбора в среде людей. Эта система учитывает любые случайности, могущие увести процесс селекции в неудобном направлении. Функция евгенического контроля возложена на «коллегию» специалистов, которые, пользуясь особым «метрическим» методом, производят оценку наследственных физических и психических характеристик индивида. Итоговый вердикт коллегии, выносимый после подсчета всех плюсов и минусов, устанавливает, пригоден «претендент» к размножению или не пригоден. Лица, не выдержавшие «экзамена», поступают на полное иждивение государства до тех пор, пока соблюдают запрет на производство потомства. Нарушителей вынуждают эмигрировать из страны (очевидно, Гальтон планировал построить утопию в одной, отдельно взятой стране, а судьба остального мира его не особенно волновала). Принудительной сегрегации подлежат только душевно больные, дабы оградить от них остальных граждан. Прогнозирование генетического статуса носит характер «статистической определенности», поэтому рождение ребенка «непригодными» родителями рассматривается как евгеническое преступление даже в том случае, если ребенок оказывается совершенно нормальным. Такие меры, по мнению Ф. Гальтона, должны превратить искусственный отбор в достойный противовес расслабляющему действию цивилизации. То, что природа делала слепо, медленно и жестоко, следует делать осознанно, быстро и мягко.

Изобретатель термина «расовая гигиена» А. Плётц в своем труде, ставшем основополагающим для немецкой евгеники и носящем обстоятельное название «Ценность нашей расы и защита слабых. Опыт расовой гигиены и ее отношение к гуманным идеалам,

особенно к социализму», гораздо меньше внимания, чем Ф. Гальтон, уделяет разбору ошибок при вынесении евгенического приговора. Он защищает интересы расы в целом и поэтому не слишком озабочен возможностью несправедливости в отношении индивидов, снижающих ценность этой расы. Опираясь на труд Дарвина о половом подборе, Плётц выстраивает собственную научно обоснованную процедуру селекции людей, призванную остановить вырождение и возродить былую мощь немецкой нации.

Прежде всего, произведение потомства допускается только лицам, достигшим полной половой зрелости, каковая, по его мнению, наступает у мужчин в 26 лет, а у женщин – в 24 года. Супружеская пара, решившая обзавестись потомством, должна начать вести здоровый образ жизни, т. е. правильно питаться, заниматься физкультурой и соблюдать правильный режим дня. Если же, вопреки всем этим гигиеническим мерам, ребенок родится слабым или ущербным, то специальная медицинская коллегия, принимающая решение о присуждении гражданства новорожденному, подготовит для него легкую смерть, например, посредством небольшой дозы морфия. «Родители, воспитанные в строгом уважении к интересам расы, не слишком долго будут предаваться скорби, но радостно и со свежими силами предпримут вторую попытку, если комитет по воспроизводству позволит им это сделать после предыдущей неудачи»⁹⁵. Кроме того, уничтожению подлежат все дети, рожденные от матерей старше 45 лет или отцов старше 50, даже если ребенок выглядит абсолютно здоровым. Женщинам также запрещено рожать более шести раз, все потомство от последующих родов подлежит уничтожению. Вскармливаются только те младенцы, которые выдерживают первичное освидетельствование комитетом по воспроизводству.

Проект Плётца дополняется системой евгенической пропаганды. И это вполне оправдано, потому что без основательной «промывки мозгов» человек вряд ли выдержит жизнь в таком идеальном государстве. Главной задачей педагогической системы является воспитание уважения к интересам расы и беспрекословного подчинения индивида обществу. Помимо привития подрастающе-

⁹⁵ *Ploetz A. Die Tüchtigkeit unserer Rasse und der Schutz der Schwachen. Ein Versuch über Rassenhygiene und ihr Verhältniss zu den humanen Idealen, besonders zum Sozialismus. B., 1895. S. 144.*

му поколению чувства расового долга, воспитание направлено на максимальное развитие физических и умственных способностей. Это важно, поскольку в конце обучения юноши и девушки оцениваются по каждому параметру в отдельности, а итоговая оценка – это не просто «хорошо» или «плохо», как у Ф. Гальтона, а конкретное указание на то, скольких детей может иметь данный индивид: ни одного, одного, двоих и т. д. Число разрешенных детей для пары – это среднее арифметическое баллов отца и матери.

Поставить всех детей в равные экономические условия и избежать nepотизма со стороны состоятельных родителей (что в конечном итоге могло бы привести к вырождению класса богатых людей), согласно Плётцу, должна отмена права наследования имущества. Благодаря введению этой меры каждый индивид будет вступать в экономическую борьбу вооруженный только врожденными способностями и равной долей средств производства, ссужаемых ему на первых порах государством в виде кредита. По мнению автора, при такой системе более способные быстро разбогатеют, а наименее способные – обнищают. Помощь бедным со стороны государства должна быть минимальной и предоставляться только в том случае, если объект уже не участвует в размножении. Помощь слабым, слепым, глухим и т. д. рассматривается как противоестественная в буквальном смысле слова, поскольку она работает против *естественного* отбора.

Величайшим злом и «напрасной растратой качественного материала» Плётц считает кровопролитные социальные революции, особенно такие, в которых провозглашается губительный для нации лозунг равенства людей. Идеи социализма с этой точки зрения особенно противны евгенисту. Зато войны, по Плётцу, дело вполне естественное, ибо такова форма проявления борьбы народов за существование. Единственное, о чем должны заботиться соответствующие органы в случае вступления нации в войну, это чтобы в армию попадал материал поплоче, «чтобы убыль хороших производителей не была чрезмерной»⁹⁶.

Этот, довольно большой отрывок из Плётца приведен здесь не потому, что в нем содержатся оригинальные идеи, а из-за его типичности для евгенической литературы того времени. Практически такая же оценка влияния войн и революций на генетический

⁹⁶ Ploetz A. Op. cit. S. 147.

состав населения встречается, например, в работах Н.К. Кольцова, в целом придерживавшегося взглядов, противоположных выдвигаемым Плётцем.

Тема влияния социальных факторов на естественную эволюцию человеческой расы активно обсуждалась в России в начале XX в. Свою роль в этом, несомненно, сыграла уникальность социально-экономической ситуации, сложившейся в этот период в нашей евразийской державе. Нищая страна с богатейшим научным потенциалом в силу известных исторических обстоятельств превратилась в естественный полигон, на котором ставился масштабный евгенический эксперимент. Дух разрушения старого мира и построения мира нового как нельзя лучше соответствовал реформаторским устремлениям евгеники, которая тоже, правда на свой лад, желала произвести революционные преобразования, только не в социально-экономической сфере (хотя и эта область должна была видоизмениться в ходе реализации евгенического проекта), а во взаимоотношении полов. Огромные массы людей оказались выбиты с привычных мест, покинули обжитую «экологическую нишу» и, зачастую, были вынуждены вести самую настоящую «борьбу за существование», не менее жестокую, чем ведут животные в первобытном лесу. Отсутствие регулярной медицинской помощи и социального обеспечения, которое в России и в мирное время было не слишком развито, привели к тому, что выживали действительно только «наиболее приспособленные». Целые регионы страны вымирали от голода, холода и болезней, обычно сопровождающих социальные катаклизмы подобного масштаба. Но с точки зрения евгеники в этом хаосе был и определенный позитивный момент, ибо разрушение классовых границ вынесло на поверхность те активные элементы, которые в условиях стабильности вряд ли смогли бы себя проявить. С точки зрения возможности проведения евгенических реформ это было поистине счастливое стечение обстоятельств, поскольку в экстремальных условиях особенно четко проявляется зависимость между способностью особи к выживанию и ее физической конституцией. Таким образом, все евгенические закономерности оказывались на поверхности, открытые глазу наблюдателя.

Сама история поставила масштабный евгенический эксперимент, предоставив тем самым богатейший материал, продемонстрировавший влияние неблагоприятных факторов среды

на выживаемость особей с различными врожденными задатками. Русским евгеникам не надо было ставить сомнительные с точки зрения традиционной морали опыты, чтобы проверить, насколько долго организм человека способен сопротивляться воздействию различных «вредных агентов» (как это делали, например, японские и немецкие врачи), доказывая тем самым тезис о благодетельной роли естественного отбора. Для евгеники такой исторический расклад был редкой удачей, но использовать ее российская евгеника оказалась не в состоянии, ибо в стране не было социологической службы, способной произвести «репрезентативный мониторинг», как говорят сейчас. Поэтому, в отсутствие реальных данных, русские евгенисты (а среди них было немало выдающихся ученых, сделавших значительный вклад в развитие биологии) продолжали опираться в своих рассуждениях о необходимости евгенических реформ не на анализ фактов, а на общие принципы, следовавшие из теории Дарвина и учения Менделя. По этой причине работы российских ученых во многом кажутся неоригинальными, вторичными, воспроизводящими ту же логику, которой следовали их зарубежные коллеги. Но было и некоторое отличие, позволяющее говорить о российском евгеническом движении как об особом явлении в истории философской мысли.

Евгеника в российской редакции, невзирая на то, что она (так же, как и западная, гальтоновская школа) произрастала из естественнонаучной почвы, оказалась явлением по преимуществу социальным. И в этом заключается ее специфика и самобытность. Если можно так выразиться, российская евгеника была «повернута лицом» к человеку, а не к природе, и это притом, что Русское евгеническое общество, в отличие от его зарубежных аналогов, практически полностью состояло из ученых-естествоиспытателей.

Причиной этой специфики явился, вероятно, особый статус русской интеллигенции. Е. Евтушенко в поэме «Братская ГЭС» утверждает, что поэт в России больше, чем поэт. Нечто подобное можно сказать и о российском ученом, который не столько олицетворял собой некий род профессиональной деятельности или уровень образования, сколько выступал как носитель определенных культурных традиций, отказ от которых автоматически вел к исключению из разряда «интеллигентных людей». Европейские

евгеники, рассуждая о сексуальной революции и прочих евгенических нововведениях, могли «примерять на себя» новую мораль и оставаться при этом признанными представителями своего культурного круга. Для русских ученых это было невозможно по причине изрядной этической нагрузки, возлагаемой на понятие «интеллигент», которое, как считается, является специфическим порождением русского культурного пространства. Творчество русских ученых в области евгеники отчетливо демонстрирует, что они занимают заметно отстраненную позицию в отношении собственных рекомендаций. Этический подтекст постоянно присутствует в их рассуждениях о жесткой биологической необходимости, как если бы ученый нам говорил: я понимаю, что интересы расы требуют быть безжалостным к слабым и убогим, но меня от этого увольте.

Европейская евгеника сильнее всего стремилась продемонстрировать свою научность. Русская евгеника больше сил положила на то, чтобы примирить евгенические проекты с общественной моралью. Этим объясняется заметный социальный крен российской евгеники. Так, например видный евгенист Т.И. Юдин, профессор Казанского университета, отдавая себе отчет в том, что евгеника не является чистым естествознанием, писал, что проблема евгеники двойственна. «Евгеника ставит себе две задачи: с одной стороны, задачу био-техническую, а с другой – социальную. И с этой точки зрения она с одной стороны принадлежит к наукам естественным и при изучении наследственности био-техники пользуются всеми точными методами наук естественных, с другой стороны, евгеника – наука социальная, наука историческая по классификации Риккерта: она создает рецепты для удовлетворения запросов текущей постоянно меняющейся социальной жизни»⁹⁷. «Генетика, антропология и этнология, генеалогия, законодательство, история, политическая экономия, статистика, социология, социальная гигиена, психология, психиатрия, общая патология и медицина вообще, педагогика – у каждой из них евгеника заимствует часть своего содержания. Во всех этих дисциплинах частично захватываются евгенические проблемы»⁹⁸.

⁹⁷ Юдин Т.И. Евгеника. Учение об улучшении природных свойств человека. М., 1925. С. 7.

⁹⁸ Там же. С. 6.

Основатель евгеники Ф. Гальтон выделял три этапа в ее развитии. Первый этап – теоретический, этап разработки теории евгеники и чисто академического обсуждения проблемы усовершенствования человека. Второй этап – практический, этап проработки демографической политики, введения в оборот конкретных программ расовой гигиены и проведения законодательной реформы с учетом евгенических требований. И, наконец, третий этап – это этап полного отказа от евгенической пропаганды, поскольку к этому моменту необходимость в ней уже отпадет. К этому моменту евгенические установки настолько глубоко внедрятся в сознание и подсознание граждан, что необходимость в силовом регулировании «евгеничного» поведения исчезнет: люди полностью проникаются сознанием необходимости добровольного соблюдения всех этих правил.

Легко заметить, что, с точки зрения приведенной классификации, работа Русского евгенического общества пребывала на первом этапе. На страницах «Русского евгенического журнала» можно найти множество интереснейших теоретических дискуссий, в ходе которых выдающиеся российские биологи пытались логическим путем отыскать способы разрешения острейших социальных конфликтов и этических коллизий. А в это самое время западные школы уже перешли к составлению практических программ расовой гигиены и консультировали правительства по поводу юридического оформления мер принудительной стерилизации. Можно по-разному оценивать это обстоятельство, например, как проявление всегдашней российской отсталости. Но, на мой взгляд, в данном случае дело было скорее в том, что русские евгеники не сочли для себя возможным переходить к практическому этапу, пока не будет полностью и всесторонне оценен этический статус и возможные последствия евгенического вмешательства. Замечу, что западные коллеги, несмотря на довольно жаркие дебаты, не смогли выработать сколько-нибудь определенной позиции в отношении евгеники. Дискуссия естественным образом зашла в тупик, поскольку в ней были представлены диаметрально противоположные точки зрения, примирить которые не представлялось возможным ни тогда, ни теперь. Все главные вопросы евгеники, – о «верховном селекционере», о целях и допустимых методах евгенического вмешательства, а также о его

границах, – остались без ответа и постепенно отошли на задний план в ожидании лучших времен. Главные силы западных евгенистов сконцентрировались на разработке практических программ расовой гигиены, словно эта работа была гораздо более важной и актуальной, чем какие-то бесконечные и однообразные этические и юридические дискуссии. Русские евгенисты в аналогичной ситуации заняли более осторожную позицию, хотя, как мне представляется, склонить революционное правительство России к проведению масштабного евгенического эксперимента было гораздо проще, чем консервативные парламенты Европы. Особенно с учетом «воинствующего» атеизма, принятого в качестве официальной доктрины, и всеобщего настроения на строительство нового мира.

Как уже говорилось, российские евгеники нередко повторяли логику рассуждений своих западных коллег, продвигаясь проторенными путями через описание всеобщей деградации населения к выводам относительно необходимости искусственного отбора в культурном обществе. Но при этом, благодаря гуманистической ориентации, их исследования обладают самостоятельной ценностью, а аргументация нередко выглядит более веской и интересной.

Н.К. Кольцов, оценивая специфику современной ему евгеники, вычленяет то новое, что она внесла в древнюю идею усовершенствовать человека: «Разве не той же самой идеей руководствовались все провозвестники реформаторских и революционных идеалов с самого начала культурной жизни человечества? И ветхозаветные проповеди новой морали; древние греки с их культом красоты; первые христиане, провозглашавшие высокие идеалы, до сих пор остающиеся недостижимыми и труднодостижимыми, несмотря на две тысячи лет господства христианской религии; гении эпохи Возрождения, восстановившие античный культ красоты; деятели Великой французской революции, поставившие свою прямою задачу поднять человеческую культуру и облагородить человека на почве равенства, братства и свободы, а равно и борцы всех новейших революций, вплоть до той, которую мы переживаем в новейшее время?»⁹⁹.

⁹⁹ *Кольцов Н.К.* Русская евгеника // Улучшение человеческой породы. М., 2012. С. 125–154.

Сам отвечая на свой вопрос, Н.К. Кольцов пишет, что новейшая евгеническая мечта принципиально отличается от утопий прежних времен, т. к. основу древних евгенических проектов составляли голые «принципы», тогда как в основании современной евгеники лежит эволюционное учение, представляющее человека как результат длительного развития, а не как застывший, не меняющийся от сотворения мира объект. Древние утописты, считает Н.К. Кольцов, не помышляли об изменении *природы* человека, т. к. не знали, что она может быть изменена. Но открытие Менделеем передачи признаков по наследству показало, что подбор родителей позволяет улучшить качества потомства, в том числе и у человека. Таким образом, новейшая евгеника заявила о своей способности удовлетворить одну из насущнейших потребностей человечества: установить контроль над стихийным процессом размножения людей. О том, что такая необходимость уже давно назрела, пишут практически все члены Русского евгенического общества, прибегая к обычной в таких случаях аргументации по цепочке: ослабление давления естественного отбора → вырождение → необходимость применения мер искусственного отбора.

Знакомство с работами русских евгенистов производит двойственное впечатление. Их приверженность строгой научной объективности в сочетании с нежеланием называть некоторые вещи своими именами наводит на мысль о глубоком внутреннем противоречии, рожденном противостоянием традиционной морали и жестокой природной необходимости, как она представлялась в оптике дарвинизма. Читая статьи Н.К. Кольцова, Т.И. Юдина, Ю.А. Филипченко и др. трудно избавиться от впечатления, что на самом деле они выступают не как представители передовой науки, а как представители интеллигенции, напуганной тем страшным всплеском грубой, неграмотной, темной силы, которую олицетворяли собой революционные народные массы. Даже поверхностный анализ евгенических трудов показывает, что подлинную тревогу у русских евгенистов вызывает именно судьба интеллигенции, т. к. в их представлении именно она и является носителем всех ценных для расы качеств. Так, например, программа евгенических мероприятий, намеченная главой питерского отделения Русского евгенического общества Ю.А. Филипченко (помимо того, что в ней нашли отражение весьма далекие от действительности представле-

ния о социальной динамике), практически полностью посвящена проблеме сохранения и умножения интеллигенции. Другие слои общества не удостоились особого внимания и упоминаются лишь постольку, поскольку являются источником «новых поступлений» для интеллигенции:

– Наша интеллигенция есть производное всех классов общества, возникающее, прежде всего, благодаря счастливому сочетанию наследственных зачатков.

– Сама по себе интеллигенция размножается слабо и не может поддержать себя собственными силами на том же уровне, требуя все время притока свежих сил извне.

– Судьба потомства интеллигенции бывает тройкая: оно частью сохраняется на том же уровне, частью возвращается в другие классы, наконец, из него же формируется небольшое количество особенно выдающихся талантливых людей.

– Этот небольшой сгусток талантов, имеющийся всегда в недрах интеллигенции, никогда не размножается дальше в себе: его потомство возвращается обычно в недра интеллигенции или в другие классы, а в следующем поколении это ядро формируется снова из наиболее одаренных потомков интеллигентов обычного типа.

– Чисто государственными мерами для поддержания достаточного количества как рядовой интеллигенции, так и ее высокоодаренного ядра, следует признать:

а) уничтожение всех тех барьеров правового, экономического и идейного характера, которые мешают переходу в ряды интеллигенции выходцам из различных классов общества;

б) количественная политика населения, поощряющая размножение всех классов, кроме явно дефективных элементов;

в) поощрение развития интеллигенции¹⁰⁰.

В работах русских евгенистов ощущается, что научное любопытство, вызванное к жизни новой областью исследований, вступает в конфликт с интеллигентским гуманизмом, полностью отречься от которого на деле оказывается невозможным, поскольку он глубоко укоренен в сознании всей системой воспитания и образования, и срабатывает на уровне рефлекса. Щепетильность российских евгенистов выразилась в том, как твердо они отмежевались от необходимости определять цель евгенической работы,

¹⁰⁰ Штэхер Г.Г. Вырождение и евгеника. М.; Л., 1927. С. 87–88.

полностью переложив эту задачу на плечи государства. Н.К. Кольцов в своей программной статье «Улучшение человеческой породы» прямо указывает, что наука не может ставить перед евгеникой целей (мимоходом фактически противопоставляя евгенику науке). «Наука может только выяснить биологические основы морали, показать, что человеческая мораль сводится, с одной стороны, к тем или иным врожденным, связанным с наследственной организацией мозга инстинктам, а с другой – к благоприобретенным передающимся по наследству привычкам, которые укрепляются в каждом человеке под влиянием воспитания в определенной среде, в том или ином общественно-экономическом строе»¹⁰¹. Наука может помочь человеку разобраться в его душевных коллизиях, но она не в состоянии доказать, что «ближнего» следует любить больше, или меньше, или в той же степени, как себя самого. Если же ученый делает нравственный выбор в пользу одной из концепций, то он при этом поступает не как ученый, опирающийся на объективную логику, а как человек с теми или иными врожденными или благоприобретенными пристрастиями. Однако, отказавшись, таким образом, от права определять идеал совершенного человека, Н.К. Кольцов все-таки приводит несколько вариантов возможного общественного устройства, которые представляются ему целесообразными. Образцом для первого из них служит сообщество термитов, состоящее из узко специализированных и развитых до совершенства типов насекомых. Н.К. Кольцов полагает, что в условиях политического плюрализма, характерного для современного ему общества, непременно отыщутся партии, которые будут приветствовать такой подход к усовершенствованию человеческого рода. Но найдутся и партии, требующие равенства способностей людей. Биология в этом споре «стоит в стороне» и ничего не решает: для нее осуществимы оба пути, но выбор не за ней. Другой идеал, которым тоже может направляться евгеническая работа, это создание условий для наибольшего счастья для наибольшего числа людей. По поводу такой установки Кольцов возражает, ссылаясь на размытость понятия счастья: во-первых, ощущение счастья – это во многом вопрос темперамента; во-вторых, люди могут быть счастливы даже в самых ужасных условиях; и, наконец, можно

¹⁰¹ Кольцов Н.К. Улучшение человеческой породы // Рус. евген. журнл. 1922. Т. 1. Вып. 1. С. 14.

было бы провести отбор в этом направлении, но будет ли от этого польза человечеству – не известно. Некоторые народы до сих пор находятся на первобытной ступени развития именно благодаря «счастливому темпераменту».

Если же не связывать евгенику с каким-то определенным идеалом, а просто признать наивысшим благом «жизнеспособность» (как если бы человечество оставалось во власти естественного отбора), то и в этом случае не следует забывать, что в природе хорошая приспособляемость нередко ведет к упрощению организации, паразитизму. Это означает утрату многих способностей и потенциалов ради лучшего приспособления к специфической среде обитания. Но главная трудность состоит в том, что человек, если только он хочет оставаться человеком, должен не просто любой ценой сохранять жизнеспособность, но и продолжать совершенствовать свои интеллектуальные и духовные качества. В этом месте рукописи Н.К. Кольцов приводит пример, очевидно имея в виду своих оппонентов: люди, не способные воспринимать современные идеи, должны мало-помалу уступить место представителям человечества с более совершенным мозгом. «Конечно, будущий человек не должен быть развит слишком односторонне. Он должен быть также снабжен и здоровыми инстинктами, сильной волей, врожденным стремлением жить, любить и работать, должен быть физически здоров и гармонично наделен всем тем, что делает его организм жизнеспособным. Этот новый человек – сверхчеловек, “Homo creator” – должен стать действительным царем природы и подчинить ее себе силою своего разума и своей воли»¹⁰².

Рассмотренные в этом параграфе примеры евгенических проектов, взятые из работ Ф. Гальтона и А. Плётца (до некоторой степени – и Н.К. Кольцова тоже) показывают, что и на «научном» этапе основным методом евгеники остается установление аналогии между миром животных и человеческим обществом. Очевидно, что этот метод не универсален и сопровождается массой ограничительных условий. В частности, сам Дарвин, теория которого активно эксплуатировалась евгенистами, не считал возможным огульно распространять описанные им законы на социальную область, специалистом в которой он себя не считал. Далеко идущие социалдарвинистские выводы целиком и полностью лежат на совести его

¹⁰² Кольцов Н.К. Улучшение человеческой породы. С. 17.

популяризаторов и вульгаризаторов. Относительно наследования умственных способностей и духовных качеств следует отметить, что в те времена эта сфера вообще была мало изучена (не считая результатов, полученных А. Декандром и Ф. Гальтоном в работах по генеалогии выдающихся людей). По большому счету, таких данных и сегодня не достаточно для построения достоверных прогнозов. Эти соображения дают основание утверждать, что все проекты евгенистов начала века, невзирая на постоянные отсылки к научным теориям, оставались утопическими по сути, строились на аналогиях и допущениях, не имевших под собой достоверной экспериментальной базы. В качестве иллюстрации, позволяющей оценить степень научности базы, на которой зиждились проекты глобальной переделки человечества, можно привести отрывок из работы Ф. Гальтона, в котором излагается дарвиновская концепция пангенезиса. Во-первых, Дарвин предполагает, что «каждая клетка, обладающая индивидуальными особенностями при своем размножении передает свой первоначальный тип потомкам и образует бесчисленные частички “gemmules”, обращающиеся в крови и размножающиеся здесь. Частички остаются в этой неопределенной форме, пока не найдут возможности остановиться на других более или менее совершенных тканях, и здесь развиваются в правильные клеточки. Во-вторых, частички эти, по его мнению, управляются исключительно естественным средством при выборе точки прикрепления, и, следовательно, дивное строение живущей формы складывается под влиянием слепого средства бесчисленных элементов, а не под влиянием центральной управляющей силы»¹⁰³. И так далее. Таким представлялся процесс тканевой дифференциации и передачи наследственных признаков Дарвину и, соответственно, Ф. Гальтону, родоначальнику «научного» этапа в развитии евгеники. Именно об этой «гипотезе» Дарвина он писал, что она оказывает огромную услугу для всех, кто изучает законы наследственности.

Оценивая эти представления с позиций современности, легко заметить, что лишь немногие из идей того классического периода выдержали проверку временем. И это позволяет нам утверждать, что между евгеникой донаучного и научного периодов не было принципиальной разницы. Это относится и к средствам евгеники,

¹⁰³ Гальтон Ф. Наследственность таланта, ее законы и последствия. М., 1996. С. 243.

ее способности целенаправленно изменять что бы то ни было в человеческом организме и в обществе. Но это справедливо и в отношении целей евгеники, ее представления об идеальном человеке и идеальном государственном устройстве.

К счастью для человечества, власть предрержащие во все времена не спешили следовать рекомендациям «мудрецов». Ни философы античности, ни ученые новейшей истории не сумели убедить «правителей» произвести необходимые с их просвещенной точки зрения изменения в общественном укладе. Известно лишь одно исключение – это фашистская Германия. Хотя и об этом случае можно говорить лишь с натяжкой, поскольку целью нацистского переворота было, разумеется, не усовершенствование немецкой расы (хотя такие заявления имели место). Евгеническая тема просто была использована в качестве еще одного пропагандистского оправдания творимого беззакония. Но даже и в таком качестве она стала причиной гибели сотен тысяч реальных людей, что надолго отбило у «мудрецов» охоту к утопическим спекуляциям.

2.3. Генетические разработки и современное состояние евгенического дискурса

Попытка преодолеть противоречие двух господствовавших теорий развития живой природы – «умозрительного» дарвинизма и основанной на экспериментальных данных генетики в середине прошлого столетия разрешилась созданием так называемой синтетической теории эволюции (СТЭ), о которой Ю.А. Чайковский (не вполне в шутку) говорит, что в строгом смысле это не теория, не синтетическая и вовсе не эволюции.

Приведем здесь основные принципы СТЭ, чтобы читатель мог оценить их самостоятельно, поскольку место этого конструкта в современном мировоззрении довольно неопределенное. С одной стороны, это вроде бы последняя (новейшая) версия дарвинизма, официально признанная и призванная примирять между собой генетику и эволюцию. С другой стороны, уже стало понятно, что и в таком виде дарвинизм не является работающей теорией (по крайней мере, попытки построить математическую модель эволюции пока не увенчались успехом). А кроме того,

похоже, что вся современная система воспитания и образования (как школьного, так и вузовского) построена таким образом, что единственный выход для человека, не желающего быть причисленным к лагерю креационистов, – это принять теорию Дарвина. Добавим к этому, что, хотя СТЭ создавалась как теория науки, но в отличие от прочих теорий она практически не развивается и не функционирует как инструмент познания. Создается впечатление, что основной целью конструирования этой теории (помимо синтеза генетики и дарвинизма) было обозначить позицию, декларировать приверженность исследователей материализму: «мы де считаем, что жизнь способна возникнуть и развиваться на земле без божественного участия или вмешательства извне, и теоретически сможем это когда-нибудь доказать». Недоценивать значимость этой (чисто пропагандистской) функции СТЭ в современном мире было бы ошибкой, учитывая повсеместную активизацию креационизма. Популяризаторы идеи божественного творения опираются на различные теоретические просчеты, которые дарвинизм содержит во множестве. При этом объяснить не слишком образованному человеку ущербность креационизма невероятно сложно. Зато очень удобно ссылаться на существование осовремененной исправленной редакции теории эволюции, из которой удалены недостатки прежней, дарвиновской версии. А поскольку СТЭ, в отличие от трудов Ч. Дарвина, содержит много специальных терминов и требует от человека, осмеливающегося ее критиковать, серьезной профессиональной подготовки, то ее наличие создает впечатление, что науке есть что противопоставить креационизму.

Итак, принципы СТЭ (в современном виде, обогащенные данными популяционной генетики), выглядят следующим образом.

– Центральной проблемой эволюционной теории является каузальное объяснение возникновения различных адаптаций.

– Возникновение адаптаций тесно связано с дифференциацией популяций внутри вида (это механизм образования новых видов).

– Все изменения происходят под влиянием факторов, которые действуют до сих пор и, поэтому, могут быть непосредственно изучены.

– Два фактора эволюции играют решающую роль: мутации и естественный отбор.

Мутации способствуют только увеличению разнородности популяции, следовательно, не играют *ведущей* роли в эволюции: среда определяет характер и направление естественного отбора.

Перечисленные принципы по замыслу авторов должны снимать противоречие между дарвинизмом и генетикой. Они представляют развитие живой природы как результат совместного действия мутаций и естественного отбора, а мутациогенез объявляется тем механизмом, который на микроуровне обеспечивает возможность макроэволюции. Ю.В. Чайковский, однако, комментируя эту попытку приспособить дарвинизм к потребностям современной биологии, утверждает, что «если знать историю, то легко видна логическая дыра: мутацию (т. е. стойкое скачкообразное изменение наследственности) в кругу Дарвина не раз обсуждали, но никому тогда в голову не приходило сказать, что один вопрос снимает остальные, – эти люди слишком хорошо знали биологию»¹⁰⁴. Иными словами, современники Дарвина считали, что присоединения мутационизма (о котором они были хорошо осведомлены) к дарвинизму недостаточно для натуралистического объяснения эволюции. Примеров фактической замены одного признака на другой, чем-то более выгодный, известно очень немного. Но дело даже не в их количестве, пишет Ю.В. Чайковский, а в том, что ни один из них не может считаться подтверждением естественного отбора: все они либо «спорты» (изменение в одну мутацию), либо результат применения искусственного отбора. Мутации – слишком редкое явление в природе, положительные мутации – вообще не известны. Если ждать, пока посредством мутаций сформируется признак, дающий преимущество в борьбе за существование, на эволюцию жизни на земле потребуется время, значительно превышающее время жизни солнца. Все это говорит о том, что присовокупление данных генетики к дарвинизму нельзя считать адекватным способом превращения этой «умозрительной теории» в точную науку, на что так рассчитывали авторы СТЭ.

Недостаточная для эволюции «производительность» мутациогенеза фактически разрушает видообразовательный механизм, заложенный в СТЭ. Как и классический дарвинизм, СТЭ является по сути теорией отбора и адаптации (это отображено в ее принципах), а не видообразования, поскольку не в состоянии объяснить, откуда

¹⁰⁴ Чайковский Ю.В. Эволюция. С. 115.

же берется все то новое, что впоследствии адаптируется под давлением естественного отбора. Обогащение дарвинизма данными современной генетики никак не способствовало разрешению изначальных проблем дарвинизма. Этого и не могло случиться, поскольку генетика работала и продолжает работать на совершенно другом уровне – на уровне микроэволюции. Тогда как теория Дарвина описывает эволюцию *видов*, т. е. макроэволюцию. Интуитивное убеждение в том, что одно вытекает из другого естественным образом, просто наука еще не обнаружила всех существующих взаимосвязей, до сих пор ничем не подтверждено. Пропасть между микро- и макроуровнями только расширяется по мере углубления генетических разработок. То есть, вопреки ожиданиям авторов СТЭ, успехи современной генетики не способствуют упрочению доказательной базы дарвиновской теории.

Присовокупим к этому «исторический» момент, на который указывают многие исследователи творчества великого натуралиста: будучи выпускником богословского факультета, Дарвин фактически построил систему «естественного богословия», в которой роль создателя новых видов должен был бы исполнять в буквальном смысле Создатель. Но в соответствии с требованиями времени он был представлен в виде естественного закона, завуалирован. И без этой ключевой фигуры дарвиновский эволюционный механизм работать не в состоянии. Представление о том, что борьба за существование и адаптация способны самостоятельно выполнять функцию Творца – не выдерживает критики. Вероятно, именно отсутствие этой ключевой фигуры и имел в виду Мендель, когда писал, что дарвиновскому механизму эволюции чего-то не хватает. А не хватало ему, ни много ни мало, – ядра, источника, из которого естественный отбор мог бы черпать новые формы. И это, как представляется, недвусмысленно указывает, что надеяться на то, что со временем удастся довести дарвинизм до совершенства, не имеет смысла. Слишком глубоко расположены его «слабые точки», так что косметическая коррекция не поможет преобразовать его в работающий механизм. Настало время смены базовой теории естественного биологического развития, смены парадигмы. Причем, по мнению некоторых историков науки, время это пришло уже давно. Тем не менее для большинства наших современников (в их числе и профессиональные биологи), дарвинизм остается той самой

теорией, которая описывает происхождение видов. В сохранении такого положения повинны существующие учебники и программы, которые сегодня оказались очень далеки от «переднего края науки». Вот что пишет по поводу этого отставания В.И. Назаров: «Проникновение нового естественнонаучного знания в образовательные программы обычно происходит замедленно, и это вполне объяснимо. Но чтобы отставание составило целую эпоху – явление в мировой науке очень редкое. Один из немногих тому примеров, а может даже единственный – теория биологической эволюции, которую все еще преподают на уровне дарвинизма образца 1930–1940-х гг. Живучесть последнего связана с консервативностью профессорско-преподавательского сообщества и с тем, что эволюционная теория напрямую затрагивает наше мировоззрение»¹⁰⁵. Заметим мимоходом, что в области эволюционной биологии, которая выставляет человека венцом творения и, таким образом, способствует утверждению антропоцентризма, отставание не просто нежелательно, но даже опасно, учитывая, что именно антропоцентризм ответственен за содержание экологических установок. Из неверных исходных принципов, в свою очередь, вытекает и ошибочная экологическая политика, с ее дорогостоящими и неэффективными проектами.

Из всех «недарвиновских» теорий наиболее перспективной, по мнению В.И. Назарова, является экосистемная теория эволюции. Ее основное отличие от дарвинизма состоит в том, что за единицу эволюции здесь берется не отдельный вид, в напряженной борьбе за существование отвоевывающий себе место под солнцем, но целые экосистемы. Данные палеонтологии хорошо согласуются с таким видением эволюционного процесса, представляя историю жизни на земле как череду сменяющих друг друга экосистем: бактериальные маты, гигантские насекомые, динозавры, теплокровные и т. д. Эту схему можно детализировать, но неизменно сохраняется динамическая взаимосвязь всего со всем на каждом из этапов, и гибель одних видов и расцвет других влечет за собой дальнейшие изменения флоры и фауны. Какой бы исторический этап эволюции мы ни рассматривали, это всегда целостная система в динамике – экосистема.

¹⁰⁵ Назаров В.И. Экосистемная теория эволюции вместо синтетической // Идея эволюции в биологии и культуре. М., 2011. С. 100.

Необходимо сказать, что экосистемная теория эволюции не принимается единогласно, притом, что по признанию многих биологов, она гораздо лучше, чем дарвинизм, соответствует наблюдаемым фактам. Объективности ради следует заметить, что она не является теорией в куновском смысле. Это, скорее, набросок общей картины, описывающей последовательную смену экосистем в истории земли. Каркас, который еще только предстоит заполнить конкретными блоками и штукатуркой. Экосистемная теория по-своему очень красива, но не благодаря тому, что полно описывает метаморфозы флоры и фауны в процессе смены экосистем. Непосредственно механизм, движущая сила эволюционного процесса представлены здесь даже более туманно, чем в теории Дарвина. Но на интуитивном уровне картина эволюции в экосистемной модели выглядит более привлекательно, лучше соответствует «здравому смыслу», а это, как уже говорилось, является немаловажным фактором при включении теории в картину мира. Однако сегодня подавляющее большинство эволюционистов остается на позициях дарвинизма в надежде, что путем модернизации, уточнения и синтеза с генетикой со временем удастся лучше приспособить его к известной эмпирии (словно опыта СТЭ оказалось недостаточно, чтобы доказать бесплодность таких попыток).

Борьба отдельных особей или даже целых видов за существование – это всегда частность, а не цель эволюции. Если, конечно, мы не имеем в виду воцарение какого-то определенного вида (например, *homo sapiens*). В такой перспективе естественная история должна выглядеть иначе, более по-дарвиновски, ибо дарвинизм не предполагает продолжения эволюции после объявления человека венцом творения. В отличие от экосистемной теории, которая позволяет рассматривать современное состояние биосферы лишь как один из многих этапов эволюции, который не может длиться вечно (как бы ни старалось человечество отсрочить свой уход со сцены), и на смену которому придут другие. В этой перспективе довольно беспомощными выглядят усилия традиционных экологов, направленные на сохранение существующей ситуации. Предотвратить гибель человечества, не меняя (существенным образом) привычного образа жизни и не снижая уровня потребления, все равно не удастся. В этой связи хочется заметить, что как бы фантастически ни выглядели теории трансгуманизма, какими бы шокирующими

ни казались их декларации носителям традиционных гуманистических представлений, но, пожалуй, сегодня они являются достаточно радикальными, чтобы предоставить выход из сложившейся экологической ситуации и продлить сроки пребывания человечества на земле.

Д.И. Дубровский, один из самых активных пропагандистов идей трансгуманизма, утверждает, что «как показывают многочисленные данные специальных исследований и математические модели, уже к середине века земная цивилизация должна вступить в фазу полифуркации, подойти к рубежу сингулярности, за которым либо деградация и гибель, либо выход на качественно новый этап развития. Как ни странно, на первый взгляд, это судьбоносное обстоятельство вытесняется из сознания мировой политической элиты и из массового научного сознания. У философов судьбоносная проблема середины века тоже пока на далеком втором плане. Некоторые философы ее как бы “не замечают” и даже прямо отрицают, несмотря на столь очевидное неуклонное углубление глобальных проблем и антропологического кризиса. Другие обрушивают гнев на современные технологии, видя в них только зло, одни беды... Вместо серьезного обсуждения трудных проблем – большей частью эмоции и философическая истерика»¹⁰⁶. Трансгуманисты не просто допускают различного рода манипуляции с «человеческой природой», причем гораздо более «революционные», чем мечтались егенистам классического периода (вплоть до перенесения сознания на искусственные носители), но даже считают их единственной надеждой человечества на выживание в суровом будущем. И надо сказать, что ответ Д.И. Дубровского на критику со стороны традиционных гуманистов, считающих, что все следует оставить как есть и ни в коем случае не вторгаться на священную территорию «сущности человека», представляются вполне осмысленным: «Главные критические доводы против трансгуманизма связаны с тем, что он якобы перечеркивает гуманизм, основные человеческие ценности, т. к. уже сам термин “транс” указывает на выход за пределы гуманизма, на его преодоление. Аналогично обстоит дело с “постчеловеком”, который мыслится как результат трансгуманистических преобразований и, значит, перестает быть уже собственно человеком. На это, однако, имеются весомые воз-

¹⁰⁶ Наука. Техника. Человек. Материалы «круглого стола». С. 12.

ражения. Во-первых, надо уточнить ту систему ценностей, которая связывается с понятием гуманизма. В ней собраны и слабо упорядочены многие ценности разного порядка и значения – от десяти заповедей до пресловутой политкорректности и прав однополрой семьи. Понятно, что при сопоставлении гуманизма и трансгуманизма речь должна идти о фундаментальных ценностях: любви, истине, свободе, справедливости, творчестве, красоте и т. п. Вполне мыслимо сохранение этих ценностей и обогащение их новыми экзистенциальными смыслами»¹⁰⁷. И действительно, основная проблема гуманизма сегодня, как и века назад, сводится к невозможности определить сущность человека, сказать, что является человеком, а что нет. С этой точки зрения, как показал Д.И. Дубровский, критика трансгуманизма неосновательна. Приверженцы гуманистических представлений должны определить для себя, до какой степени «протезирования» может дойти человек, оставаясь при этом человеком, сохраняя не только самоидентичность, но и видовую идентичность. Человек с зубными протезами – это человек? А в инвалидной коляске? А с чипом эйдетической памяти, встроенной в мозг? Все это – проблемы гуманизма, а не трансгуманизма, и перекладывать на него задачу, с которой не справился гуманизм, а также навешивать ярлык «антигуманизма» следует только после того, как будут упорядочены представления о сущности человека.

Сказанное, однако, не следует рассматривать как безоговорочное одобрение идей трансгуманизма. Многие «ожидания» сторонников этой теории выглядят необоснованно оптимистичными. Так, например, Д.И. Дубровский, убедительно описывая новые технические возможности, даруемые человечеству научно-техническим прогрессом, одновременно очень неясно говорит о том, откуда должно произойти интеллектуальное и нравственное усовершенствование человечества. Не понятно, как это должно сформироваться, даже если реально удастся перестроить социальную структуру, а человеческий интеллект будет пересажен на более совершенный материальный носитель. Похоже, что в этом вопросе Давид Израилевич солидарен с евгенистами донаучного периода, полагавшими, что телесное здоровье и социальное благополучие сами по себе приведут к улучшению нравов. «Весь исторический опыт од-

¹⁰⁷ Наука. Техника. Человек. Материалы «круглого стола». С. 13.

нозначно свидетельствует, – утверждает Д.И. Дубровский, – что нельзя качественно изменить к лучшему социум, о чем всегда мечтали прогрессивные умы, не изменяя качественно самого человека. В этом состоит главная идея трансгуманизма. Речь идет, прежде всего, об изменении таких стойких негативных свойств природы человека, как ненасытное потребительство, агрессивность, чрезмерное эгоистическое своеволие, которые воспроизводятся во все века у всех народов, при всех государственных устройствах. Разумеется, этот процесс мыслится в единстве с изменениями телесности человека и его среды, т. е. как процесс *коэволюции сознания, телесности и среды* (он уже идет в нарастающем темпе)¹⁰⁸. И все же, представляется, что здесь мы, скорее, имеем дело с логическим кругом, чем с коэволюцией.

Заметим, что даже классическая евгеника не бралась за столь сложные задачи, как ликвидация «ненасытного потребительства», поскольку подобные качества личности поддаются алгоритмизации еще хуже, чем тривиальные агрессивность или альтруизм. Это значит, что «научно» исследовать законы наследования этих качеств мы сможем еще очень нескоро, а между тем, по оценке Д.И. Дубровского, времени у нас осталось немного – до 2045 г., после чего человечество достигнет точки «полифуркации» и всякие прогнозы утратят смысл. Многие современные исследователи отлично видят этот изъян в планах трансгуманизма и, как кажется, именно здесь кроются причины, по которым его идеи отвергаются столь многими. Не потому, что «кризис середины века», это «судьбоносное обстоятельство вытесняется из сознания мировой политической элиты и из массового научного сознания» (Д.И. Дубровский), а потому, что предостережения трансгуманизма неотличимы от всех предыдущих пророчеств о конце света (вспомним недавнюю историю с календарем майя). И точно так же не содержат приемлемых с точки зрения здравого смысла рецептов по устранению кризиса. Научно-технический прогресс – это, конечно, наша основная надежда на выживание в предстоящих катаклизмах. И до известной степени он определяет наши «человеческие качества». Но целенаправленно формировать человеческую личность с нужными обществу моральными и интеллектуальными характеристиками он не в состоянии (хотя евгенисты классического периода,

¹⁰⁸ Наука. Техника. Человек. Материалы «круглого стола». С. 12.

рассуждая о селекции человека, имели в виду и эту перспективу). Очень хорошо по этому поводу высказалась Е.О. Труфанова, выступая на уже упомянутом «круглом столе»: «Я не вижу смысла критиковать научно-технический прогресс за то, что он противостоит “природе”, поскольку НТП служит продлению человеческой жизни, помогает побеждать многие болезни, способствуя, таким образом, более полному раскрытию человеческого потенциала. В этом смысле генетическая коррекция человека при рождении (или даже на более ранних этапах) не представляется мне чем-то преступным при условии, что она позволяет создать оптимальный “материал” для возникновения человека (избавить его от генетических заболеваний, дефектов развития и т. д., т. е. создать “идеального” с природной точки зрения человека). Однако то, что воспитывается на основе этого материала – именно это должно представлять наибольший интерес. Я полагаю, что человек не совершенствуется с точки зрения его морали, интеллекта или прочих личностных качеств; совершенствуются лишь нормы человеческого общежития. Это происходит не потому, что идет эволюция нравственной или интеллектуальной природы человека, а потому что а) изменяются материальные условия жизни людей (например, изменяется структура питания, что может оказывать существенное влияние на индивидуальное развитие; б) вырабатываются наиболее оптимальные формы взаимодействия людей в обществе (то есть, например, отмена рабства возникает вовсе не от того, что люди внезапно стали лучше, а от того, что рабство как норма социальных отношений перестала являться эффективной на данном этапе развития общества). Появление постчеловека с его усовершенствованной природой, однако, не приведет, как мне кажется, к усовершенствованию социальных норм, оно приведет к расколу – на тех, кто может позволить себе “усовершенствования”, и на тех, кто не может этого сделать, поскольку очевидно, что любая технология требует затрат»¹⁰⁹.

Этот последний аргумент (о дороговизне евгенических репараций, основанных на передовых биотехнологиях) обсуждает, в частности, Ф. Фукуяма на страницах своей замечательной книги «Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции». Автор анализирует процесс расслоения совре-

¹⁰⁹ Наука. Техника. Человек. Материалы «круглого стола». С. 29.

менного общества на условные «север» и «юг», в результате которого по одну сторону демаркационной линии концентрируется более бедное, более молодое, плодовитое и агрессивное население, а по другую – более богатое, более образованное, более «возрастное», пассивное и не слишком плодовитое. Таково положение на сегодняшний день, и очевидно, что рано или поздно это противостояние должно разрешиться тем или иным образом. Избежать кровопролитного конфликта можно было бы, осуществив какое-то беспрецедентное биотехнологическое вмешательство, например, генетическим путем снизить рождаемость и/или агрессивность беднейших представителей человечества (давняя мечта евгенистов). Однако основным препятствием на этом пути является не только неосуществимость (фантастичность) данной меры при нынешнем уровне развития генетики, но и недоступность биомедицинских технологий для представителей беднейших слоев. «Технология генетического усовершенствования будет, вероятно, дорогой и несколько рискованной, но даже если она окажется относительно дешевой и безопасной, люди бедные и недостаточно образованные все равно не смогут воспользоваться ее благами»¹¹⁰. А ведь именно они более всего нуждаются в генетической коррекции, по крайней мере так полагают те исследователи, которые считают «генетическую лотерею» несправедливой, являющейся основой изначального неравенства людей, определяющего различие стартовых возможностей. Такого рода рассуждения, уместность которых невозможно отрицать, показывают, сколько подводных камней скрывает евгеническая установка на переделку человечества в соответствии с велениями разума и справедливости. На фоне этих препон трудности технологического плана попросту теряются.

Изменения, запланированные для человека на ближайшие тридцать лет трансгуманистами, предполагаются весьма масштабными и имплицитно включают в себя фантастическое развитие генетики, биотехнологий, кибернетики, всевозможных когнитивных исследований и многого другого. Причем, поскольку эксперименты на животных в нашем случае будут малоинформативны, очевидно, что ради науки придется пересмотреть многие из действующих сегодня запретов. В этой связи возникают множественные

¹¹⁰ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции. М., 2004. С. 226.

угрозы, которые несложно предвидеть. Как пишет по этому поводу В.А. Лекторский, «в середине прошлого столетия некоторые ученые высказывали мнение о том, что или наука XXI в. будет наукой о человеке, или же человека не будет вообще. Кажется, что сегодня это пророчество сбывается: естественные науки все больше начинают исследовать человека... Можно даже утверждать, что науки о человеке – это передний край развития науки в целом. Успехи в этом отношении впечатляющи. Много сделано для изучения генома человека, интенсивно идет исследование мозга. В США на “науки о мозге” (brain sciences) выделяется средств больше, чем на физические науки. Появляются возможности “редактировать” генные карты человека, влиять на его когнитивные процессы. Но вот тут и обнаруживается то, чего раньше не предполагалось. Оказывается, что человек (по крайней мере в том виде, в котором он до сих пор существовал) может исчезнуть не потому, что не развивались науки о человеке, а как раз в результате этого развития, а точнее – в результате такого использования результатов этих наук»¹¹¹.

В начале главы мы говорили о давней мечте человечества о том, чтобы жизнью общества руководили мудрые люди – философы и ученые. В современной редакции эта проблема формулируется как проблема взаимоотношений науки и власти. И теперь, после того, как было в общих чертах представлено развитие евгенической идеи, можно смело утверждать, что самой большой удачей в истории человечества было нежелание власти прислушиваться к рекомендациям мудрецов. Страшно представить себе, какова была бы сегодня наша жизнь, если бы всякий раз, как философ или ученый прозрят «истину», правители принимались бы перекраивать тело и сознание своих граждан. Мужественные воины Платона, добродетельные граждане Аристотеля, набожные жители Города Солнца, даже «всесторонне развитый» **homo creator** Н.К Кольцова – все это не те персонажи, которые сегодня представляют для нас ценность и они вряд ли окажутся востребованными в будущем. В.А. Лекторский объясняет отсутствие немедленной реакции представителей властных структур на открытия в науке различием стиля мышления, присущего ученым и политикам, которые мыслят принципиально по-разному. «Ученый пытается что-то понять, строит теорию. Он пытается эту теорию обосновать с помощью

¹¹¹ Наука. Техника. Человек. Материалы «круглого стола». С. 8–9.

рациональных аргументов и с помощью эмпирических данных. При этом он исходит из того, что его теория открыта для критики, что она в худшем случае может быть опровергнута, а в лучшем – принята, но впоследствии скорректирована, уточнена и т. д. ...**П**олитик не может так мыслить. Он принимает решение, за которое несет ответственность. И он не может без конца колебаться. Он может (и даже должен) обсуждать возможные последствия принятия того или иного решения, учитывать мнения экспертов, но когда решение принято, политик должен выполнять его и нести всю ответственность за возможные последствия. Поэтому ученый или эксперт не могут заменить политика. И поэтому политик часто не может понять ученого»¹¹². Таким образом, зачастую то, что выглядит как проявление косности властных структур, является в действительности проявлением ответственности. Б.И. Пружинин еще более определенно высказался по поводу извечной мечты «мудрецов» управлять политикой «государей»: «Власть не для философов и ученых. Ученые, попав во власть, становятся технократами, а философы, попав во власть, как правило, попытаются внедрить некоторую идеальную модель общества»¹¹³, а из этого, как показывает история, никогда ничего хорошего не выходит.

Позиция Д.И. Дубровского – это позиция ученого, который считает, что «политика» (в широком смысле слова) должна использовать данные, добытые для человечества наукой на благо этого самого человечества. И хотя словосочетаний типа «указать государству путь к воплощению общественного идеала» в его концепции нет, но, по сути, она мало чем отличается от установки Н.К. Кольцова и прочих его современников, и это дает нам право рассматривать трансгуманизм в едином блоке с идеями членов Русского евгенического общества и других евгенистов. То, что производят адепты трансгуманизма, это очередная утопия, практически неотличимая от классических образцов. Кстати, признание «генетической» связи с этими образцами присутствует в высказываниях самого Давида Израилевича, опирающегося в своей аргументации на «весь исторический опыт».

Научное любопытство – один из самых сильных стимулов, нуждающийся в неприменном удовлетворении (как и всякое другое любопытство), и оно нередко толкает ученых к совершению необра-

¹¹² Наука. Техника. Человек. Материалы «круглого стола». С. 46.

¹¹³ Там же. С. 21.

тимых действий. Учитывая возможности современной науки, легко вообразить себе, какими могут быть последствия даже небольшого теоретического просчета, допущенного слишком любопытным и недостаточно терпеливым ученым. Если посмотреть на историю науки, то легко заметить, что незыблемых истин в ней не так уж много. Тело ее по большей части состоит из отвергнутых или серьезно переработанных теорий и концепций. Тем не менее в каждый данный момент ученый исходит из допущения, что обладает истинным знанием, и, основываясь на этом, строит свои прогнозы и стратегию дальнейших исследований. Но, как отмечает В.А. Лекторский, существуют сферы человеческой жизни, где такая стратегия не работает: «Естествознание исторически исходило из того, что если процесс познан, то можно предсказать его течение, а значит, можно управлять им, контролировать его... Между тем, есть такие процессы, которыми управлять нельзя, потому что в принципе нельзя точно предсказать их ход. Такие процессы, как это сегодня стало ясно, есть и в природе. Что же касается человека, то такие его определяющие особенности, как творчество, диалог, любовь, свободные поступки (на которых покоится нравственность) не могут управляться, ибо не могут контролироваться и прогнозироваться извне»¹¹⁴. Другими словами, все, что касается собственно человека, прогнозированию не поддается. Так можно ли вообще думать о том, чтобы усовершенствовать что-то в человеке или общественном укладе, если любое изменение может обернуться катастрофой? Как планировать социальную политику государства, зная, что всегда есть риск получить не тот результат, который предсказывали социологи?

Так выглядит позиция вечно колеблющегося (добросовестного) «политика», основная забота которого связана с желанием не навредить человечеству, не сделать еще хуже, чем есть сейчас. Не совершать необратимых действий. Но ведь существует и противоположный взгляд на ситуацию, который сегодня лучше всего выражается адептами трансгуманизма. Их позицию можно свести к вопросу, имеем ли мы право сохранять бездействие перед лицом надвигающихся глобальных изменений в окружающем мире?

Учитывая приведенные соображения, вернемся к основному вопросу настоящего исследования: какое влияние оказывают научные открытия на государственную политику народонаселения?

¹¹⁴ Наука. Техника. Человек. Материалы «круглого стола». С. 9.

Как показывает история евгенической идеи – никакого. Ни Платон с Аристотелем (признанные обладатели мудрости), ни Т. Мор (лорд-канцлер Англии) и Кампанелла, ни Ф. Гальтон и Н.К. Кольцов (авторитетнейшие ученые своего времени) – никто из них не стал «консультантом» властных структур в вопросах демографии, притом что во все времена правители искали толковых советчиков. Сколь бы велико ни было влияние дарвинизма, его уверения в необходимости искусственного отбора в обществе не произвели перемен в политике народонаселения, за исключением отдельных кампаний по принудительной стерилизации и эвтаназии неполноценных, которые впоследствии были осуждены. Аналогичным образом обстоит дело и с экосистемной теорией эволюции: сколько бы критики ни прозвучало в адрес экологического неблагополучия, это никак не отражается на потоках государственного финансирования.

Сегодня, когда евгеническая проблематика возрождается под самыми разными обликами (либеральная евгеника, генетика человека, трансгуманизм и пр.), по-прежнему нет никаких признаков того, что власть имущие начали прислушиваться к призывам ученых и философов. И это имеет, как уже было сказано выше, и свои отрицательные, и свои положительные стороны.

ГЛАВА 3

УТОПИЗМ В СИСТЕМЕ СОЦИОПРИРОДНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МИРЕ

3.1. Экологическая ситуация и идея ноосферы

Сегодня перед нами стоит важный и трудный вопрос: как выжить в условиях, когда перед человечеством всей планеты грозно нависают кризисы: демографический, антропологический, экологический? В мировое общественное сознание медленно, но неотвратно входит понимание неизбежности экологической катастрофы. Ученые предупреждают нас о наступлении парникового эффекта, о смертоносности озоновых дыр и, наконец, о том, что при нынешнем темпе развития технологической цивилизации существование человека может быть исчислено лишь немногими десятками лет.

Многие тысячелетия люди не знали этой проблемы. Забота о природе не волновала их. Они считали себя господами природы, с правом произвольного распоряжения ею. Еще в начале XX в. К.Э. Циолковский, отражая настроения своей эпохи, писал о необходимости полной переделки природы и высказывал мысль, что для построения гармоничного общества будущего человек должен уничтожить и животных и растения, заменить их на искусственные, созданные разумом человека. Так что еще совсем недавно мировая общественность стремилась сделать из природы покорного исполнителя своих грандиозных планов по изменению мира, не подозревая, с каким могучим противником она столкнется. Если просмотреть литературу, посвященную этому вопросу, то можно прийти в удивление от проектов, в которых игнорировалась сущность самой природы, с ее непреложными законами и уверенность

в успешности произвольных манипуляций с ней. Такой подход П.П. Гайденко назвала «онтологическим нигилизмом»¹¹⁵. И только в последней четверти прошлого столетия угроза экологического кризиса встала во весь рост и была воспринята общественностью. Оказалось, что человечество находится не только в критической, но и катастрофической ситуации. Антропогенные воздействия на окружающую среду, которые не должны превышать определенного предела, были превышены уже на рубеже XIX–XX вв. и с тех пор наша планета находится в состоянии непрерывно углубляющегося экологического кризиса. Сегодня нарастающая деградация окружающей среды: истощение озонового слоя, изменение климата, потеря биоразнообразия, активизация процессов опустынивания и обезлесения постоянно сопровождают технологические достижения науки и промышленности. Это означает, что человечество перешло пределы роста и находится вне области устойчивости. Пришло понимание того, что дело не только в истреблении видов животных, вырубке лесов и в нарастающем загрязнении мирового океана, а в нарушении стабильности глобальных биосферных циклов и биоценозов планеты. Была осознана реальность нарастающей деструкции биосферы, как целостной системы.

Осознание этой ситуации активизировало экологическую мысль. После Стокгольмской конференции (1972) в мире произошел огромный сдвиг в создании инфраструктуры по охране окружающей среды. Были созданы консультативные органы: межправительственная комиссия по изменению климата и неправительственная программа «Глобальных изменений». Развиваются мощные национальные программы по глобальной экологической политике в большинстве стран. Создана государственная программа «глобальные изменения природной среды и климата» и в России. Экологические общества под эгидой ООН выпускают манифесты и декларации, проводят дискуссии о правах природы, публикуют широковещательные заявления лидеров ведущих стран мира о необходимости уменьшения деструктивной деятельности человека.

И, тем не менее, экологическая общественность вынуждена констатировать, что несмотря на активную, целенаправленную деятельность экологов (с алармистскими заявлениями и призы-

¹¹⁵ Гайденко П.П. Нравственная природа человека в европейской традиции XIX–XX вв. // Этическая мысль. М., 2000. С. 88–106.

вами), глобальная экологическая ситуация на Земле только ухудшилась. Стало ясно, что, вопреки совершенствованию технологий и расширению знаний по природоохранной политике, потоки загрязнений не уменьшаются. По мнению академика Г.А. Заварзина, наша биосфера превращается не в ноосферу, а в антропогенную техносферу¹¹⁶. Такова ситуация, из которой явствует, что главной причиной наступающей трагедии является сам человек.

Проблема взаимодействия человека и природы исследуется многими авторами с разных сторон. Философия дает нам впечатляющие примеры различных подходов к ее решению. Но наиболее распространенными являются концепции «моделей устойчивого развития». Это направление совмещается с представлениями о «ноосферном» пути развития, который разрабатывал В.И. Вернадский.

Мировоззрение Вернадского складывалось под воздействием общего гуманистического настроя, когда благо человечества и создание справедливого общества стояло на первом месте во всех мыслях и действиях человека той далекой эпохи. Вернадский был сыном этой эпохи. Он впитал основные идеи, витавшие в ее духовном пространстве. В картине мира, которая составляла основу его внутренних убеждений, получили свое воплощение идеи прогресса, вера в силу человеческого разума и науку, а также вера в возможность переделки человека и создания идеального общества будущего. Они послужили импульсом создания учения о ноосфере.

Ноосферой – сферой разума – В.И. Вернадский называл биосферу, преобразованную разумной деятельностью человека.

Разум (по Вернадскому) – высшая стадия разумной и целесообразной природоустраивающей силы. Он должен совершенствовать сферу своего обитания по законам эволюции, превращая биосферу в ноосферу. Ф.Т. Яншина разъясняет: «Это такая стадия эволюции биосферы земли, на которой в результате победы коллективного человеческого разума начнет согласованно развиваться и сам человек как личность, и объединенное человеческое общество, и целесообразно построенная людьми окружающая природная среда»¹¹⁷.

¹¹⁶ Заварзин Г.А. Лекции по природоведческой микробиологии. М., 2003; Индивидуализм и системный анализ – два подхода к эволюции // Природа. 1999. № 1. С. 26–34.

¹¹⁷ Яншина Ф.Т. Эволюция взглядов Вернадского на биосферу и развитие учения о ноосфере. М., 1996.

Что такое целесообразно преобразованная окружающая среда? Чтобы разобраться в этом стоит восстановить историю возникновения самого термина «ноосфера». Впервые этот термин стал использоваться французским ученым Э. Леруа (1927), ссылавшимся при этом на совпадение своих взглядов со взглядами П. Тейяра де Шардена. Идея состояла в том, что ноосфера – это некий этап эволюции Земли, когда возникает «человек разумный». Взгляды Тейяра де Шардена отличались от этой мысли Леруа тем, что возникновение разума имеет религиозный источник. Леруа вводит термин «ноосфера» в 1927 г., Вернадский пользуется им в 1930-е гг., но в массовое употребление он входит значительно позже, лишь в 1970-х гг., поскольку идею ноосферы составители не посчитали возможным отнести к его научным концепциям. Возрождение идеи произошло в 1970-е гг. в связи с активным общественным обсуждением грядущего экологического кризиса. При этом особенно важную роль сыграла первая международная конференция по окружающей среде и развитию (1972), а в 1992 г. появилась концепция «устойчивого развития», во многом повторяющая мысли Вернадского. Так произошло и возвращение к идее ноосферы. Под ноосферой стали понимать такое состояние природы и общества, в котором в результате деятельности человека устанавливается «устойчивое развитие».

Вернадский, как ученый, всегда остающийся в рамках науки, не поднимал проблему происхождения разума. Для него ясно лишь одно – человек произошел в ходе многоэтапного развития природы. Все существование биосферы, ее направленное и циклическое движение определяется у него жизнью и живым веществом. В ходе эволюции биосферы неизбежно возникает человек с его разумом. Случайности в этой эволюции нет – это категорическое убеждение Вернадского: развитие биосферы происходит закономерно. Человек с его разумом суть неизбежный итог эволюции. Сам смысл названия «ноосфера» отражает именно этот итог целенаправленной эволюции природы. И научно понять этот процесс мы пока не в состоянии. Вернадский пишет: «Совершенно очевидно, что существует определенное направление в палеонтологической эволюции организованных существ и что появление в биосфере разума, сознания, направляющей воли – этих основных проявлений

человека – не может быть случайным. Но для нас еще невозможно дать какое-нибудь объяснение этому явлению, т. е. нельзя логически связать его с современным научным построением мира»¹¹⁸.

Каково обоснование этих представлений? Оно дается Вернадским в его учении о биогеохимических принципах. Их изложением завершается его «книга жизни» Эти фундаментальные принципы рассматриваются как итог всего его учения о живом и как обоснование идеи ноосферы.

Первый биогеохимический принцип гласит: «биогенная миграция атомов химических элементов в биосфере всегда стремится к максимальному своему проявлению». Второй: «Эволюция видов в ходе геологического времени, приводящая к созданию форм жизни, устойчивых в биосфере, идет в направлении, увеличивающем биогенную миграцию атомов биосферы».

Первый принцип надо понимать так: каждому виду свойственна определенная предельная (максимальная) количественная характеристика его размножения, стремление к достижению которой является законом природы. Эта характеристика размножения есть показатель биогеохимической энергии, измеренной в форме биогенной миграции атомов. Живое вещество стремится к максимальному наступлению на косное, на среду. Его можно трактовать как принцип агрессии жизни, по отношению к биосфере. Закон природы состоит в стремлении видов к увеличению биогенного обмена или биогеохимической энергии. Но это ведет к нестабильности природы. Эволюция видов направлена в сторону усиления давления живого на окружающую среду. Получается, что наш мир обречен на экологическую катастрофу. Но нестабильность и кризисность мироздания противоречат его организованности. По Вернадскому, эти губительные следствия действия природных сил преодолеваются действием самих же природных сил. В природе заложен очень тонкий двойной механизм: ей присуща нестабильность и кризисность, но ей же присуща и способность преодолеть эту нестабильность и кризисность. Эта способность природы состоит в направленности эволюции на возникновение разума и науки. Разум заведомо благ, созидателен и охранителен, но не разрушителен. Сама природа

¹¹⁸ Вернадский В.И. Размышления натуралиста: в 2 кн. М., 1977.

без человека не в состоянии сохранить свою организованность, и поэтому для своего сохранения она создает человека с его разумом и наукой.

Второй биогеохимический принцип утверждает направленность эволюции. Эволюция протекает в сторону возникновения вида, который обладает наибольшей способностью к биогенной миграции, т. е. в сторону наиболее агрессивного вида. Таким видом является человек с его «человеческим разумом и трудом»¹¹⁹.

По Вернадскому, в системе природы существует «организованность», созданная живым веществом, и в этом же живом веществе, создающем организованность, содержится гибель всякой организованности. Как выйти из этого противоречия? Оно разрешается возникновением человека – носителя разума. Разум, в соответствии с мировоззрением Вернадского – это синоним спасения, сохранения, защиты, благоустройства, в общем – всего благого. Таким образом, идея ноосферы выдвигается как средство спасения от тенденций жизненной агрессивности. Для этого необходимо объединение человечества силой научной мысли, в которой наиболее полно проявляется роль разума.

Вернадский пишет: «Философская мысль оказалась бессильной создать связующее человечество духовное единство. Религиозная вера хотела создать его физическим насилием – не отступая от убийств, организованных в форме кровопролитных войн и массовых казней... и как раз в это время, к началу XX в., появилась в ясной реальной форме возможная для создания единства человечества сила – научная мысль... Это – сила геологического характера, подготовленная миллиардами лет истории жизни в биосфере. Она выявилась впервые в истории человечества в новой форме, с одной стороны, в форме логической обязательности и логической непререкаемости ее основных достижений и, во-вторых, в форме вселенскости, – охвате ею всей биосферы, всего человечества, – в создании новой стадии ее организованности – ноосферы. Научная мысль впервые выявляется как сила, создающая ноосферу, с характером стихийного процесса»¹²⁰. Так силой научной мысли мы переживаем новое геологическое эво-

¹¹⁹ Вернадский В.И. Автотрофность человечества // Русский космизм. М., 1993.

¹²⁰ Вернадский В.И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., 2001. С. 51.

люционное изменение биосферы. Вернадский исходил из целостного видения жизни, где действуют законы, единые для природы в целом. Совершенствуется и усложняется не только жизнь (принцип цефализации), но и человечество, которое, будучи частью биосферы, подчиняется этому всеобщему закону. Демократические преобразования, гуманизация общественных отношений – это, по Вернадскому, проявление того же всеобщего закона природы. Для своего сохранения природа создает человека с его разумом и человек выполняет это назначение.

Отсюда вытекает неодолимость возникновения ноосферы как закономерного этапа развития биосферы. А человеческий разум оказывается у Вернадского элементом организованности природы и одновременно ее спасителем. Он способен преобразовать не только природу, но и объединить человечество, создать идеальное общество, где осуществится гармония социальной деятельности человека и природы. Отсюда уверенность ученого в конечной победе разума и справедливости. «Сейчас мы переживаем новое геологическое эволюционное изменение биосферы. Мы входим в ноосферу... но для нас важен факт, что идеалы нашей демократии идут в унисон со стихийным геологическим процессом; с законами природы, которые отвечают ноосфере», – пишет Вернадский¹²¹.

Так человеческий разум оказывается элементом организованности природы. Он способен преобразовать не только природу, но и объединить человечество и создать идеальное общество – ноосферу, где осуществится гармония социальной деятельности человека и природы и исчезнет опасность экологического кризиса.

Здесь Вернадский незаметно для самого себя отходит от заявленной им позиции натуралиста и в фундамент своей концепции кладет представления отнюдь не научного, а, скорее, мировоззренческого характера. Его трактовка роли человека в создании ноосферы вырастает не на естественнонаучном понимании исследуемых объектов, а на совершенно определенной общепhilosophической позиции – онтологических представлениях об устройстве мироздания, вершиной которого оказывается идеальное общество.

Из всех возможных подходов к пониманию сущности человека Вернадский выбирал лишь один, а именно тот, который сформировался еще в эпоху Просвещения и Нового времени. Это человек

¹²¹ Вернадский В.И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. С. 288.

Гольбаха, Руссо и Вольтера, когда разум рассматривается как сила спасающая и созидающая. Эта сила дает возможность построения идеального общества – общества справедливости и добра. Такой подход к сознанию человека был широко распространен в общественном менталитете XIX–XX вв. и подхвачен современной экологической мыслью. Таким образом, мировоззренческим основанием столь модного сегодня ноосферогенеза, (включающего не только перестройку сознания человека, но и построение идеального общества – ноосферу) является многовековая традиция, ведущая свое начало из эпохи Просвещения. Так, на идее грядущего торжества разума и гуманности, якобы изначально присущих человеческой природе, Вернадский построил концепцию ноосферы.

Идеи ноосферного будущего человечества и влияния разума на биосферу приняли многие видные ученые, развивая и дополняя их. Академик А.П. Яншин, академик Н.Н. Моисеев, В.П. Казначеев, А.Д. Урсул, А.И. Субетто, Ф.Т. Яншина и др. В своих трудах они отталкивались от идей Вернадского, создавая собственные концепции на основании ноосферных представлений о мире.

Академик Н.Н. Моисеев разрабатывал концепцию будущего человечества исходя из учения о ноосфере. Он считал, что «обеспечение согласованности природной среды и общества может быть осуществлено только разумом и волей человека»¹²². В эпоху ноосферы коллективный разум человека будет управлять процессами самоорганизации биосферы. Он полагал, что перед человечеством стоит цель превращения биосферы и общества в единый организм для обеспечения гомеостаза человека и дальнейшего развития общества. Считал, что «дальнейшее развитие и благополучие вида хомо сапиенс требует точной согласованности характера эволюции человеческого общества, его производительных сил и развития природы. Для этого необходимо обеспечить коэволюцию человека и биосферы, нужно создать новые основы нравственности. Необходимо создать новую мораль. Это может быть осуществлено только разумом и волей человека.

По-иному рассматривается роль разума в концепции А.И. Субетто. Он считает ноосферу особым типом проявления человеческого разума, который несет биосферную и космическую функ-

¹²² Моисеев Н.Н. Человек во Вселенной и на Земле // Вопр. философии. 1990. № 6. С. 40–41.

цию, обеспечивая социоприродную гармонию на планете. Разуму, по мнению Субетто, противопоставит анти-разум, который выступает против собственного бытия и эволюции.

В.П. Казначеев считает, что законы естественноисторические и социально-исторические, находят в работах Вернадского выражение в виде универсальных законов развития органического мира нашей планеты и населяющего ее человечества. Он развивает идеи Вернадского о «геологической силе науки», о «научной мысли как планетарном явлении», о «космической вечности жизни».

А.Д. Урсул полагает, что формирование ноосферы, может реализоваться только через устойчивое развитие (УР). «УР как социоприродный феномен требует для своего эволюционно-безопасного продолжения вмешательства разума, который в ноосферной форме и продолжит магистральную линию универсальной истории Вселенной»¹²³. Причем понятие ноосферы рассматривается как конечная цель движения по пути устойчивого развития.

Мы видим, что экологическая мысль ученых занимает определенную позицию в отношении понимания человеческой природы. Анализ ноосферных моделей показывает, что все они построены на идее разумности человека и его гуманизме. Как мы отмечали выше, эта предпосылка составляет исходное основание многих экологических моделей. В работах, посвященных проблеме выхода из экологического кризиса, ориентация на разум и гуманность выступает в качестве постулата. Эта исходная установка не анализируется, а просто принимается как само собой разумеющееся понятие. Так, учение о ноосфере прочно вписалось в мировоззрение общества. Оно составляет часть наших представлений о мире и воспринимается как очевидность.

Сегодня сторонники ноосферной концепции продолжают выстраивать модели мира, в которых прогресс природы, порождая разум, силами самого разума приводит к созданию нового человечества. Делаются заявки на создание новой комплексной науки – ноосферизма, которая будет исследовать период сознательного управления человеком природными и социальными процессами, когда мериллом научного и индивидуального богатства станут духовные ценности. Организуются многочисленные конференции и

¹²³ Урсул А.Д., Урсул Т.А. Социоприродное развитие в универсальной истории // Земля и Вселенная. 2005. № 1.

симпозиумы, на которых обсуждается ноосферное будущее человечества. На обсуждение выносятся вопросы дальнейшего развития цивилизации, такие как «ноосферизм как система обеспечения социоприродной гармонии человека, в форме управляемой социоприродной эволюции» или «ноосферно-социалистическая глобализация человечества как альтернатива рыночно-капиталистической глобализации». Всерьез поставлен вопрос и об автотрофности человечества, как реализации этой утопии.

Само по себе сочетание понятий «автотрофность» и «человек» невозможно: человек, как известно, существо от природы гетеротрофное. Но обращение к идеям Вернадского позволяет предположить, что ноосферный человек станет автотрофным. Это означает, что человек сам будет синтезировать себе пищу, пользуясь непосредственно энергией солнца, по типу зеленых растений. В этом смысле он достигнет автотрофности и освобождает растительный мир от уничтожения. Произойдет невиданная революция природы, мир преобразится. Существующий порядок бытия, когда автотрофы и гетеротрофы связаны воедино естественным миропорядком, изменится: «Поставлен вопрос... о синтезе пищи для человека вне зависимости от окружающей живой природы. И когда человек эту задачу разрешит умственным процессом, в чем едва ли можно сомневаться, он превратится в автотрофный организм с социальным трудом»¹²⁴.

Последователи Вернадского подхватывают эту мысль: «Синтезируя пищу непосредственно от солнечной энергии, без посредников, человечество уподобится зеленым растениям. Появятся первые автотрофные животные в истории Земли, что приведет к неслыханному геологическому перевороту. К новой геологической эре в истории планеты... последствия... геологического переворота, связанного с автотрофностью, будут огромны», – пишет Вернадский. А биограф продолжает: «Это будет уже не человечество, а другое разумное существо»¹²⁵.

Но угроза экологической катастрофы все нарастает. Под воздействием печальных прогнозов отношение современной науки к наследию Вернадского начинает меняться. Сама популярность

¹²⁴ Вернадский В.И. Автотрофность человечества // Биогеохимические очерки. М., 1940. С. 249.

¹²⁵ Аксенов Г.П. В.И. Вернадский. М., 1994. С. 355.

ноосферного учения Вернадского, превращение его в «научную очевидность» сегодня вызывает опасение у ряда ученых, которые высказывают сомнения в реальности ноосферы. «Не является ли ноосфера красивым мифом?» – спрашивает А.Н. Чумаков. Он считает, что этот вопрос приобретает «особую остроту и актуальность, ибо нацеливает на критическое переосмысление общих мест, которые уже давно не ставятся под сомнение и воспринимаются как раз и навсегда доказанные»¹²⁶. Он подчеркивает, что на фоне популярности идеи ноосферы нарастет пессимизм и разочарование в ней.

Наиболее серьезная критика учения Вернадского содержится в работах крупнейшего микробиолога, академика Г.А. Заварзина, в которых отвергаются ноосферные представления Вернадского и доказывается (на основании анализа данных микробиологии) невозможность возникновения ноосферы.

Более того, утверждается, что в процессе исторического развития Земли возникнет отнюдь не ноосфера с ее разумом, а нечто совершенно противоположное. Происходит превращение биосферы в антропогенную экосистему. В качестве примера он приводит африканскую саванну с минимумом растительности и расставленными по ней термитниками, в которой термиты уничтожили все, включая гумус. По мнению Заварзина, примерно так же выглядит человечество с его городами. Происходит нарушение хода естественных процессов, исчезновение видов, возникновение новых, невозможных ранее процессов в результате антропогенных воздействий. Он ввел термин «какосфера» для обозначения области дисгармонического развития, созданной человеком и термин «какология», обозначающий область знания о законах какосферы¹²⁷.

Позиция Заварзина противоположна ноосферным представлениям Вернадского, который (как было отмечено выше) возвеличивал человеческий разум, придавая ему главенствующую роль в построении ноосферы, тогда как Заварзин писал о разрушительной функции человечества и необходимости защиты природы от человека.

Заварзин не одинок в критическом отношении к ноосферной концепции Вернадского. Известный философ Р.С. Карпинская, анализируя учение Вернадского, пришла к выводу, что широко

¹²⁶ Чумаков А.Н. Глобализация: контуры целостного мира. М., 2005. С. 315.

¹²⁷ Заварзин Г.А. Какосфера. Философия и публицистика. М., 2011.

распространенные положения этого ученого о ноосфере, которые сегодня приобрели статус фундамента научной картины мира, на деле оказываются недостаточно обоснованными. К ним относятся, прежде всего, само понятие ноосферы, а также представление об управляемой эволюции.

Она показала противоречие идей, порожденных Вернадским-гуманистом идеям Вернадского-натуралиста. Она считала, что такие популярные ныне идеи, как геологическая сила науки, планетарное мышление и ноосфера являются порождением Вернадского-гуманиста, а не натуралиста. Общий вывод, который делала Карпинская, гласит: смешение научных и мировоззренческих положений недопустимо. Оно ведет к незаметному переходу от науки к фантазии и, в конечном счете, порождает конфуз. По мнению Карпинской, сама концепция ноосферы является утопичной.

Действительно, анализ многочисленных ноосферных концепций показывает, что, при построении гипотез о ноосфере, мировоззренческая мысль опирается на желаемое, а не на действительное, на должное, а не на сущее (реальность), на представления о человеке, который не существует сегодня, но должен возникнуть в будущем. Это значит, что представления о ноосфере ориентированы не на реального, а на мифического человека

Тяжелое положение с осознанием экологической опасности усугубляется массовым внедрением в сознание общества фантастических идей об избавлении от наступающей катастрофы. Например, в представлениях современного русского религиозного космизма («активного христианства»), развивающего ноосферную концепцию Вернадского, процессы ноосферогенеза принимают всемирный (космический) характер – человечество принимает штурвал эволюции Вселенной и ведет ее по новому пути, прочерченному его разумом. Эти ослепительные перспективы помогают забыть гнетущую повседневность и уводят в безбрежность космоса, подвластного всемогущему человеку, который с помощью своего разума, опираясь на достижения науки, построит общество добра и справедливости. И тогда возникнет новая, совершенная вселенная, где все будет утопать в блаженстве (К.Э. Циолковский, С. Семенова и др.).

Эти представления убаюкивают нас. Опутанные мифологическими представлениями, мы оказываемся беспомощными перед грозной силой, надвигающейся на нашу цивилизацию. В трагической ситуации приближения экологической катастрофы человечество оказывается концептуально разоруженным.

Идея ноосферы получила широкое распространение. Чем печальнее общественное бытие, тем грандиознее мечты о будущем идеальном обществе. Чем сложнее становится мир, тем прекраснее и светлее он представляется в грезах о ноосфере. Чем злее и агрессивнее люди вокруг, тем ярче сияют в наших душах совершенные люди ноосферной эпохи. И даже сейчас, в преддверии экологической катастрофы и агрессивно наступающего зла, мы мечтаем о царстве разума, справедливости и добра.

При этом необходимо учитывать, что упомянутые концепции обращены не к современному человеку, а к человеку будущего. Человеку, который не существует сегодня, но, по мнению вопрошающего субъекта, должен возникнуть в процессе ноосферогенеза. Они опираются на иллюзорные, а не реальные данные. Значит, экологическая мысль ориентирована не на реального, а на мифологического человека. Это означает, что в основе стратегии спасения от экологической катастрофы лежит утопия.

3.2. Утопия в культуре и науке

Утопические проекты занимают огромное место в представлениях человечества: в его мировоззрении и культуре. Утопические проекты разнообразны, и каждый из них несет отпечаток своего времени; общим для них является то, что построение идеального общества достигается действиями самого человека. Он выступает как творец истории, как ее вершитель. По сравнению с религиозным сознанием, где исторические процессы не могут мыслиться вне божественного промысла, сознание утопическое изменяет онтологический статус человека в сторону гигантского преувеличения его роли в истории и во Вселенной. Оно творит кумира из суверенного человеческого разума.

Историческое развитие общества обрастает мифами, которые овладевают общественным сознанием. Это мифы о мире, человеке и его роли в мире, его судьбе и цели его существования, задачах его

бытия. Разные мифы в разное время овладевают общественным сознанием, захватывая человека. Они влияют на его поведение и поведение общественных групп. Можно проследить «путешествие» мифов во времени и пространстве и способы их подгонки под культурные идеалы разных эпох и народов – ценностные, экономические, мировоззренческие и даже научные.

А с другой стороны, интересно проследить созидание общественных идеалов утопиями и мифами, постепенно включающимися в мировоззрение общества. Например, путешествие коммунистического мифа в XIX в., которое широко распространилось по разным странам Европы и наконец достигло России.

Как правило, идея улучшения человека связана с ожиданием возникновения будущего идеального общества, представляющего собой конструкцию утопического сознания, которое создает не только представление об идеальном обществе будущего, но и содержит идею совершенного человека – жителя этого общества. Все проекты совершенного общества явно или неявно подразумевают и усовершенствование человека.

Утопичным является то сознание, которое не находится в соответствии с окружающим его «бытием», – писал исследователь утопизма К. Мангейм, – это сознание в переживании, мышлении и деятельности ориентируется на факторы, реально не содержащиеся в этом «бытии». Это ориентация, «чуждая действительности», не соответствующая данному бытию, трансцендентная по отношению к нему¹²⁸.

В основе утопического сознания лежит стремление к совершенству, к выходу за собственные пределы, к преодолению себя. Эти психологические особенности, составляющие сущностную характеристику человека, обозначаются как «тяга к иному» (к лучшему). «Здесьнее бытие влечется к иному, испытывает тягу к нему», – пишет С.С. Хоружий¹²⁹. Происходит расщепление реальности на сущее и должное, причем наличное бытие – собственная бытийная ситуация представляется всегда нежеланной, навязанной, ограничивающей человека в его стремлении к совершенству.

¹²⁸ Мангейм К. Идеология и Утопия // Утопия и утопическое мышление. М., 1991. С. 113.

¹²⁹ Хоружий С.С. Диптих безмолвия. М., 1991. С. 66.

Стремление к «иному» в некоторые эпохи мощно охватывает все сферы общественного сознания и сотрясает его. Во имя лучшего будущего совершаются революции. Этим будущим, «должным» оправдывается все. Вся жизнь как бы останавливается и прекращается для настоящего. Остается лишь великая жажда наступления будущего. И тогда революция воспринимается как новый мировой эон, в который «мы рьяно верили, за что отдавали свои и чужие жизни» (Ю. Трифонов). «Переделать все. Устроить так, чтобы все стало новым, чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой чистой, веселой и прекрасной жизнью», – писал А. Блок¹³⁰. В этих фразах отражено мироощущение людей революционной эпохи.

Это стремление, глубоко заложенное в природе человека, имеет религиозный характер. В богословской литературе оно расценивается как искра Божия в человеке и трактуется как психологическая основа религии. В.Н. Зеньковский писал: это «есть свет, который не может объять никакая тьма... Это есть сияние Божие, ...есть свет и правда, данная Господом каждой душе, приходящей в мир. В глубине человека живет сияние образа Божия, красота души»¹³¹.

В секуляризованном мышлении тяга к иному направляется на устройство идеального общества здесь на земле, в историческом времени и приобретает форму политического мессианизма. Основанием его является вера в осуществимость ДОБРА руками человека.

Утопия дает смысл человеческой деятельности. Без нее человек погружается в обыденность и животное проживание, когда высшая цель и высший смысл жизни утрачивается.

Утопия – это мечта, это надежда на лучшее, Это – любовь к правде. Это – призыв к Добру, к деятельности во имя Добра. В ней сосредоточены высшие ценности. Утопия – это то, что отличает людей от животных – это человеческое в человеке.

Известны многочисленные утопические проекты рационального преобразования общества силами самого человека, его разума, его науки. На протяжении всей истории развития мысли мы постоянно встречаемся с созданием утопических концепций и с активной деятельностью по воплощению их в жизнь.

¹³⁰ Блок А. Собр. соч.: 8 т. Т. 4. Л., 1982. С. 232.

¹³¹ Зеньковский В.В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. М., 1993. С. 41.

Мечта о достижении человеческими усилиями царства справедливости на Земле выливается в форму то Острова Утопии Т. Мора, то Города Солнца Кампанеллы, то в представления об утопическом обществе, живущем во дворцах с алюминиевыми колоннами (в снах Веры Павловны, героини Н.Г. Чернышевского). Утопические проекты разнообразны и каждый из них несет отпечаток своего времени, но общее в них – положение о том, что построение идеального общества достигается действиями самого человека. Он выступает как Творец Истории и Вершитель ее.

Проповедь идей спасения и преобразования мира, присуща как религиозному, так и утопическому мировоззрению, что указывает на их сходство (это дало основание С.Л. Франку рассматривать утопизм как христианскую ересь). Однако в утопических проектах спасение и построение совершенного мира мыслится вне божественной помощи, при отказе от самой идеи Божьего Промысла, и основана на гордой уверенности в титанических возможностях человека, способного самостоятельно осуществить такую глобальную перестройку. Эта перестройка остается в рамках материального мира, вне ориентации на мир трансцендентный.

История дает бесчисленные примеры бескорыстного служения утопическому идеалу. Робеспьер, Сен-Жюст, Демулен, Сен-Симон и огромное число якобинцев, жирондистов смело идущих на смерть за идею установления во Франции государства Добродетели. Рыцарственное и бескорыстное служение идее Всеобщего Блага само по себе прекрасно. Это служение иногда сопоставляется с красотой религиозного подвига святых, посвятивших свою жизнь людям. Таких как Амвросий Оптинский, Иоанн Кронштадский, мать Мария (погибшая в Освенциме), мать Тереза, отец Алексей Мечев и многие другие. Но религиозное служение проходит под знаком заботы о душе спасаемых, а служение Утопии протекает во имя земного счастья будущего человечества.

В России, начиная с эпохи декабристов, формировались утопические идеи политического мессианизма. В русском менталитете XIX–XX вв. они приняли форму теории прогресса, на вершине которого должно возникнуть идеальное общество будущего.

Прогресс, понимаемый как процесс телеологической эволюции, направленной к желаемой цели, придает смысл истории и смысл жизни каждой человеческой личности. К этой вере в про-

гресс присоединялась и вера в человечество, которое своеобразным образом обожествлялось. Гуманистической целью этой «религии» являлось достижение всеобщего счастья.

Теорию прогресса С. Булгаков переименовал в «религию прогресса», считая, что она, как и всякая религия, обеспечивает человеку активный выход за пределы своего «Я» и дает чувство связи с бесконечным и высшим¹³².

Вера в прогресс возникла и развивалась в России под знаком милосердия и добра. «...мы увидим все небо в алмазах, мы увидим, как все зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собой весь мир, и наша жизнь станет тихою, нежною, сладкою как ласка...», – говорит чеховская Соня из «Дяди Вани», отражая убеждения передовой общественности своего времени. Так утопия определяла цель жизни русского человека XIX в. В этом утопическом общественном идеале концентрировался смысл существования человечества и его истории.

Но имеется и другая сторона утопического сознания. Мы говорили уже, что «тяга к иному», таящаяся в глубинах человеческой психики, всегда сопровождается неприятием собственной бытийной ситуации, которая представляется навязанной и подлежит преодолению. Отрицание ценности наличного бытия выступает обратной стороной стремления человека к совершенству. И если в религиозном сознании недовольство бытием преодолевается борьбой с собственным грехом и служением Богу, то в утопическом сознании отрицание настоящего выражается в стремлении к разрушению реального бытия для замены его идеальной конструкцией. Поэтому разрушительный компонент утопии К. Мангейм рассматривает как наиболее характерный признак утопического сознания: не соответствующая бытию ориентация называется им утопической лишь тогда, когда она действует в направлении уничтожения существующей структуры бытия¹³³.

В самом деле, достижение идеала возможно лишь через глобальную ломку реального бытия. Разрушению подлежит государство, семья, религия, мораль. А в своих крайних формах утопизм замахивается не только на социальное устройство общества, но и на

¹³² Булгаков С.Н. Апокалиптика и социализм // Булгаков С.Н. Избр. ст. Т. 2. М., 1993. С. 423.

¹³³ Мангейм К. Идеология и Утопия. С. 113.

мировые законы: выдвигаются проекты переделки природы в планетарном и даже во вселенском масштабе. Иначе говоря, утопизм в своей глубинной основе содержит идею не только социального, но и онтологического переворота.

Так в учениях русского космизма идеи разрушения старого мира доведены до крайних пределов и приобретают космические масштабы. К.Э. Циолковский, например, развивал представления о необходимости глобального уничтожения низших форм жизни на всех планетах Вселенной силами высшей, разумной и справедливой жизни, уже достигшей совершенства. Циолковский утверждал, что население передовых планет, посещая окружающие их незрелые миры с примитивной жизнью, «уничтожает ее по возможности без мучений и заменяет своей совершенной породой». Сомнения в этической правомерности таких действий он отмечает. По его мнению, уничтожение слабых форм жизни представляет собой высокогуманную акцию по отношению к ним самим, т. к. прекращает их мучительное самоистребление, которое продолжалось бы миллионы лет, как оно и сейчас продолжается на Земле. Вмешательство совершенных форм жизни «в немногие годы и даже дни уничтожает все страдания и ставит вместо них разумную, могущественную и счастливую жизнь. Ясно, что последнее в миллионы раз лучше первого»¹³⁴. Убийство, таким образом, рассматривалось им как высший акт гуманизма.

Утопическое сознание переворачивало этические представления интеллигентных, гуманистически настроенных людей, превращая убийства и насилие в норму. Утопия внутренне заряжена насилием. Это вытекает из самой логики утопического мышления: смерть выступает как санитарка, которая должна расчистить место под построение нового общества. Убийство невинных людей расценивается здесь как неизбежная дань движения общества к лучшему будущему (как его отходы). Об этом достаточно убедительно писал С.Л. Франк¹³⁵.

Так утопия оборачивалась своим страшным ликом. Оказалось, что ничего нет страшнее осуществленной утопии, когда умозрительная схема накладывается на реальность, когда вся глубина и

¹³⁴ Гириенко Ф.И. Русские космисты // Циолковский К.Э. Космическая философия. М., 1990. С. 57.

¹³⁵ Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996.

сложность жизни живого человека должна быть подчинена рационалистической концепции, всегда упрощающей действительный мир. Верования и дела Пол Пота – лишь частный (но наиболее показательный) случай реализации утопии, наложения ее на живую жизнь. Однако и другие осуществленные утопии, начиная с религиозной утопии Мюнстера, **Французской революции**, проходившей под знаком утопических представлений Руссо, русского социализма, осуществлявшего построение коммунистического общества – все они приобретали при своем осуществлении крайне жестокие античеловеческие черты.

Весь исторический опыт человечества показывает, что служение утопии начинается со служения Добру, а реализация ее приводит к торжеству Зла. Тяга к совершенству («тяга к иному») и новой светлой жизни приводит к обратному результату. Мечта о счастье для всех людей оборачивается реальной смертью миллионов. Добро и зло меняются местами. И это превращение добра в зло выступает как закономерность утопического сознания.

Неумолимая логика утопического сознания превращает гуманиста в террориста, а доброта и благородство оборачиваются злом и насилием. Как мы стремились показать, менталитет, пропитанный идеями обретения счастья для всего человечества, яростно стремится к разрушению собственного бытия.

Получается, что утопическое сознание приводит к разгулу энергий сатанинских, представляя неограниченные возможности для осуществления самых извращенных некрофильских стремлений. Об этом движении утопической мысли от Добра к Злу остроумно писал А. Франс: «Безумие революции заключалось в том, что она хотела утвердить на земле добродетель. А когда людей хотят сделать добрыми, умными, свободными, умеренными, великодушными, то неизбежно приходят к тому, что жаждут перебить их всех до одного»¹³⁶.

Сегодня, как и в прошедшие времена, человеческая мысль работает над проблемой усовершенствования человека и вновь выделяет из себя новые утопические проекты. И если мы долгое время жили под знаком утопии коммунизма, то в настоящее время в среде научной общественности наибольшей популярностью пользуется модель ноосферы. Расцветают и разнообразные оккультные тече-

¹³⁶ Франс А. Собр. соч. Т. 2. М., 1958. С. 536.

ния и учения русского космизма и трансгуманизма. За каждой разновидностью оккультной теории и русского космизма стоит утопия идеального общества.

Что же обещают эти новые утопии?

Они по-прежнему обещают грядущее торжество добра и справедливости. И никого не останавливает крах всех предыдущих иллюзий о прекрасном идеале будущего.

Это особенно показательно для нашего времени – времени бурной критики предыдущих утопических конструкций. Проклиная коммунизм, мы тут же попадаем под влияние других утопий, которые еще страшнее разоблаченного коммунизма. Это, например, утопические проекты космистов, которые не ограничиваются социальными преобразованиями, но замахиваются на переделку законов всего бытия.

Здесь поражает безоглядная вера людей, стоящих на самой вершине интеллектуальной элиты своего времени, в безусловную осуществимость своих идей на практике – в возможность полной реконструкции бытия.

Великие утописты – это не только Маркс, Ленин и другие политические деятели, осуществляющие проект построения коммунизма. Но также и почитаемые ныне великие художники, поэты и философы, такие как Малевич, Бодлер, В. Соловьев, с его многочисленными последователями – представителями «Русского ренессанса». И самые отчаянные утописты – бюджетяне, кубофутуристы, фависты, а также известные мистики и оккультисты, такие как Е.И. Блаватская и Е.И. и Н.К. Рерихи с их последователями.

Человек всегда стремится к идеалу. Однако в реальном бытии человека существуют не только идеальные стремления, но потребности, обусловленные его телесными свойствами и биологическими инстинктами. В нем добро перепутано со злом, происходит борьба Эроса с Танатосом, осуществляется сложная диалектика желаемого и действительного.

Но утопическое сознание упорно не желает видеть реальную природу человека. Оно всегда упрощает его, безмерно преувеличивая его рациональную составляющую. Это чудовищное упрощение лежит в основании схемы, в которую оно пытается «вогнать» сложную и противоречивую, во многом иррациональную человеческую натуру. Поражает, насколько человек не знает, не понимает сам себя.

Натуралистический подход к высшим потенциям человеческого духа не исключает идеализацию человека. Все утописты идеализируют его. Они полагают, что человеческая природа изначально добра, но наличное социальное устройство подавляет и портит человека. И достаточно лишь изменить внешние условия, чтобы благая сущность человека реализовала себя, и возникло справедливое и гуманное общество. Эта исходная позиция любого революционера – будь он французским якобинцем, русским анархистом, немецким или русским марксистом. «Он (революционер. – Л.Ф.) только потому и жаждет взорвать все, что считает людей хорошими и добродетельными от природы. Он полагает, что если освободить их от собственности, избавить от законов, с них сразу же слетит эгоизм и порочность» – так формулирует эту мысль А. Франс¹³⁷.

Здесь можно говорить о парадоксе натуралистического понимания человека: с одной стороны, человек предстает как биологическое существо (в соответствии с теорией Дарвина), а с другой стороны, делается ставка на его рациональность, внутреннюю доброту и на высокие моральные свойства, т. е. упор делается на качествах, связанных с культурой и духовными характеристиками.

Во всех случаях акцент делается на разумности человека, на его способности к самоограничению. Исключается все темное, деструктивное в человеческой природе. Начисто снимается проблема зла. Утопический человек – существо высоко моральное. Такое отношение широко распространено среди ученых. Так А.Д. Урсул утверждает, что в ноосферу вступит человек не современный, а человек, который усовершенствуется духовно. Причем совершенствование будет протекать вместе с разворачиванием процесса ноосферогенеза. Это будут параллельные процессы совершенствования мира и человека. А Н.Н. Моисеев считал, что для преодоления экологической опасности нужно создать новые основы нравственности. Необходимо создать новую мораль. Э.В. Гирусов пишет о становлении новой формы сознания, что составляет «основную ось экологической культуры»¹³⁸.

¹³⁷ Франс А. Собр. соч. в 8 т. Т. 2. С. 536.

¹³⁸ Гирусов Э.В. Экологическое знание как теоретическая составляющая новой этики и культуры // Связь времен. М., 2002. С. 508.

Представителями Римского клуба также высказано немало плодотворных идей по данной проблеме. Они подчеркивали, что модели спасения сами по себе не могут воздействовать на общественное сознание и останутся лишь декларациями, а значит чисто теоретическое решение вопроса проблемы отношения «Человек – Природа» не может создать реальную стратегию выживания и потому акцент делается на необходимости трансформации сознания людей, на путях «нового гуманизма» и осуществления революции в сознании, которая приведет к коренному улучшению качеств и способностей всего человеческого сообщества.

Итак, преодоление экологического кризиса связывается с проблемой нравственного преобразования человека, которое должно снизить уровень его агрессивности и изменить отношение к природе, что позволит человечеству избежать экологической катастрофы. Современный человек эгоист – насильник и собственник, готовый предать экологические интересы человечества во имя своей маленькой личной выгоды – не сможет воспринять новую парадигму. Поэтому необходимо совершенствование человека и его нравственное преобразование.

3.3. Проблема совершенствования человека и общества

Такой оборот мысли поднимает множество новых вопросов. Прежде всего, встает во весь рост проблема. Кому перedelывать? Кто будет руководить усовершенствованием человека? Кто будет задавать программу его восхождения на высшую ступень физического и интеллектуального развития? И кто будет планировать этот процесс и отвечать за него?

Платон, К.Э. Циолковский, Н.Н. Моисеев предоставляют это право Совету мудрецов. Но эти мудрецы не есть некие надчеловеческие сущности, обладающие абсолютным знанием, а люди, имеющие ту же физическую и психическую природу, как и остальные, которых желают перedelать. Они обладают той же биологической структурой и, так же как и все люди, погружены в социальный космос, т. е. являются продуктами как биологического развития, так и культуры своей эпохи, а следовательно, не являются непогрешимыми.

Но субъект улучшения должен быть непогрешимым. Русские евгеники таким субъектом считали советское государство. Известный евгеник Г. Меллер, долго работавший в России, верил в абсолютную справедливость коммунизма и в кумир, стоявший во главе процесса его создания, – Сталина. К нему он и обращался и вручал ему право решать эти проблемы. Это была вера в абсолютную личность, стоявшую во главе государства. Эта личность обожествлялась. Она не могла ошибаться. Но сегодня этот миф развеян.

Мы видим, что утопизм разных исторических эпох рождается в виде мечтаний о создании идеального общества. Тем самым, он выполняет необходимую функцию, которую можно обозначить как удовлетворение общечеловеческой потребности в торжестве справедливости и добра, которая обращает человека к пропаганде идеальных моделей мира и к борьбе за их осуществление. В человека вложено стремление к совершенству, способность надеяться на лучшее – на конечное торжество справедливости и добра, «если бы не было утопии, то природа человека была бы иная», – писал известный исследователь утопизма К. Мангейм¹³⁹. Так и идея ноосферы вся пронизана человеческой мечтой о лучшем будущем.

Надежда на достижение идеального общества отражает некую важную потребность души; она имеет свое основание в стремлении человека увидеть смысл в развитии мира, общества и своей собственной жизни. Это архетипическое свойство порождает мечту о будущем, в которой воплощено все прекрасное. Эти черты являются психологическими особенностями, составляющими существенную характеристику человека, они обозначаются как «тяга к иному» (к лучшему), «здесьнее бытие влечется к иному, испытывает тягу к нему», – пишет С.С. Хоружий¹⁴⁰. Происходит расщепление реальности на сущее и должное, на наличное и иное бытие. Тяга к иному направляется на устройство идеального общества на земле и приобретает форму мессианизма.

На эту парадигму работает вековая традиция, возникшая в эпоху Возрождения – традиция поклонения разуму человека. Впоследствии она воплотилась в картину прогрессивно развивающегося мира. Эти идеи играли особую роль в революционных процессах, которые совершались во имя построения совершенного общества.

¹³⁹ Мангейм К. Идеология и Утопия.

¹⁴⁰ Хоружий С.С. Диптих безмолвия. М., 1991. С. 66.

Именно здесь следует искать неявное основание революционных теорий. В нашу эпоху архетип Золотого века проявляется в своем секулярном варианте – коммунизме, а с падением его популярности – в учении о ноосфере. Применительно к современности можно сказать, что раньше это было ожидание возникновения коммунистического человека, а теперь мы должны ожидать появления человека ноосферы. Так что ноосферное будущее человечества, предсказанное Вернадским, является ярким примером проявления этого архетипа.

Идеи совершенствования человека и мира имели свою длительную историю. Их можно увидеть уже у Платона, Томаса Мора и многих других. Особенную популярность эти идеи приобрели в эпоху, предшествующую Великой французской революции. Тогда идея совершенствования общества и человека возникала при отходе от религиозных представлений о мире, заменяя их и являясь источником атеистических и деистических представлений о мире. (Вольтер, Гоббс и др.) Но научных данных, подтверждающих эту идею, не было. И только с появлением дарвинизма появилась возможность научного обоснования процессов совершенствования путем естественного отбора в рамках собственно биологической эволюции, закономерности которой были перенесены на социум. Эти представления, включившись в общественное сознание, питали философию Ницше, обеспечили популярность фрейдизма и постмодернизма. Их влияние на менталитет огромно. (См. например, книги Б. Рассела «Почему я не христианин?» и К.Г. Юнга «Воспоминания, размышления, сновидения», в которых ярко описывается «мировоззренческое прозрение» этих авторов после знакомства с учением Дарвина). Я полагаю, что социальные революции неразрывно связаны с ложным представлением о природе человека. Революционной теории предшествует (в неявном виде) убеждение, что природа человека изначально добра и разумна, но наличное социальное устройство его подавляет и портит. Такую установку в подходе к человеку Е.Л. Черткова определяет как «презумпцию совершенства». Она полагает, что модели построения идеального общества, как правило, имеют своим основанием веру в бесконечную совершенствуемость человека (перфектибилизм)¹⁴¹.

¹⁴¹ Черткова Е.Л. Притяжение идеала (О природе утопического сознания) // Миры знаний. СПб., 2000. С. 316.

Представление о сущности человека задается мировоззрением эпохи и присутствует в общественном сознании либо в виде размытых философем, не проявленных теоретически, либо вырабатывается в конкретной философской системе и приобретает в этом случае систематизированную отчетливую форму. Так или иначе, представления о сущности человека всегда предшествуют его конкретному образу.

Теоретическая модель биологической эволюции дает свой ответ на извечные вопросы, задаваемые рефлектирующим сознанием – вопросы о том, «кто мы», «как устроен мир», «кто мы в этом мире». Здесь естественнонаучная теория эволюции как бы выходит за рамки своего предмета в область метафизических проблем, ставя и решая вопросы о месте человеческого рода в мире живых существ, давая ему ориентацию в этом мире.

В современном общественном сознании функционируют различные образы человека. Каждое учение о человеке выбирает из всего гетерогенного материала в качестве самых важных, главных свойств нужные ей характеристики и кладет их в свое основание. Позиция зависит от мировоззренческих установок исследователя: вся пирамида представлений о многообразных его свойствах «поворачивается» в соответствии с взглядами на сущность человека. Затем, исходя из представлений о сущности, происходит интеграция вокруг нее других его характеристик, а не нужные данной концепции свойства человеческой природы отбрасываются – они просто не принимаются в расчет. П.С. Гуревич считает, что «каждая теория становилась прокрустовым ложем, на котором эмпирические факты подгонялись под заданный образец»¹⁴².

Например, с точки зрения марксизма, главным является социальность человека. Все его многообразные свойства, так или иначе, определяются существованием среди людей, взаимодействием с ними. Поэтому для марксиста, разрабатывающего проблему человека, прежде всего возникает задача: исходя из учения о социальной сущности человека, воссоздать его целостный образ, соединяя и интегрируя конкретно-научные результаты исследования о нем. А для Тейяра де Шардена центральным системообразующим принципом является связь человека с Богом: «Это Ты сам, с которым я встречаюсь, Ты, который создал меня, чтобы я мог участвовать в

¹⁴² Гуревич П.С. *Философия человека*. Ч. 2. М., 2001. С. 124.

твоей жизни, и для этого Ты изготовил меня твоими собственными руками». Ученый считал, что личность человека бессмертна и служит вселенской божественной цели. Он строил свою концепцию человека, исходя из этого мировоззренческого постулата. Ницше, считал, что сущностным свойством человека является воля к власти, Фрейд – сексуальный инстинкт. Для Паскаля человек всего лишь мыслящий и сознающий тростник – величина ничтожно малая, но само сознание своего ничтожества делает его великим. Для Достоевского важны те свойства человека, которые подчеркивают его сложную, «апокалиптическую» природу. П.П. Гайденко считает, что человек по своей природе есть существо нравственное, а потому этические принципы имеют самостоятельное значение и не могут сводиться ни к каким природным предпосылкам. Она утверждает, что духовное, нравственное начало составляет фундамент человека и человечества¹⁴³. В.С. Степин подходит к человеку как объекту космической эволюции. Он – «закономерный и естественный этап в развитии Вселенной, ответственный за состояние мира, в который сам человек погружен»¹⁴⁴.

До сих пор не выработано единого мнения о том, что считать главным в человеке. Б.Г. Юдин и В.Г. Борзенков отмечают, что не решен даже вопрос о выдвижении той или иной научной дисциплины в качестве кандидата на роль стержня при интеграции данных всех других наук в единый теоретический «образ» человека. Этот вопрос является предметом острых дискуссий¹⁴⁵.

Так что сегодня единой теории человека не существует.

3.4. Натурализм и проблема человека. Дарвинизм

Из всего необозримого числа вопросов, поставленных проблемой человека, наиболее существенным оказывается вопрос о том, сводимо или несводимо «человеческое в человеке» (его специфика) к природным механизмам. Современные философы и ученые подходят к этому вопросу по-разному.

¹⁴³ Гайденко П.П. Христианство, герметизм и новоевропейское понимание природы // Христианство и наука. Рождественские чтения 2001. М., 2001. С. 249–250.

¹⁴⁴ Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2000. С. 202.

¹⁴⁵ Борзенков В.Г., Юдин Б.Г. Методологические основания комплексного изучения человека // Многомерный образ человека. М., 2001. С. 26.

В основе современной научной проблематики человека, ориентированной на естественные науки, лежит позитивистское, натуралистическое понимание его природы, при котором все высшие ценности: добро, красота, истина – имеют свой источник в биологии человека. И даже на область человеческих взаимоотношений распространялись законы, царящие в животном мире. Натурализм десакрализирует человека, который оказывается не специфическим родом сущего, «а всего лишь звеном в развитии остального естественного мира». С точки зрения естествознания все в человеке, включая сферу его духовной жизни, определяется его материальной природой. Такой подход к человеку представлялся самоочевидным для естествознателя. Следуя эволюционной теории Дарвина, он считается исключительно продуктом естественного отбора. Натурализм сводит природу человека к определенному «реальному референту» – материальной, физической, биологической, физиологической основе. Черты натурализма проявляются в том, что при описании природы человека и общества используют методы, аналогичные методам естественных наук. Молчаливо предполагается, что природа и сущность исследуемого объекта не содержит ничего в принципе отличного от природных закономерностей и явлений. Весь мир человека и даже его высшие ценности – истина, добро, красота и справедливость рассматриваются сквозь призму действия биологических законов. Натурализм затушевывает специфическое свойство человека – его духовность (субъектность).

Натуралистическое видение человека складывалось уже в эпоху Просвещения, когда были сформулированы представления о независимости природы от божественного творения. Стоит вспомнить Гоббса, Локка, Спинозу, Хатчсона, Гольбаха, Вольтера, Руссо и их полемику о природе человека и морали. Материалистические представления о мире (существующие наряду с онтологией разных религиозных представлений) требовали научного обоснования представлений о мире без Бога.

Возникла идея общественного и духовного прогресса как развития по пути к совершенству, в котором концепция эволюции «нагружается» ценностями.

Общество, пропитанное идеей прогресса, создало идею глобального эволюционизма, понимая его как движение к совершенству не только человечества, но и природы. Так вера в силу челове-

ческого разума и в будущее разумное устройство мира стало неявным мировоззренческим основанием всех последующих моделей эволюционного совершенствования природы.

Общие симпатии к натурализму вышли за пределы науки и философии в массовое сознание и включились в «атмосферу» эпохи Просвещения. (Показательно, что Вольтер поощрял свою ученую подругу, маркизу дю Шатле, к написанию популярного изложения учения Ньютона для светских дам, с целью пропаганды механистической картины мира.) Дарвин подвел научную базу под это требование общественного менталитета и, тем самым, укрепил позиции редуccionистских представлений не только о живых существах, но и о человеке и обществе.

Дарвинизм заложил основы общих представлений о мире. Раскрытые им закономерности выходили за рамки биологической науки, распространяясь не только на социум, но и на мир в целом. Они порождали представления об универсальной эволюции, в которых мир понимается как глобальный процесс развития от элементарных частиц и атомов, до человека. Тем самым настоятельная потребность эпохи – потребность нарождающегося атеизма была удовлетворена: идея Бога заменялась представлениями о естественном отборе.

В современном менталитете дарвинизм (и неodarвинизм) играет двоякую роль:

Во-первых, это универсальный объяснительный принцип и ядро современной научной картины мира, вокруг которого складываются соответствующие ему онтологические представления, далеко выходящие за рамки наук о живом. Утверждаемые им закономерности распространяются на социум и на мир в целом. (Р. Пенроуз, например, считает естественный отбор законом астрономической Вселенной.) Тем самым дарвинизм переходит от научных проблем к проблемам философского характера.

Во-вторых, это одна из многочисленных концепций в эволюционной биологии, которая хотя и доминирует сегодня, в виде синтетической теории эволюции (СТЭ), но подвергается серьезной критике как равная среди других теоретических представлений о природе эволюции.

Поэтому нужно рассматривать дарвинизм в двух ракурсах: мировоззренческом и естественнонаучном. Как мировоззрение дарвинизм исправно служит материалистическому пониманию бытия,

играет определяющую роль в современной научной картине мира, «склеивая» ее разнородные фрагменты и задавая единый взгляд на механизм усложнения материи.

А с точки зрения науки, в свете современных представлений эволюционной биологии и особенно микробиологии, он не выходит на статус универсального объяснительного принципа.

Итак, дарвинизм – это не только наука, но и мировоззрение, в котором идея естественного отбора занимает центральное место.

Она дает четкий механизм усложнения материи от клетки до человека. Это картина эволюционного развития от низшего к высшему по направлению к вершине жизни – человеку. Дарвинизм рассматривает мир в виде поля жестокой конкурентной борьбы за выживание наиболее приспособленных, победы сильных и вымирания слабых. Дарвин считал, что из войны в природе, из голода и смерти вытекает результат – образование высших животных.

Закономерности, установленные Дарвином, легко переносились на социальную сферу и позволяли рассматривать мир как процесс усложнения и совершенствования. Экстраполяция закономерностей биологического мира на человеческое общество породила представления о едином эволюционном процессе. Тем самым дарвинизм удовлетворял не только научные потребности познания жизни, но решал центральные проблемы философского характера и делал Творца не нужным для объяснения всеобщих законов мира.

Закономерностями биологической эволюции можно было объяснить теперь все основные процессы исторического развития жизни и человечества. Так возникла картина универсальной эволюции в планетарном масштабе и даже в масштабе Вселенной. Дарвинизм представляет сегодня мировоззренческое основание разных научных дисциплин (например, в когнитивных науках, биополитике и даже в космологии), т. е. это универсальная объяснительная программа, приложимая к самым различным областям мира. Так известный космолог, лауреат Нобелевской премии Стивен Хокинг, столкнувшись с трудностями в создании единой объединяющей теории, возлагает надежды на естественный отбор, который, по его мнению, должен привести ученых к построению правильной модели Вселенной. Он полагает, что интеллект и научное мышление дают преимущество в борьбе за выживание, а потому индивиды, способные вернее других судить об окружаю-

шем мире, с большей вероятностью выживут и дадут потомство, стало быть, их поведение и образ мышления станут доминировать. Отсюда следует вывод, что «способность к мышлению, которой наделил нас естественный отбор, поможет нам в поисках полной объединенной теории» и избавит нас от ложных заключений об устройстве Вселенной¹⁴⁶.

Аналогичных представлений придерживается и знаменитый физик Роджер Пенроуз. Он считает, что возникновение всех эффективных механизмов нашего тела и мышления (включая создание сложнейших математических конструкций) возникли в результате давления естественного отбора, на протяжении сотен тысяч лет¹⁴⁷. Эти примеры показывают, что для научной общественности естественный отбор является самоочевидным принципом самоорганизации мира.

Дарвинизм породил общую картину мира, в которой войны, эксплуатация и насилие заложены самой природой. Г. Фолмер писал, что великие кантовские вопросы: «Что я могу знать?», «Что я должен делать», «На что я смею надеяться?» и «Что такое человек?» теперь решены путем применения принципа эволюционизма. Вся сложность человеческого мышления, его самость, ответственность, творчество возникли вследствие приспособления к среде. Тайны сущности и происхождения жизни и сознания больше нет. Ее объяснение дается с помощью естественного отбора¹⁴⁸.

В.И. Назаров пишет: «У идеи естественного отбора удивительная судьба, родившись в биологии, она захватила умы физиков, химиков, математиков, космологов – представителей всего естествознания в целом, составив важнейший элемент естественнонаучной картины мира. От естествознания она перекинулась на сферу гуманитарных наук (включая теорию познания), всюду демонстрируя свою продуктивность. В итоге идея отбора стала настолько универсальной, что обрела статус аксиоматической категории и важнейшего завоевания науки классического периода»¹⁴⁹.

¹⁴⁶ Хокинг С., Млодинов Л. Кратчайшая история времени. СПб., 2006. С. 22.

¹⁴⁷ Пенроуз Р. Тени разума. В поисках науки о сознании. Москва; Ижевск, 2005.

¹⁴⁸ Фолмер Г. Эволюционная теория познания. М., 1998. С. 131.

¹⁴⁹ Назаров В.И. Эволюция не по Дарвину. Смена эволюционной модели. М., 2005.

В представлениях дарвинизма мир становится прозрачно ясным. Все загадки, все религиозные и метафизические вопросы, над которыми целые тысячелетия бились мыслители разных эпох и народов, теперь прояснились. Тайна бытия получает свое простейшее разрешение, как только механизм неodarвинистской теории принимается в качестве творца всего сущего. Идея прогрессивной эволюции с механизмом естественного отбора стала неодолимой. Сегодня ее не надо доказывать или подтверждать. В общественном сознании она превратилась в нечто само собой разумеющееся – в очевидность.

Представления дарвинизма приобрели статус важнейшей составляющей современного менталитета. Они незримо присутствуют в нашей культуре. Мы не замечаем, что не только методология наша в различных областях знаний имеет в своем основании принципы дарвинизма, но и аксиоматика многих фундаментальных концепций есть не что иное, как перефразировка дарвиновских представлений об эволюционных процессах в мире живого. Идея прогрессивной эволюции с механизмом естественного отбора (т. е. войны и конкуренции) стала неодолимой.

Тем не менее для многих специалистов очевидно, что дарвинизм выглядит гипотезой, сильно упрощающей действительное положение вещей. Перед биологической наукой возникли новые проблемы, на которые дарвинизм (неodarвинизм) не может дать ответа.

Дело в том, что в дарвинизме исследуемые механизмы эволюции привязаны исключительно к «зоологической традиции» (Гоулд) и, следовательно, относятся к сравнительно недавней части эволюционной истории. Представления об истории развития жизни, как правило, опираются на исследования высших этапов эволюции, которые составляли относительно незначительный период исторического времени (около 500 млн лет). А период существования простейших одноклеточных организмов, исчисляемый миллиардами лет, мало учитывался при построении общей картины развития жизни на Земле.

Возникли теории альтернативные градуалистической модели, которую исповедует дарвинизм: теория прерывистого равновесия, разработанная палеонтологами С.Д. Гоулдом, И.А. Элдриджем,

теория нейтральности М. Кимуры и др. Подвергается сомнению универсальная теория биологического прогресса в ее принятой интерпретации развития от простейших до человека.

Новые данные в области микробиологических исследований вносят существенный вклад в понимание живого, порождая новое видение истории развития жизни на Земле.

Особенно важной для рассматриваемой проблемы является ориентация эволюционных теорий на системный подход. Идея системного подхода присутствует в концепциях В.А. Красилова, выдвинувшего экосистемную теорию эволюции (ЭТЭ). Многие известные ученые – Г.А. Заварзин, В.А. Кордюм, В.И. Назаров, Ю.В. Чайковский, В.И. Данилов-Данильян, В.Г. Горшков, К.И. Лосев, С.Д. Хайтун и др. развивают далее этот поход в своих исследованиях. Они отходят от традиционного понимания эволюции, провозглашая необходимость в целостном подходе к природе. Г.А. Заварзин пишет: «Как противовес взглядам дарвинизма выступает анализ систем с вниманием не столько к отдельному индивидуальному объекту и его изменениям, сколько к совокупности взаимодействующих объектов. Существует множество обозначений той тенденции, которую можно обозначить как системный подход. Она становится сегодня доминантой в общественном сознании. В философском смысле это означает переход от единичного к множественному. Мировоззрение на основе индивидуального успеха оказывается далеким от истины. Индивидуальное (единичное) обусловлено сохранением существенных для них свойств системы»¹⁵⁰.

Уже В.И. Вернадский исходил из понимания природы как целостной и единой системы и рассматривал эволюцию в целом как единый системогенез, а не как набор актов приспособления каждого вида к его собственной среде. В.А. Кордюм писал, что «следует говорить не об эволюции видов как информационно замкнутых групп, а об эволюции биосферы в виде единого целого, в котором каждое конкретное проявление эволюции передает все всем и черпает все от всех...»¹⁵¹. Видообразование рассматривается не как самостоятельное явление, а как компонент общего процесса преобразования соответствующей экосистемы. Видо-

¹⁵⁰ Заварзин Г.А. Какосфера. Философия и публицистика.

¹⁵¹ Кордюм В.А. Эволюция и биосфера. Киев, 1982.

образование не выступает более как предпосылка трансформации вышележащей системы, а является следствием этой трансформации. Универсальный процесс развития здесь строится не на адаптации отдельных видов к своей среде, а на целостном процессе видообразования, начиная с высших уровней иерархически построенной системы биоценозов.

Такую направленность эволюционной причинности В.И. Назаров называет «нисходящей», а сам процесс эволюции – «эволюцией сверху». «Конкретно это означает, что первоначальный импульс к эволюционному изменению возникает в наивысшей системе “Солнце-Земля”, улавливается биосферой и далее передается ее компонентам – биоценозам, а эти последние побуждают к изменению, входящие в них виды»¹⁵². Получается картина, обратная той, которая принята в традиционной дарвиновской доктрине. Так, системный подход отходит от традиционного понимания эволюции, провозглашая целостный взгляд на природу, задает новую мировоззренческую позицию во взглядах на мир.

3.5. Микробиология в системной картине мира

Особенное место в создании новой картины мира занимает микробиология. Исследования академика Г.А. Заварзина показывают, что традиционные взгляды на эволюцию во многом оказываются несостоятельными. Взгляд на эволюцию биоты и биосферы с позиций микробиолога приводит к выводам, отличающимся от общепринятых. Если в основе дарвинизма лежит идея происхождения и эволюция рассматривается как филогенетический процесс, то в микробиологии упор делается на понимание функций. Филогения имеет вторичное значение по отношению к функциональной роли в биосфере. Микробное сообщество – главное действующее лицо природоведческой микробиологии. Эволюция микробных сообществ – основная движущая сила биогеохимической эволюции биосферы. Она собирается из филогенетически удаленных видов организмов, а не возникает путем дивергенции, как полагает неodarвинизм. Определяющим оказывается не изменение индивидуумов и последующее изменение системы, а ограничивающая роль

¹⁵² Назаров В.И. Эволюция не по Дарвину. Смена эволюционной модели. М., 2005.

большей системы с определенной функциональной структурой. Первым приоритетом является функция. «В результате при исследовании биосферно-геосферной системы приходится двигаться сверху вниз, от общего к частному, а не от элементов к системе, как предлагается в индивидуалистическом подходе, связанном с теорией Рынка», – пишет Заварзин¹⁵³.

В такой связи явлений вся живая материя восстает перед нами как одно целое, как один огромный организм, заимствующий свои элементы из резервуара неорганической природы, целесообразно управляющий всеми процессами своего прогрессивного и регрессивного метаморфоза и, наконец, отдающий снова все заимствованное назад мертвой природе¹⁵⁴, – писал С. Виноградский.

Что же представляет собой жизнь с точки зрения микробиологии? Заварзин сравнивает ее с машиной. Это биогеохимическая машина Земли, которая не может остановиться. Жизнь – это процесс¹⁵⁵.

Эта новая биологическая парадигма провозглашает новые приоритеты. Она утверждает, что развитие не дивергентно, а конвергентно. Цель – сохранение настоящего – гомеостазис. Размножение делением рассматривается как оптимальный способ достижения этой цели. Получается картина, обратная той, которая принята в традиционной дарвиновской доктрине. На стороне новой парадигмы – совокупность новейших данных, биологии, биофизики, общей теории систем и многих других наук. На стороне привычного, неodarвинистского прочтения – усвоенные со школьной скамьи представления о важнейших закономерностях мира и месте в нем человека. Новые данные в области микробиологических исследований вносят существенный вклад в понимание живого, порождая новое видение истории развития жизни на Земле. Но сегодня эти новые представления не выходят за рамки специально научных исследований, а сомнительность традиционных, неodarвинистских не замечается большинством человечества.

¹⁵³ Заварзин Г.А. Логика биологии и современное мировоззрение // Науки о жизни и современная философия. М., 2010. С. 306.

¹⁵⁴ Виноградский С.Н. О роли микробов в общей круговороте жизни. СПб., 1897. С. 34.

¹⁵⁵ Заварзин Г.А. Логика биологии и современное мировоззрение. С. 306.

Итак, в науке подвергается сомнению универсальная теория биологического прогресса в ее принятой интерпретации развития от простейших до человека. Научные возражения дарвинизму приобретают особый статус, поскольку автоматически затрагивают и его мировоззренческие выводы и, прежде всего его отношение к проблеме человека.

А идея системности создает совсем другой подход к осознанию роли человека в мире, а следовательно, и другое решение его жизненных и поведенческих норм. Она выделяет другой аспект в видении природы – ее гармоничность и целесообразность, и фиксирует внимание на процессах сотрудничества и симбиоза в живой природе.

3.6. Аксиологический ракурс в исследованиях жизни

В системных представлениях мир предстает не в виде конкуренции отдельных индивидов, а как единая система, где индивиды являются взаимосвязанными элементами целого. Эти представления, включенные в современное мировоззрение способны существенно изменить образ универсального эволюционизма, который рассматривается теперь как целостный процесс эволюции, иерархически построенных систем. Тем самым дается обоснование идее включенности человека в высшее целое и, потому, зависимости от этого целого.

Мы видим возможность изменения ценностной ориентации человека вне дарвиновского принципа конкуренции и борьбы за личностное превосходство. Здесь возникает новый аспект рассмотрения биологического эволюционизма – аспект аксиологический, поскольку идея системности несет не только кардинальное изменение современной картины мира, но создает совсем другой подход к осознанию роли человека в мире, а следовательно, и другое решение его жизненных задач и поведенческих норм. В этом аспекте неodarвинизм и представления системного подхода занимают различные позиции.

В дарвинизме центральной мировоззренческой идеей является идея естественного отбора. Здесь не только закономерности развития жизни трактуются на основе понятий адаптации и отбора,

но и возникновение религии, искусства, морали рассматривается сквозь призму их селективной ценности во всеобщих процессах конкурентной борьбы, которые лежат в основе создания всех даже самых сложных объектов и явлений мира и представляются сущностью антропогенеза. Превалирующей становится идея Гоббса войны всех против всех, вытекающая из мальтузианства, которое Дарвин положил в основу своей эволюционной модели, конструируя ее по типу экономических теорий конкуренции и рыночных отношений, где мир предстает в виде поля жестокой конкурентной борьбы за выживание наиболее приспособленных, победы сильных и вымирания слабых.

Принцип «кто сильнее, тот и выживает» становится доминантным в общественном сознании, а любовь к ближнему, забота о будущем человечества, о его благе отходят на периферию, становятся второстепенными по сравнению с личными нуждами и желаниями субъекта. Сегодня эта идеологема проявляется в принципах потребительской парадигмы, в которой деньги составляют определяющий ценностный ориентир. Мир в таком понимании предельно прост и безжалостен. В нем исчезает стимул к альтруистическому поведению. Успех (выгода) – вот главная цель поведения современного индивида. Полагается, что мистические культы, и возвышенные этические феномены (добро, благо и др.), и сама совесть человека и его нравственное сознание – все производно от селектогенеза, все возникло как его реализация. И даже идея Бога порождена естественным отбором, поскольку предполагается, что религиозность создает селективные преимущества для верующего.

Аксиологические представления, ориентированные на системный подход, утверждают иное. Они строятся на понимании человека не как вершины эволюционных процессов, а в виде элемента гармонизированной системы, где он является лишь винтиком в общем устройстве биосферы. Системный подход фиксирует внимание на процессах сотрудничества и симбиоза в живой природе. Он акцентирует внимание на гармоничности и целесообразности природы, дает ощущение зависимости от нее и чувство неразрывной связи с ней. Возникает новое ощущение человека не как хозяина природы, а как ее части, осмысление себя не вне природы, а внутри ее.

С житейской точки зрения – это парадигма взаимопомощи, которая, будучи воспринята общественным сознанием, создаст дружное отношение не только к миру, но и к человеку. (Установка «не убить, а помочь ближнему» основывается на тезисе о том, что мы все порождены единым – системой высшего уровня, и являемся его локальными проявлениями.)

Здесь отброшены представления о господстве неумолимого закона конкуренции, отбора наиболее приспособленных и безжалостной выбраковке слабых в качестве фундаментального закона природы. Возникнет отношение к другому человеку не как к противнику, которого нужно уничтожить, а как к сотруднику в общем деле.

Так мы видим возможность изменения ценностной ориентации человека вне дарвиновского принципа конкуренции и борьбы за личностное превосходство. Поэтому вхождение системных представлений в мировоззрение нашей эпохи может привести к изменению его самооценки и принесет воскрешение гуманизма в основании мировоззренческих представлений о человеке.

Таким образом, оказывается, что в пределах представлений современной науки системный подход к эволюции порождает надежду на возврат к утраченной было человечности – человечности принципов гуманизма. Можно сказать, что он синхронен этим высшим этическим достижениям культуры. Он дает научное обоснование мировоззренческим концепциям гуманизма, подобно тому, как дарвинизм претендует на научное обоснование подхода антигуманистического. Итак, вопрос об этической позиции человека – вот основной вопрос, поставленный экологической проблематикой. А выход из экологического тупика – в гуманизации не только межчеловеческих отношений, но и всех областей деятельности человека, т. е. в восприятии новой системы ценностей – новой парадигмы, ориентированной на добро, гуманность и ненасилие.

И тут возникает центральный вопрос, наиболее важный в системе мировоззренческих представлений о жизни: если идея универсального развития по восходящей (т. е. глобального эволюционизма) выпадет из мировоззрения, как быть с привычными представлениями о человеке как вершине эволюционного развития. Выводы из системного подхода напрашиваются сами собой. Они выдвигают предположение, что возникновение единой линии эволюции, направленной на повышение сложности эволюционирующих систем,

не обязательно, поскольку биохимическая машина жизни работает на бактериальном уровне. А бактериальная биосфера вполне достаточна для действия биохимической машины планеты. Значит, и возникновение высших форм живого не обязательно.

А человек? Какова его роль и место в этой новой картина развития жизни? А может быть, человек просто случайность?

Опираясь на видение мира в рамках системного подхода, можно предположить, что человеческий вид при определенных условиях (например, системных изменениях биосферы) может исчезнуть, как исчезали виды, приспособленные к раскаленному палеозою. А вершину телесного и духовного развития может занять другой вид. И не только вид нашего типа развития, но, возможно, просто другая ветвь эволюции (типа насекомых или кораллов). Таковы предположения Заварзина.

Но эти частные предположения не могут поколебать общепринятую картину мира, в которой человечество представляется высшим этапом глобального эволюционного процесса.

Исходя из общепринятого видения мира формулируются и конкретные задачи улучшения человека. Они ставятся в зависимости от позиции авторов такого улучшения. Вопрос может идти о ликвидации наследственных болезней, о борьбе с предрасположенностью к онкологическим заболеваниям у отдельных индивидов и об общем улучшении природы человека: стремлении сделать его здоровым, улучшить его умственные способности и нравственные качества или улучшить арийскую расу или создать коммунистического человека и даже сделать его бессмертным.

Но наиболее актуальная проблема современности, поставленная современной экологической ситуацией – проблема преобразования человека, причем преобразования глобального, в планетарном масштабе, способного противостоять надвигающемуся экологическому кризису.

Идея необходимости изменения человека и, прежде всего, изменения его отношения к природному и социальному миру вошла в арсенал экологической мысли и породила множество проектов ее осуществления, над которыми работают многие выдающиеся ученые. И.Т. Фролов, В.С. Степин, А. Печчеи, А.Л. Яншин, Н.Н. Моисеев, Ю. Олейников, А.Д. Урсул, А.Т. Шаталов и др. – все пишут о необходимости изменения глубинных предпосылок поведения

человека, смены его представлений о своей роли в мире и о смысле собственного существования, смены направленности жизнедеятельности современного человека, которую сегодня предопределяет установка на овладение миром.

Задача формирования такого человека вызывает невольно сопоставление с другой задачей, – задачей формирования человека будущего коммунистического общества. Образ «строителя коммунизма» запечатлен в советской литературе. Идеальные строители коммунизма шествуют по страницам А. Платонова, А. Фаддеева и многих других авторов прошлой эпохи. Да, мы знали, какой человек нужен для построения нового справедливого общества, но создать такого человека так и не удалось.

Общий вывод из исследований большинства современных ученых гласит: необходимо изменить сознание и мировоззрение человека.

Убеждение научной общественности, что только замена существующего мировоззрения на новое и возникновение других норм и ценностей в отношении к природе – единственная возможность избежать катастрофы, остается центральным пунктом современных моделей выхода из экологического тупика. «Главное – изменить сознание. Для этого – работа человека в отношении самого себя. Человек должен остаться на Земле, но это должно быть другое сознание, другая культура», считает Гирусов¹⁵⁶.

Итак, задача, которая ставится теоретиками экологии, ясна: осуществить переворот в массовом сознании, переделать сознание миллионов и миллиардов, изменить их мировоззрение, обеспечить смену поведенческих норм и ценностных ориентиров и, тем самым, предотвратить надвигающуюся на человечество экологическую катастрофу.

3.7. Проблема преобразования человека

Поиск путей выхода из экологического кризиса продуцирует работу человеческой мысли по созданию моделей совершенного общества, способного преодолеть кризисную ситуацию, ста-

¹⁵⁶ Гирусов Э.В. Экологическое знание как теоретическая составляющая новой этики и культуры. С. 508.

новится все более напряженной. Здесь возникает проблема преобразования человека, способного противостоять наступающей катастрофе.

Идея преобразования человека играла большую роль в истории. Она бытует и теперь в современном общественном сознании, в многочисленных концепциях и проектах. Вот лишь некоторые из них:

- 1 преобразование человека в коммунизме,
- 2 ноосферогенезе,
- 3 космизме,
- 4 трансгуманизме.

Как правило, идея преобразования человека связана с ожиданием возникновения будущего идеального общества. Все проекты совершенствования общества явно или неявно подразумевают и усовершенствование человека.

Особенное значение приобрели представления о человеке будущего в концепциях марксизма. Рассматривая эти проекты, можно прийти к печальному выводу о том, что они не имели никакого основания, ни в биологических, ни в психологических, ни социальных характеристиках человека.

Это относится, прежде всего, к представлениям коммунизма о человеке. Русские революционеры, опираясь на идеи Маркса, обходили вниманием реальную природу человека. При планировании будущего совершенного общества они не учитывали сложнейшую организацию внутренней субъектности человека, его самости, его идентичности, его «Я», считая законы капитализма основным препятствием для построения общества будущего.

Так победившая Октябрьская революция ввела новые социальные и экономические порядки, рассчитанные на утопического человека (продразверстка) и, тем самым, поставила Россию на грань вымирания, вследствие страшного голода, возникшего в результате этих преобразований (до введения нэпа в 1921 г.).

Русский менталитет предреволюционного времени был насыщен утопическими мечтами о будущем идеальном обществе. Переделать хотели все: государство, семью, религию и даже язык. Знаменитая Е.И. Рерих писала о необходимости отмены сословий и народностей, о переделке городов как гнойников разврата. Она провозглашала необходимость разрушения домашнего очага и даже самого понятия дома во имя коллективизма.

Но проекты преобразования человека и общества не осуществились. Ожидание возникновения совершенного человека оказались напрасным. К.И. Чуковский (в Дневнике 1968 г.) писал: «...больно к концу жизни видеть, что все мечты Белинских, Герценов, Чернышевских, Некрасовых, бесчисленных народовольцев, социал-демократов и т. д., и т. д. обмануты, – и тот социальный рай, ради которого они были готовы умереть, – оказался разгулом бесправия и полицейщины»¹⁵⁷. Основной причиной провала коммунистического проекта явилось его противоречие природе человека.

Тем не менее проекты преобразования общества и человека продолжают жить в общественном сознании и сегодня. Они получают широкое распространение в ноосферных проектах, в проектах космизма (К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский, С.Г. Семенова и др.) и в новейших проектах трансгуманизма (Д. Ицков, Д.И. Дубровский и др.). В этих новых проектах природа человека также не учитываются. Ее сущность, ее свойства по-прежнему остаются за пределами внимания создателей новых представлений о человеке будущего. Мы сегодня, критикуя коммунизм, продолжаем уповать на возникновение нового человека без анализа и исследования сущностных свойств человеческой природы.

Но можно ли сделать вывод о принципиальной неосуществимости проектов преобразования человека?

Или человека все-таки можно преобразовать?

Этот вопрос приобретает новое значение сегодня, когда политическая, экономическая, и главное, экологическая ситуация изменились. Перед лицом экологической угрозы, чреватой опасностью вымирания всего человеческого рода, проблематика преобразования человека вышла на передний план и оказалась одной из наиболее важных проблем современности. Она теперь рассматривается со стороны возможности преодоления наступающего кризиса.

Профессор Д.И. Дубровский так описывает современную кризисную ситуацию: «Наша цивилизация движется либо к антропологической катастрофе, либо к выходу на более высокий уровень развития. В этой ситуации важнейшей задачей науки становится преодоление антропологического кризиса и определение путей научного, социального и духовного развития, позволяющих вывести

¹⁵⁷ Лукьянова И. Корней Чуковский. М., 2006.

нашу цивилизацию из тупика»¹⁵⁸. Он утверждает, что для выживания человечества необходимо преобразование человека. И, прежде всего, необходимо менять его сознание.

Менять сознание? Но как? И что такое человек с измененным сознанием? Останется ли он человеком?

Эта проблематика разрабатывается в концепциях трансгуманизма – нового направления в науке, рассматривающей проблему преобразования человека не в проектах отдаленного будущего, а в реальности сегодняшнего и завтрашнего дня под лозунгом «остановить деградацию и самоуничтожение современной цивилизации».

Вот две противоположные точки зрения на проблему преобразования человека:

1. Точка зрения трансгуманизма. Он утверждает необходимость трансформации человека путем развития конвергентных технологий (НБИКС) и создания постчеловека. Это будет означать поворот биологической эволюции к био-кибернетической и социо-кибернетической.

Авторы «Кибернетического манифеста» В. Турчин и К. Джослин полагают, что кибернетическая интеграция должна сохранить ядро человеческой личности, ибо она является двигателем эволюции, и сделать личность бессмертной.

Кибернетический манифест провозглашает: «Высокие цели эволюционного трансгуманизма определены пафосом стремления к неочеловечеству. Это цели кибернетического бессмертия, синтеза духовного и научного знания, создания социального субъекта»¹⁵⁹. Бессмертие выступает здесь как сверхзадача сознательно управляемой эволюции человека, преодолевшего биологическую телесность.

Здесь, как и в проектах коммунизма, мы снова встречаемся с идеями преобразования человека и создания нового улучшенного неочеловека, но уже другими, не экономическими, а технологическими средствами. Эти проекты отражают сокровенные мечтания о наступлении идеального будущего, противостоящего унылой

¹⁵⁸ Дубровский Д.И. Природа человека, антропологический кризис и кибернетическое бессмертие // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. М., 2013. С. 243.

¹⁵⁹ Манифест // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. М., 2013.

реальности настоящего. «Этот суперпроект нужен всему нашему обществу, вытеснившему из своего сознания перспективу близкой гибели, погрязшему в ненасытном потребительстве, меркантильных расчетах, оттеснившему на задворки души, увядшие высокие идеи и помыслы, без которых мы видим вокруг себя и часто в себе жалкую недочеловечность», утверждают трансгуманисты.

2. Представители второй позиции подходят к проблеме человека по-другому. Они считают, что трансформация человека является смертельной опасностью для всего человечества. Это опасность возникновения страшных «нелюдей», вместо возвышенного идеального постчеловека, появления которого ожидают трансгуманисты.

Академик В.А. Лекторский считает, что мы мало знаем о биологической и психологической природе человека и о природе его сознания. И потому манипулирование с ними может дать неожиданный, ужасный результат, способный уничтожить самого человека. Профессор В.А. Кутырев утверждает, что в идеях трансгуманизма работает ложное сознание, что его представления о постчеловеческом будущем – это смертоносный миф, а формирование идеологии постчеловека является созданием мировоззрения смерти. Трансгуманизм отрицает человека, заменяя его иным. Телесное воздвигается вместо духовного.

Эти возражения имеют принципиальный характер. Дело в том, что в многочисленных трудах, посвященных биокибернетической эволюции, пересадка сознания на кибернетический объект, как правило, рассматривается исключительно с технологической стороны. Возникает странная ситуация, когда полностью исчезает «человеческая» сторона проблемы. Природа человека сводится к материальному. Она конструируется техническим способом. Идеальное исключается.

Итак, из огромного числа вопросов, поставленных проблемой человека, наиболее существенным оказывается вопрос о том, сводимо или не сводимо «человеческое в человеке» (его специфика, его духовность, т. е. то, что относится к «идеальному» в человеке) к физиологическим и информационным процессам.

Для большинства представителей современной науки все в человеке, включая сферу его духовной жизни, определяется его материальной природой. Все высшие ценности: добро, красота, истина имеют свой источник в биологии человека. Поэтому в преддверии

антропологического кризиса сознание человека надо изменить. Такие убеждения охватывают все большее число представителей научной общественности. Здесь поражает вера людей, стоящих на самой вершине интеллектуальной элиты, в безусловную осуществимость этих идей на практике, т. е. в возможность полной реконструкции бытия. Современный человек находится во власти технократического мышления, которое порождает идею неограниченных возможностей преобразования не только природы, но и собственного телесного и психического статуса. Такой подход к человеку представлялся самоочевидным. Он определяет и позицию трансгуманизма.

Но человек обладает субъектностью, т. е. неотъемлемым, специфическим качеством, несводимым к биологическим и физическим процессам. Возникает проблема квалиа – ментальной составляющей человека. Она полностью субъективна. Это свойство человека игнорируется трансгуманизмом.

Мы знаем человека недостаточно, поэтому не можем делать достоверные выводы о том, что будет в результате попыток трансформации человека. Каков он будет?

Что останется от человека? И почему новый, сконструированный постчеловек станет носителем высших ценностей, как утверждают многие трансгуманисты. А может быть, вместо совершенного постчеловека произойдет самоуничтожение человека как такового?

Сегодня перед экологической мыслью стоит грандиозная задача внедрить новую систему ценностей в менталитет миллионов и направить их на путь спасения. Задача сходная с позицией религии. Сходство в задачах экологических и религиозных программ состоит в сознательном ограничении потребностей индивида и борьбы со своими разрушительными страстями, во имя высокой цели: в христианстве во имя служения Богу, в экологических учениях во имя спасения человечества от экологической катастрофы. Аналогию мы усматриваем в том, что в обоих случаях путь личного спасения индивида оказывается путем к спасению общему. Для христианства, как и для экологического сознания, служение Добру означает не только личное спасение, но и спасение во всемирном масштабе. Это сходство в стремлении к Добру и отторжении от Зла. Только в одном слу-

чае позиция будет научная, а в другом – религиозная. В обоих случаях – это проект, внедряющий идеи гуманизма по отношению к человеку и к природе.

Как христианское видение мира, так и ценностные установки экологии, построенные на системном видении мира, составляют основание гуманистического мировоззрения. За ним стоит история. С ней перекликается и гуманистическая традиция, восходящая к эпохам Возрождения и Просвещения. Шедевры культуры: живопись, литература, музыка, наполненные гуманистическим мироощущением, воспевание любви, добра, дружбы, жертвенности в борьбе за высокие идеалы – все это пропитывает самосознание человечества и противостоит принципам мировоззренческой позиции дарвинизма, как позиции антигуманистической.

3.8. Инновации в современной биологии

Сегодня происходят существенные изменения в исследованиях закономерностей жизни. Современный этап в развитии наук о живом – это этап быстрого накопления новых данных, многие из которых не вписываются в принятые научные представления, нередко противоречат друг другу и не объединяются в единую картину.

Эту общую тенденцию современного исследования в биологии, быстроту накопления фактов, обгоняющую возможность их интерпретации, подчеркивает известный биолог и популяризатор науки А.В. Марков. Исследуя психологические особенности восприятия науки общественным сознанием, он отмечает массовое неприятие многих ее выводов. Одной из причин неприятия научных знаний является несоответствие этих выводов врожденным свойствам человеческой психики и устоявшимся стереотипам общественного сознания. Человеку, с его точки зрения, необходима простая и ясная, общая картина мира. Лидирующее положение дарвинизма объясняется установкой на сведение всех сложностей развития живого к естественному отбору, что является наиболее простым и привычным для нашего современника способом понимания мира. Он убежден, что «жизнь развивается как единое целое. “Блочная сборка”, информационный обмен, кооперация, сим-

биоз – вот на чем основывалось развитие жизни, начиная с ее первых шагов на Земле. Как это не похоже на старые представления о всеобщей безжалостной борьбе и изолированном, одиноком пути каждого отдельного вида!»¹⁶⁰. Он полностью отвергает как классический дарвинизм, так и классическую СТЭ, показывая их архаичность. Он полагает, что объединение дарвинизма с генетикой было последней попыткой создания единой картины эволюции жизни: «Ученым стало казаться, что расшифровка структуры ДНК и генетического кода дает возможность формулировать основополагающие законы биологии и что главный секрет жизни разгадан. Но вскоре эта концепция “затрещала по швам”, распираемая изнутри новыми данными молекулярной биологии и других биологических дисциплин»¹⁶¹. Он считает, что сегодня и классический неodarвинизм и классическая СТЭ образца середины прошлого века похожи скорее на музейные экспонаты, чем на живые рабочие теории, поскольку многочисленные модификации существенно изменили наши представления об эволюции. А новые, выявленные наукой данные о биологической эволюции, хотя и не складываются сегодня в единое целостное представление, тем не менее, утверждают ведущую роль синтеза и взаимопомощи в живой природе.

Он полагает, что сегодня единой картины развития жизни не существует. Современное биологическое знание, по его мнению, – это лоскутное одеяло (и не одеяло даже, а набор разных лоскутков, в котором контуры одеяла, как очертания целого, только угадываются). Исходя из этих представлений, Марков делает заключение о преждевременности создания целостной картины эволюции.

Итак, беглый взгляд на положение в современной биологии позволяет утверждать, что в науке и научном мировоззрении функционируют многочисленные и разнохарактерные представления о природе жизни, которые часто не дополняют, а отрицают друг друга. Они создают различное понимание общих закономерностей живого, а значит и человека, общества и перспектив их будущего развития.

Они не равноправны. Концепции, основанные на системном подходе и, в особенности, опирающиеся на микробиологический материал, как правило, имеют хождение исключительно в научных

¹⁶⁰ Марков А.В. Рождение сложности. Эволюционная биология сегодня: неожиданные открытия и новые вопросы. М., 2010. С. 32.

¹⁶¹ Там же. С. 18.

кругах, не выходя за рамки их научных интересов. Тем более остаются за пределами общественного внимания и современные разрозненные достижения науки, утверждающие «лоскутность» биологии и невозможность объединения этих представлений в некую целостность. Эти данные остаются пока в ведении специалистов и не влияют на общие представления об универсальных закономерностях живого.

Различие в понимании общих закономерностей мира показывает их зависимость от характера мировоззрения эпохи, от ценностных предпочтений или религиозных убеждений их создателей. Эти общие представления могут вывести человека за рамки научного понимания и обратить его к представлениям обыденного сознания и даже квазинауки.

А общественное сознание по-прежнему ориентировано на дарвинизм. Его представления об универсальных законах жизни остаются нерушимыми не только в современном сознании общества, но и во мнении большинства ученых разных направлений, в том числе и биологов. Это означает, что в мировоззрении общества понятия «войны», «насилия» и «конкуренции» по-прежнему остаются основополагающими и формируют представления о закономерностях мировых процессов, и современную философию природы. Они задают понимание природы человека, его деятельности и определяет сегодня «духовный климат» эпохи.

Но дело не просто в возможности или невозможности переделки человека. Дело в том, что переделка человека будет означать разрушение системы жизни на Земле, в которую он включен, и потому гибельна и для самого человека. Например, переделка его в автотрофа нарушит всю отлаженную систему пищевых зависимостей и приведет к общей катастрофе.

Жизнь и человечество вовсе не пластичны, не глина, из которой можно лепить все, что спроектировано замыслами человека. В природе действуют фундаментальные законы, которые нельзя нарушать. Человек не должен вести себя в отношении к природе (в том числе и собственной) как современный богат в новокупленной квартире – который собрался перестраивать в ней все. Нам позволено переставлять мебель, встраивать шкафы и немного поправлять стены – только в этом наша свобода. Но ломать несущие конструкции у здания нам не дозволено, иначе

оно завалится и погребет нас под собой. Переделка человека и создание нового человека, в соответствии с нашими человеческими замыслами (какими бы замечательными они нам ни казались) – это и есть переделка фундаментальных принципов бытия, несущих конструкций всего здания жизни, которая может повлечь за собой нашу общую гибель. Но наша цивилизация принимает все более потребительский характер, не только не собираясь ограничивать себя, а напротив, провозглашает прямо противоположную стратегию в отношении природы.

В преодолении этой ситуации и состоит главная проблема экологической защиты от наступающего кризиса. И решение ее нам видится через преодоление утопических проектов, которые утверждают идею о безграничной власти человека над природой. Человеческая гордыня, Богоборчество – вот чем оборачиваются утопические представления о человеческой природе сегодня! Сумеет ли человек обуздать себя или в упоении от мощи, своего разума и своей науки он опрокинет на себя Вселенную и погибнет под ее обломками?

Тысячелетия развития утопической мысли убедили нас в том, что человеческий разум не есть разумная сила природы. Человек – носитель Разума – неразумен, и добро в нем перепутано со злом. И.Т. Касавин пишет о заблуждающемся разуме, о том, что его открытия и все большее постижение им тайн природы – это не движение по прямой линии. Путь разума к вершинам и открытиям лежит через пропасти падений. Сейчас, в эпоху глобальных кризисов, надо решать, как обезопасить наш разум, как сделать, чтобы его падения и заблуждения не оказались роковыми для самой судьбы человечества, для его дальнейшего существования.

Так экологический кризис выводит нас на проблему, которую принято относить к предельным вопросам бытия.

Мы видим, что эта проблема – проблема природы человека, его сущности и сознания стала сегодня наиболее актуальной в деле спасения человечества от надвигающейся гибели.

ГЛАВА 4 ЭКОСИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЕ

Общей и основной задачей данной книги является попытка проанализировать, как открытия, инновации в области наук о жизни влияют на трансформацию традиционных философских представлений. В данной главе в качестве такой инновации рассматривается экосистемный подход и экосистемная теория эволюции (ЭТЭ), формирующаяся как альтернатива функционирующей синтетической теории эволюции (СТЭ). В качестве же философских представлений выступает философия информационной среды и информационного общества, привлекающая к себе все больше внимания в связи с процессами информационного взрыва и информационной революции.

Прежде чем приступить к анализу экосистемного подхода к информационной среде, необходимо понять, как соотносится информационная среда с более общим понятием – окружающей человека средой, как изменялось это соотношение на протяжении развития человечества. Для этого нужно определиться с терминами: что же мы понимаем под информационной средой, чем этот термин отличается от термина «информационное общество», в чем специфика современной информационной среды, каковы ее составляющие и какие этапы прошла она в своем становлении.

4.1. «Информационная среда» и «информационное общество»: сходства и различия

В последней четверти XX в. человечество перешло к новой стадии своего развития – стадии построения информационного общества. Наиболее экономически развитые страны Северной Америки, Западной Европы и Юго-Восточной Азии уже достигли на этом пути значительных успехов.

Если говорить об истоках концепции информационного общества, то основополагающей можно считать концепцию постиндустриального общества, разработанную в 70-е гг. XX в. американским социологом Дэниэлом Беллом. По определению Д. Белла, «постиндустриальное общество... является также коммунальным обществом, где социальной единицей выступает скорее отдельное сообщество, нежели индивид»¹⁶².

В своей работе «Грядущее постиндустриальное общество» Белл пишет, что переход от индустриального (капиталистического) общества к постиндустриальному (коммунальному) связан с компьютеризацией и информатизацией общества в результате третьей технологической революции. Главными ценностями информационного общества являются не собственность и власть, как в индустриальном обществе, а информация и знания (научный потенциал). Как считает Белл, «в настоящем столетии решающее значение для экономической и социальной жизни, для способов производства знания, а также для характера трудовой деятельности человека приобретет становление нового социального уклада, зиждущегося на телекоммуникациях. Революция в организации и обработке информации и знаний, в которой центральную роль играет компьютер, развертывается одновременно со становлением постиндустриального общества»¹⁶³. Таким образом, концепция информационного общества Д. Белла органично вытекает из его теории постиндустриального общества.

Определяя характеристики новой, формирующейся социальной системы, необходимо не только выделить лежащие на поверхности социальные изменения, такие как уменьшение доли ручного

¹⁶² Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 172.

¹⁶³ Там же. С. 330–342.

труда или зарождение новых социальных отношений, но и определить суть, базу этой новой системы. Наиболее важным для постиндустриального общества, по мнению Д. Белла, становится не переход от критериев собственности или политики к знанию как основе господства, а изменение характера самих знаний. Для нового общества характерно возрастание роли теоретических знаний, господство теории над практикой и перекодировка знаний в абстрактные системы символов, которые могут быть использованы в различных ситуациях. Сейчас каждое государство приветствует инновации, а их фундамент состоит именно из теоретических знаний. Компьютерное моделирование самых разных процессов (сценариев экономического развития, социальных тенденций или выхода из кризиса) впервые дает нам возможность проведения широкомасштабных «управляемых экспериментов» в общественных науках. Такого рода эксперименты открывают новые перспективы в разных областях, значительно раздвигая тем самым рамки управления обстоятельствами, влияющими на нашу жизнь.

Существенный вклад в теорию информационного общества внесла концепция «третьей волны», выдвинутая Э. Тоффлером. «Первая волна», по определению Тоффлера, представляет собой сельскохозяйственную цивилизацию, вторая – индустриальную. Третья технологическая волна связана с широким использованием электроники, автоматики и компьютерной техники. Самым важным сырьем для цивилизации «третьей волны» должна стать информация: «информация приобретет большую ценность, чем когда-либо, и новая цивилизация перестроит систему образования и научных исследований, а кроме того, реорганизует средства массовой информации»¹⁶⁴.

От человека «третьей волны» требуется высокий уровень образования и проявление творческих способностей. Тоффлер одним из первых описал социокультурные изменения в современном обществе, происходящие под влиянием информатизации. Возникает так называемая «клип-культура»: вместо длинных «нитей» идей, связанных друг с другом, распространяются «клипы», «кочки» информации (разрозненные обрывки новостей, объявлений, команд): «...нас все больше пичкают короткими модульными вспышками информации – рекламой, командами, теория-

¹⁶⁴ Тоффлер Э. Третья волна. М., 2002. С. 560.

ми, обрывками новостей, какими-то обрезанными, усеченными кусочками, не укладывающимися в наши прежние ментальные ячейки»¹⁶⁵. Человек, вместо того, чтобы просто использовать уже готовую заранее сконструированную модель реальности, должен снова и снова изобретать ее. По мнению Тоффлера, это способствует становлению индивидуальности, демассификации личности и культуры.

Тоффлер считает, что в цивилизации «третьей волны» очень важное значение приобретет дом, человеческое жилище. «Рост самообеспечения, распространение “электронных коттеджей”, появление новых организационных структур в бизнесе, автоматизация и демассификация производства – все это указывает на то, что дом станет центральной единицей будущего – единицей, выполняющей определенные экономические, медицинские, образовательные и социальные функции»¹⁶⁶. Но играть центральную роль в обществе, как ранее церковь или государство, дом вряд ли будет, т. к. новое общество будет построено скорее в виде сети, чем в виде иерархии общественных институтов.

Вообще, видение Тоффлером цивилизации «третьей волны» весьма оптимистично (причем он заранее отвергает обвинения в утопичности, называя свое видение общества будущего «практикой»). «Это цивилизация, поощряющая индивидуальное развитие, приветствующая (а не подавляющая) расовое, региональное, религиозное и культурное разнообразие. Цивилизация, в значительной степени организованная вокруг дома. Цивилизация, не застывшая, но пульсирующая, непрерывно порождающая новое, и в то же время способная обеспечить стабильность тем, кто в ней нуждается. Цивилизация, которая не отдает все свои силы и энергию рынку. Цивилизация, способная направить сильные страсти в искусство. Цивилизация, стоящая перед лицом беспрецедентных в истории выборов и необходимостью выработки новых этических и моральных норм, на основе которых этот выбор можно осуществлять. И наконец, это демократическая и гуманная цивилизация, поддерживающая равновесие с биосферой и не попадающая в опасную экономическую зависимость от остального мира»¹⁶⁷.

¹⁶⁵ Тоффлер Э. Третья волна. С. 278.

¹⁶⁶ Там же. С. 564.

¹⁶⁷ Там же. С. 570.

Т. Стоуньер также выделяет три исторические формы хозяйствования (аграрное, индустриальное и информационное общество). Анализируя новое общество, которое зародилось благодаря изменению хозяйственного уклада, Стоуньер пишет: «Точно так же, как во времена Смита, центр тяжести экономики стал смещаться от сельского хозяйства к промышленности, так и сегодня он смещается от промышленности к информации. И подобно тому, как в конце XVIII – начале XIX в. сложилась постаграрная экономика, так сегодня технологически передовые секторы глобального общества переходят на стадию постиндустриальной экономики»¹⁶⁸. В информационном обществе овеществленная информация превращается в ведущий фактор экономического развития, основную экономическую ценность общества. Информация – это ресурс, которым можно свободно делиться, поскольку он не растрачивается.

Достаточно развернутая концепция информационного общества представлена в трудах японского ученого Й. Масуды. Ведущей силой формирования и развития общества будет производство информационных ценностей, а не материальных благ. Цель компьютерных технологий в информационном обществе – замещение и совершенствование умственного труда человека. Информационная революция резко расширит интеллектуальные и производственные возможности человека и реализует массовое производство когнитивной информации и систематизированного знания. Производителем центром индустриального общества являлось промышленное предприятие, в обществе же информационном его место займет информационная инфраструктура. Ведущими отраслями экономики в информационном обществе станут интеллектуальные индустрии, а управлять порядком в обществе будет принцип общей цели, а не закон силы, как в индустриальном обществе.

Стадию компьютеризации, которая приведет к расцвету массового творчества, Масуда называет «высокоорганизованным креативным обществом». Высшей ценностью в таком обществе становится время, что напрямую связано с процессом компьютеризации. Как считает Масуда, с развитием компьютеризации происходит переход от материального производства к синергичной, или информационной экономике, основной характеристикой про-

¹⁶⁸ *Стоуньер Т.* Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 397.

дукции которой будет самовозрастание. Будущее информационного общества он связывает с формированием высокоорганизованного гуманистического общества.

Французский социолог Ален Турен называет постиндустриальное общество, в которое мы входим, «коммуникативным обществом» из-за ускоренного развития коммуникаций и информационных технологий. Изменяется вся система общественных отношений: способность производить продукцию начинает все более зависеть от инвестиций в науку и технику, а управление все более основывается на способности использовать сложные системы информации. По мнению Турена, главной чертой информационного общества является креативность, т. е. развитие способностей индивида к творчеству. В отличие от Масуды, который основное внимание уделяет развитию компьютерных технологий, Турен рассматривает социальную онтологию информационного общества. Информационное общество, по Турену, является не продуктом естественных законов или специфических технологий, а результатом воздействия общества на себя само.

Испанский философ Мануэль Кастельс развивает концепцию информационного общества как «сетевое общества». Кастельс выделяет в истории человечества три способа развития: аграрный, индустриальный и информационный. Под новым информационным способом развития Кастельс имеет в виду технологию генерирования знаний, обработки информации и символической коммуникации.

Ключевой чертой информационного общества является сетевая логика его базовой структуры. Кастельс называет информационное общество сетевым обществом потому, что «оно создано сетями производства, власти и опыта, которые образуют культуру виртуальности в глобальных потоках, пересекающих время и пространство»¹⁶⁹. В условиях глобальной информационной экономики реальными производственными единицами становятся сетевые предприятия. Информация циркулирует в сетях: в сетях внутри предприятия и в сетях между предприятиями, в персональных сетях и в глобальных компьютерных сетях. С экономической точки зрения сетевое предприятие все больше становится интернациональным.

¹⁶⁹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М., 2000. С. 505.

В информационном обществе происходит изменение характера коммуникации за счет интеграции различных способов коммуникации (письменных, устных, аудиовизуальных) в интерактивные информационные сети. Изменение характера коммуникации, в свою очередь, приводит к изменениям в культуре, рождая новую культуру реальной виртуальности.

Поскольку Кастельс понимает информационное общество, прежде всего, как сетевое общество, логично, что основным его феноменом он считает всемирную информационно-коммуникационную сеть – Интернет. «Если информационная технология – это нынешний эквивалент электричества в эпоху индустриализации, то современный Интернет можно было бы уподобить энергетической системе и электродвигателю, потому что он способен поставлять «информационную энергию» для любых сфер человеческой деятельности»¹⁷⁰.

«Пророк электронной коммуникации» Маршалл Маклюэн полагал, что средство (или базовая технология) нашего времени – электронная технология – задает новую форму и меняет схемы социальной взаимозависимости, а также все составляющие нашей повседневной жизни.

Жизнь социума зависит в большей мере от характера средств, за счет которых люди осуществляют коммуникацию, чем от содержания их сообщений. «Азбука и книгопечатание поддерживали и поощряли процесс разъединения, специализации и обособления. Электронная техника питает и поощряет процесс объединения и спутывания. Не зная действия средств коммуникации, невозможно понять общественные и культурные изменения»¹⁷¹, – пишет Маклюэн.

Электронная связь отменила неизбежность понятий «времени» и «пространства» и втягивает нас немедленно и постоянно в жизнь и проблемы других людей. Диалог теперь осуществляется в глобальных масштабах. Прежние государственные, гражданские и национальные объединения теряют свою силу.

С появлением новых технологий требует модернизации и сфера образования. Существенные различия лежат между современной домашней средой, пронизанной электронной информацией,

¹⁷⁰ Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, 2001. С. 13.

¹⁷¹ Маклюэн М. Средство само есть содержание // Информационное общество. М., 2004. С 341.

и школьным классом. Сегодняшний «телевизионный ребенок» ориентирован на самые свежие и «острые» «взрослые» новости – инфляцию, протестные марши, войну, безработицу, криминал, на «мисс мира» в купальниках – и растерян при попадании в среду XIX в., которая все еще отличает учебные заведения, где информация скудна, но упорядочена и «разложена по полочкам».

Не существует больше публики – в значении объединения и согласованности разнородных точек зрения. Сегодня массовой аудитории (преемнице «публики») предоставляют массу пассивных развлечений. «Возникает новая форма политики, причем такими путями, которых мы еще не заметили. Жилая комната стала кабиной голосования. Участие с помощью телевидения в маршах Свободы, в войне, революции, надругательствах и других событиях изменяет все...»¹⁷².

Сеть электронных коммуникаций является продолжением нашей центральной нервной системы. Средства коммуникаций, изменяя среду, вызывают в нас необычные соотношения восприятий органов чувств. Изменение любого чувства изменяет весь образ нашего мышления и деятельности, а вместе с тем – и наше мировосприятие и мировоззрение. Когда изменяются эти параметры, изменяются и сами люди.

Российский кибернетик Р.Ф. Абдеев предложил концепцию информационного общества как «эквипотенциальной системы». Эквипотенциальными системами он называет «системы более высокого уровня и с качественно новыми принципами организации, возникшие из систем нижестоящего уровня и содержащие их в своей структуре, включая элементы аналогии на макроуровне»¹⁷³. Человеческое общество является эквипотенциальной системой по отношению к естественно возникшим информационным структурам неорганической и органической природы. В основе процессов управления и самоорганизации в живой природе и в человеческом обществе лежит информация, поэтому возникновение информационного общества представляет собой качественно новый этап в процессах самоорганизации информационных структур.

В своей работе «Философия информационной цивилизации» Р.Ф. Абдеев выделяет следующие основные черты информационного общества.

¹⁷² Маклюэн М. Средство само есть содержание. С. 343.

¹⁷³ Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. М., 1994. С. 298.

1. Сокращение числа занятых в промышленности и в сельском хозяйстве.

2. Информация становится новым ресурсом человечества, снижается потребность во многих привычных видах сырья.

3. Научоемкие производства позволят добиваться значительных успехов в экономике даже малым государствам.

4. Власть информации и власть интеллекта в государстве должны пронизывать все остальные власти: законодательную, исполнительную и судебную.

5. Невиданное возрастание динамизма экономики.

6. Возникновение дисбаланса между «быстрыми» и «медленными» экономиками.

7. Все большие вложения капитала в образование, здравоохранение и охрану природы.

Российский экономист В.Л. Иноземцев называет информационную цивилизацию «постэкономическим обществом». В своей монографии «Расколота цивилизация» В.Л. Иноземцев выделяет три основных составляющих постэкономической трансформации. Первая – это разрушение отношений стоимости и ослабление роли рынка. В информационном обществе происходит потребление благ по большей части как символических, а не как материальных ценностей.

Вторая составляющая постэкономической трансформации – это вытеснение частной собственности на средства производства и замена ее личной собственностью. Главным ресурсом информационной экономики страны становятся совокупные знания ее работников и их высокая квалификация. Источником независимости и свободы современных интеллектуальных работников становится их личная собственность, т. е. интеллектуальный потенциал работника и принадлежащие ему орудия производства.

Третьей составной частью постэкономической трансформации является превращение творчества в основной вид человеческой деятельности, что эквивалентно становлению свободы, не ограниченной экономическими факторами. «Основой для постэкономического общества, – пишет В.Л. Иноземцев, – является переориентация интересов человека на задачи развития собственной личности»¹⁷⁴.

¹⁷⁴ *Иноземцев В.Л.* За пределами экономического общества. М., 1998. С. 162.

Российский ученый А.И. Ракитов, изучающий философские проблемы научно-технологического прогресса, формулирует свою концепцию информационного общества в книге «Философия компьютерной революции».

По А.И. Ракитову, общество является информационным, если:

1) каждый индивид или группа людей, организация или предприятие в любой точке мира и в любой момент времени могут получить за определенную плату или бесплатно по принципу свободного доступа к хранилищам информации любые информацию и знания;

2) в обществе создаются, функционируют и доступны любому пользователю современные информационные технологии, обеспечивающие выполнение предшествующего условия;

3) имеется развитая инфраструктура, способствующая созданию национальных информационных ресурсов в объеме, необходимом для обеспечения и постоянного ускорения научно-технического и социального прогресса. Общество способно производить всю необходимую для жизнедеятельности информацию (прежде всего, научную);

4) в обществе происходит процесс быстрой роботизации и автоматизации всех отраслей и сфер экономики и управления;

5) качественно изменяются структуры общества, следствием чего становится расширение сферы услуг и информационной деятельности¹⁷⁵.

Таким образом, мы видим, что во всех вышеперечисленных концепциях информационного общества на первый план выдвигаются экономический и социально-экономический аспекты (информация как новый экономический ресурс; смена экономического уклада). В рамках же данной работы нас прежде всего интересует социокультурный аспект таких взаимосвязанных (но не тождественных) понятий, как «информационная среда» и «информационное общество». А социокультурный аспект всегда связан с местом и ролью человека в различного рода средах или типах социального устройства. Поэтому анализ именно «информационной среды» представляется более плодотворным для рассмотрения этого аспекта. Важность акцента именно на понятии «среда» ста-

¹⁷⁵ Ракитов А.И. Философия компьютерной революции. М., 1991. С. 32.

нет еще более очевидной, когда мы (в следующих параграфах главы) будем говорить о человеке, как биосоциальном существе как части экосистемы, а значит, и окружающей среды в целом.

Существование человека невозможно без постоянного получения информации из внешнего мира, но ничто, в свою очередь, не изменяется с такой скоростью и не оказывает на человека, на его сознание и мировоззрение, такого влияния, как информационные потоки.

В.З. Коган в своей книге «Человек в потоке информации» пишет: «Вряд ли кто-нибудь возьмется доказать, что на долгом и нелегком историческом пути, пройденном человечеством, можно обнаружить участки, не озаренные вначале тусклым, а затем все более ярким светом информационных процессов»¹⁷⁶.

Для дальнейшего анализа представляется важным четко определить, что же такое информационная среда, какие этапы прошла она в своем развитии – с древних времен до той эпохи, в которую живет современный человек – информационной эпохи, ибо, как пишет В.А. Колеватов, «в любом обществе складывается независимая от индивида социокультурная организация добывания, хранения и передачи информации, знаний. Эта система как бы “генерирует” информационное поле, в котором живёт и действует человек, и программирует деятельность входящих в нее индивидов»¹⁷⁷.

На ранних этапах человеческой истории информационная среда отождествлялась с окружающей природной средой. Основным источником информации была природа, от которой полностью зависела жизнь людей. По мере того, как общество развивалось, происходило накопление вторичной, социальной информации, которая на сегодняшний день играет основную роль в развитии отдельного человека и общества в целом. Современную информационную среду можно понимать как совокупность информационных условий жизнедеятельности человека (наличие информационных ресурсов и их качество, степень развитости информационной инфраструктуры), а также экономических и социокультурных условий протекания процессов информатизации. Информационная среда со всеми своими атрибутами (электронные средства массовой коммуникации – телевидение, радио, Интернет; компьютеризация

¹⁷⁶ Коган В.З. Человек в потоке информации. Новосибирск, 1981. С. 3.

¹⁷⁷ Колеватов В.А. Социальная память и познание. М., 1984. С. 12.

всех областей жизни) стала настолько всеобъемлющим явлением в жизни современного общества, что нашу эпоху можно без преувеличения назвать информационной эпохой.

Вообще, понятие «среда» (применительно к человеку) отражает взаимосвязь условий, влияющих на его развитие. Предполагается взаимодействие, взаимовлияние человека и среды. Информационная среда не является исключением в этом смысле.

В российской науке проблемы информационной среды впервые стали разрабатываться Ю.А. Шрейдером в 70-х гг. XX в. Шрейдер писал, что «информационная среда или сфера – это мир информации вокруг человека и мир его информационной деятельности»¹⁷⁸.

Авторы «Концепции информатизации сферы образования Российской Федерации», утвержденной 10 июля 1998 г., под информационной средой понимают «совокупность программно-аппаратных средств, информационных сетей связи, организационно-методических элементов системы высшей школы и прикладной информации о предметной области, понимаемой и применяемой различными пользователями, возможно с разными целями и в разных смыслах»¹⁷⁹.

В анализе информационной среды можно выделить несколько аспектов¹⁸⁰.

Во-первых, деятельностный аспект. Человек при этом рассматривается как участник процесса коммуникации, т. е. как субъект, облакающий личное знание в ту форму, в которой оно может быть передано другим людям (т. е. в форму информации). Затем происходит обратный процесс – воспринятая человеком информация превращается в его личное знание.

Во-вторых, информационная среда – это система исторически сложившихся форм коммуникации.

¹⁷⁸ Шрейдер Ю.А. Информационные процессы и информационная среда // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. М., 1976. № 1. С. 3.

¹⁷⁹ Концепция информатизации сферы образования Российской Федерации // Пробл. информатизации высш. шк. 1998. № 3–4. С. 32.

¹⁸⁰ Бутова В.Н. К вопросу формирования информационной среды вуза. // Изв/Регионал/ финансово-эконом/ ин-га. 2013. № 1. URL: <http://science.rfei.ru/ru/2013/1/2.html> (дата обращения: 11.03.2016).

В-третьих, это информационная инфраструктура как продукт общественной жизни, способствующая развитию коммуникативной деятельности в масштабах, соответствующих уровню развития данного общества: средства массовой информации, издательства, библиотеки, банки данных, информационные центры, и т. п.

В основе развития и существования информационной среды лежит особая знаково-символическая субстанция, называемая информацией. Информация, с одной стороны, служит важнейшей составляющей искусственно созданной среды, окружающей человека, а с другой – основным средством межличностных взаимоотношений. М. Порат определяет информацию как «данные, которые были организованы и переданы»¹⁸¹. В современных условиях информация, обеспечивающая наиболее важные направления деятельности человека, превращается в наиболее ценный продукт и основной товар.

Если говорить об онтологии информационной реальности, то здесь основополагающим компонентом также является информация, закономерности ее развития, информационная картина мира, информационные процессы, все формы генерации информации, структуры информационного взаимодействия и форм движения.

Существует несколько подходов к определению информации, основными среди них являются следующие: атрибутивный, функционально-кибернетический и социальный (антропоцентрический). В атрибутивных концепциях информация рассматривается как атрибут материи, ее неотъемлемое свойство. Информация здесь понимается как мера организованности, упорядоченности, разнообразия, отражения. Функционально-кибернетические концепции представляют информацию как функциональное свойство или особую форму функциональной связи, свойственную кибернетическим самоуправляемым системам различного происхождения: биологическим, социальным и искусственно созданным (техническим). Социальные (антропоцентрические) концепции рассматривают информацию как атрибут социальных систем. Понятие «информация» сближается здесь с понятиями «коммуникация» и «знание».

¹⁸¹ Porat M., Rubin M. The Information Economy: Development and Measurement. Wash., 1978. P. 31.

Некоторые исследователи подчеркивают «виртуальный» характер современной информационной среды: «в мире сложилась определенная информационная среда взаимодействия людей – информационно-телекоммуникационное пространство, в котором поведение человека коррелируется не с объективной информацией об окружающих его объектах и событиях, а с коммуникативной информацией, содержащей мнение об этих объектах других людей»¹⁸².

Хотелось бы отметить, что информационное пространство не тождественно информационной среде: находясь в одном и том же информационном пространстве, человек может перемещаться между информационными средами. Например, из информационной среды школы или института – в информационную среду языковых курсов, музея или компьютерной игры.

В статье (а точнее, рецензии на книгу К.К. Колина «Философские проблемы информатики») под названием «Информатика и новая информационная реальность» В.А. Луков и Э.К. Погорский пишут о том, что, начиная с 1960–1980-х гг. во многих положениях работ в области информатики (теория передачи сигналов по каналам связи К. Шеннона, трактовка информации как меры разнообразия У.Р. Эшби, обоснование информатики как фундаментальной науки А.П. Ершова) проглядывает «потребность увидеть в информации *особую реальность*, которая несводима к тому, что уже известно о мире физическом и мире духовном, и является связующим звеном между живой и неживой природой, человеком и обществом»¹⁸³.

Информационной реальности¹⁸⁴ многими авторами сегодня придается глобальное значение, о ней говорят, как о «стратегическом курсе общества, как о ресурсе, определяющем уровень

¹⁸² Денисова А.Б., Сенюшина В.Г. Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7792> (дата обращения: 08.06.2016).

¹⁸³ Луков В.А., Погорский Э.К. Информатика и новая информационная реальность: философский взгляд // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 2. С. 290.

¹⁸⁴ Необходимо оговориться, что в данной работе не ставится цели дать точное и исчерпывающее определение понятию информационной реальности и сравнить его, например, с понятием «информационная среда». Такая задача потребовала бы отдельного исследования, для которого, возможно, еще не пришло время. Это связано с тем, что данные понятия являются не статичными, а «становящимися», т. е. базируются на быстро развивающихся и изменяющихся информационно-коммуникационных технологиях. Поэтому в данной рабо-

развития государства. Информационная реальность обеспечит переход общества от индустриального типа развития к информационному. Информационный рынок предоставит потребителям все необходимые информационные продукты и услуги, а их производство обеспечит индустрия информационной реальности¹⁸⁵. Подобного рода вопросы сегодня активно дискутируются в научном сообществе, хотя до сих пор не выработано единого мнения относительно точного содержания понятия информационной реальности, путей ее развития, понимания приоритетности того или иного направления, и т. д.

Современная информационная реальность представляет собой сложную динамическую систему, включающую ряд компонентов. Сегодня существует много подходов и взглядов на понятие и структуру информационной реальности.

По мнению В.П. Котенко¹⁸⁶, основу информационной реальности составляют три понятия – информация, информатика и информатизация. В.А. Герасименко центральным предметом изучения считает информацию «как атрибут объективного мира, имеющий теоретическое и практическое значение для современного общества»¹⁸⁷.

Понятие «информационная реальность» не является статичным, неподвижным, оно изменялось, прогрессировало, и это следует учитывать, осмысливая его нынешний этап и перспективы развития в будущем.

«Сегодня, – пишет Э.П. Семенюк, – совокупность потоков, систем и сетей социальной информации самых различных видов стала настолько значимой, что нет сомнения – они составляют особую область реальности, несводимую к другим. Это информационная сфера общества, непрерывный и многообразный обмен информацией между людьми»¹⁸⁸. Все чаще появляются в работах

те понятия «информационная среда» и «информационная реальность» можно воспринимать как синонимы, за исключением тех случаев, когда различие между ними специально оговорено.

¹⁸⁵ История информатики и философия информационной реальности / Под ред. Р.М. Юсупова, В.П. Котенко. М., 2007. С. 133.

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ Герасименко В.А. Основы информационной грамоты. М., 1996. С. 112.

¹⁸⁸ Семенюк Э.П. Информатика: достижения, перспективы, возможности. М., 1988. С. 163.

ученых краткие термины для обозначения этой весьма емкой и исключительно важной сейчас стороны действительности: «инфосфера» (А.П. Ершов), «инфоноосфера» (А.П. Суханов). Ряд исследователей к структуре информационной реальности относят: науки, изучающие информацию (кибернетика, семиотика, синергетика, разработки искусственного интеллекта); отрасли, использующие информационные технологии (радиоэлектроника, телевидение, образование, медицина и многие другие); средства производства, передачи и хранения информации; потребителей информации¹⁸⁹.

К.К. Колин предлагает включить в информационную реальность не только весь технологический комплекс информационно-коммуникационных средств того или иного государства, но и сеть научно-исследовательских, административных, учебных, коммерческих и других организаций и институтов общества, деятельность которых способствует развитию и эффективному использованию информационных ресурсов, а также обучению необходимого количества квалифицированных специалистов¹⁹⁰.

Информационная реальность представляет собой сложную многокомпонентную систему. Компоненты информационной реальности, объединяясь с категориями, законами, принципами, концепциями и теориями, образуют философию информационной реальности.

В социальном смысле информационная реальность – это, прежде всего, информационное общество. Как показано выше, в концепциях многих признанных теоретиков информационного общества (Д. Белл, А. Турен, Э. Тоффлер, Й. Масуда, А.И. Ракитов и т. д.) понятия «информация» и «знание» отождествляются. Интересен в этой связи взгляд отечественного исследователя, социолога Д.В. Иванова. Он выступает как раз против такого отождествления информации и знания.

Для того, чтобы лучше разобраться в этом вопросе, попытаемся обобщить основные философские, социологические и культурологические концепции информационного общества

¹⁸⁹ Герасимов И.В., Стрекалова Г.А., Чугунов Л.А. Информационные объекты и модели. СПб., 1988; Блюменану Д.И. Информация и информационный сервис. М., 1989.

¹⁹⁰ Колин К.К. Социальная информатика. Учеб. пособие для вузов. М., 2003. 432 с.

конца XX – начала XXI в. (кратко проанализированные в начале данного параграфа). Базовые черты этого типа социальной организации можно представить следующим образом:

1. Общественная жизнь в информационном обществе определяется научным знанием. В качестве определяющего фактора оно замещает труд (ручной и механизированный), который в предшествующих типах общественного устройства определял стоимость товаров и услуг. То, что раньше было экономической и социальной функцией капитала, теперь – функция информации. Вследствие этого, основным институтом общества становится университет как место получения, переработки и хранения знаний. Экономический фактор утрачивает основную роль.

2. Уровень знаний, а не материальные блага, становится основным фактором социальной стратификации. Появляется новое основание деления на «богатых» и «бедных»: высшие слои общества образуют информированные люди, в то время как не получающие достаточной информации оказываются на периферии. Конфликты в социуме теперь возникают не столько в экономической, сколько в культурной сфере. Следствием борьбы и разрешения конфликтов становится развитие новых и регресс ранее существовавших социальных институтов.

3. Информационное общество ориентировано на новую «интеллектуальную», а не «механическую» технику. Социальная организация и информационные технологии неразрывно связаны. Общество переходит к «технетронной»¹⁹¹ эре», когда управление социальными процессами осуществляется с помощью новых информационных технологий.

Но обладает ли вышеперечисленными чертами то общество, в котором мы живем (или на пути к которому находимся)? Можно ли считать его информационным в том смысле, который вкладывали в это понятие Д. Белл, А. Турен, Э. Тоффлер, З. Бжезинский, Й. Масуда, А.И. Ракилов? Анализируя содержание ставшего привычным понятия «информационное общество» и наблюдая за тем, что реально происходит в обществе, можно, вслед за Д.В. Ивановым, прийти к неожиданному, на первый взгляд, выводу: проникновение в жизнь человека так называемых «информационных технологий» скорее отдаляет нас от информационного общества в его «классическом понимании».

¹⁹¹ Термин «технетронный» введен в социальные науки З. Бжезинским.

По мнению Д.В. Иванова, соответствующее вышеперечисленным критериям информационное общество построить не удалось, хотя основные технические и экономические признаки постиндустриальной эпохи налицо: преобладание в ВВП сервисного сектора, снижение доли занятых во «вторичном» (индустриальном) и рост доли «третичного» сектора экономики (сферы услуг), всеобщая компьютеризация и т. п.¹⁹² Университет не пришел на смену промышленной корпорации в качестве основного института «нового общества», скорее, научное знание было встроено в процесс промышленного производства. Современное общество не очень похоже на целостную взаимосвязанную систему институтов. Оно, по выражению А. Турена, больше похоже на неоднородное поле дискуссий и конфликтов по поводу распределения в социуме символических благ¹⁹³.

Основной ошибкой теоретиков информационного общества Д.В. Иванов считает отождествление информации и знания. Современное общество насыщено информацией, она играет огромную роль, но отсюда не следует автоматически, что в современном обществе знание – сила.

Нетождественность знания и информации подчеркивает и Ю.А. Шрейдер: «...важно подчеркнуть, что информация как превращенная форма знания не совпадает с самим знанием. Информация существует как хранящиеся и передаваемые в обществе тексты (в обобщающем понимании этого слова), а знания существуют как личное достояние знающих...»¹⁹⁴.

Если мы хотим понять, что такое информация и чем обусловлена ее огромная роль в современную эпоху, необходимо разграничить следующие понятия: сообщение (или послание), интерпретация (или восприятие) и коммуникация. Сообщение (message) – это «предмет», т. е. транслируемый результат интеллектуальной деятельности человека; интерпретация – это «мысль», т. е. получаемое знание; коммуникация – это лишь операция трансляции,

¹⁹² Иванов Д.В. Общество как виртуальная реальность // Информационное общество. М., 2004. С. 358.

¹⁹³ Touraine A. The waning sociological image of social life. // International journal of comparative sociology. 1984. Vol. 25. No. 1.

¹⁹⁴ Шрейдер Ю.А. Проблемы развития инфосферы и интеллект специалиста // Интеллектуальная культура специалиста. Новосибирск, 1988. С. 72.

передачи. Но в современном обществе, как раз эта операция трансляции является главным звеном в цепочке сообщение – коммуникация – интерпретация.

По мнению Д.В. Иванова, принципиальное различие между современностью и эпохами Античности или Средневековья состоит не в том, что сегодня создается больше интеллектуальной продукции или знания, а в том, что сейчас неизмеримо больше коммуникаций. Ученый считает, что основной характеристикой современного информационного общества является умножение и распространение (а не создание) интеллектуальной продукции, передача сведений о ней посредством средств массовой информации (газет, радио, телевидения, а с определенного времени еще и Интернета). За понятием «информация» стоит именно коммуникация, а не знание. Если обратить внимание на современных политических деятелей, участников биржевых торгов, журналистов и их аудиторию, становится ясно: более информированный человек – это не тот, кто обладает большей суммой знаний, а тот, кто участвует в большем количестве коммуникаций. Если с первой частью этого утверждения хочется поспорить (все-таки количественный рост научного знания легко доказуем – свыше 90 % всех научных достижений приходится на XX в.), то вторая его часть – в том, что касается роли коммуникаций – представляется абсолютно верной.

Колоссальная производственно-экономическая, культурная, политическая, образовательная роль информации «объясняется именно тем, что она не содержательна («знание») и не предметна (“продукт”)¹⁹⁵. Информация – это некая операция. Она может продуцировать действие, скорее, в качестве коммуникации, а не в качестве знания или предмета. Люди действуют, руководствуясь информацией, при этом потоки коммуникаций не только не истощаются, подобно сырьевым или энергетическим ресурсам, а, напротив, умножаются и ускоряются. Это происходит потому что информация, скорее, не ресурс, а стимул или мотив деятельности.

Итак, информация – это не знание, а коммуникация, передача определенного набора знаков или символов, способная стать (или не стать) причиной определенных действий. Такое понимание информации делает понятным тот факт, почему основным и наиболее популярным достижением информационной революции стал

¹⁹⁵ Иванов Д.В. Общество как виртуальная реальность. С. 361.

Интернет¹⁹⁶, а не огромные цифровые хранилища информации или искусственный интеллект. Всемирная сеть Интернет сама по себе не производит знания, но зато во много раз увеличивает возможности коммуникаций, направленных, в том числе, и на то, чтобы знание приобрести.

Д.В. Иванов не согласен с утверждениями поклонников информационного общества о том, что в современную эпоху информация играет более важную роль, чем материальные факторы. Он пишет: «Даже если отдавать себе отчет в том, что информация – это не знание, а операция трансляции, все равно трудно всерьез воспринимать суждения о том, что реклама – это «информационная поддержка» какого-либо товара, личности или акции, или же что конкуренция средств массовой информации – это «информационная война»¹⁹⁷. Не сообщение данных о свойствах товара или услуги, а создание его образа приносит прибыль в современной экономике и способствует развитию рекламного бизнеса. Не за монополию на передачу сведений воюют владельцы СМИ, а за создание выгодного им или их заказчикам образа событий. Формирование образа подразумевает работу со знаками, символами, а коммуникации – это всегда потоки символов. То, что представлено как информационный поток, на деле является процессом создания образа. По меткому определению, данному М. Маклюэном еще в 60-х гг. XX в., реальным содержанием сообщения является сам сообщающий (*the medium is the message*). Такой подход, по мнению Д.В. Иванова, позволяет понять, как характер современных технологических и социальных тенденций, так и ошибочность теорий информационного общества, основанных на вере в непреходящую правоту Ф. Бэкона, выдвинувшего лозунг «знание – сила».

Не в знании, информации, или ее передаче, а в коммуникации, в создании привлекательных образов кроется секрет успеха современного бизнесмена, политика, ученого, художника. Поэтому можно согласиться с А. Туреном, который, избегая терминов «знание» и «информация», пишет, что в постиндустриальном обществе социальные конфликты возникают по поводу «символических благ».

¹⁹⁶ Мануэль Кастельс называет Интернет «ключевой технологией современной эпохи» (*Кастельс М. Галактика Интернет. Екатеринбург, 2001. С. 5*).

¹⁹⁷ *Иванов Д.В. Общество как виртуальная реальность. С. 361.*

Мануэль Кастельс в своем анализе информационного общества также отводит коммуникации главную роль, считая, что современная культура насквозь пронизана коммуникационными процессами: «Поскольку наша повседневная деятельность основывается на коммуникации, а Интернет видоизменяет способ нашей коммуникации друг с другом, наша жизнь оказывается в сильной зависимости от этой новой технологии»¹⁹⁸. Любые формы коммуникации основаны на производстве и потреблении символов. Поэтому культура является символической системой.

Безусловно, коммуникативные процессы имеют огромное, пожалуй, даже определяющее значение в современном информационном обществе. Вместе с тем, нам представляется неверным недооценивать роль в этом обществе научного знания. Достаточно обратить внимание, хотя бы, на быстрое развитие НБИК¹⁹⁹-комплекса и сразу становится понятна важная и постоянно возрастающая роль наукоемких технологий в жизни современного общества. Зачем противопоставлять друг другу коммуникативные процессы и рост научного знания в качестве определяющего фактора развития информационного общества? Эти процессы, по нашему мнению, могут вполне «мирно» сосуществовать и взаимодополнять друг друга.

Развитие электронно-коммуникационных технологий, по сути, создающее искусственную информационную среду, намного опережает осмысление происходящего человеком и построение соответствующей картины мира. Именно поэтому представляется чрезвычайно важным философское осмысление формирующейся новой информационной среды. Осмысление именно с позиций социума и культуры, а не с точки зрения экономики, что, как мы уже отмечали выше, характерно для большинства концепций информационного общества. Информационная среда (как и любая окружающая среда) является неким «базисом», тем непосредственным окружением, с которым человек тесно взаимодействует, изменяя его и изменяясь сам. Информационное общество (как и любой социальный уклад), в свою очередь, уже опосредовано многими экономическими и социальными процессами, дальше отстоит от человека, являясь своего рода «надстройкой» над информационной средой.

¹⁹⁸ Кастельс М. Галактика Интернет. С. 29.

¹⁹⁹ НБИК (NBIC) – аббревиатура, обозначающая современную тенденцию к конвергенции нано (Н), био (Б), инфо (И) и когно (К) технологий.

4.2. Формирование современной информационной среды (историко-философский анализ)

В любом обществе всегда формируется независимая от индивида социокультурная организация получения, хранения и передачи информации. Эта система как бы «порождает» информационную среду, в которой существует и действует человек, и программирует деятельность взаимодействующих с ней индивидов.

История формирования современной информационной среды насчитывает несколько этапов, называемых информационными революциями. Нельзя не согласиться с К.К. Колиным в том, что информационные революции «всегда являлись теми критическими точками всемирной истории, после которых начинались качественно иные этапы развития цивилизации»²⁰⁰.

Первая информационная революция – это овладение первобытным человеком речью, постепенно ставшей основным «инструментом» обмена информацией между людьми. Речь способствовала развитию сознания, абстрактного мышления. Знания (и бытовые, и протонаучные) на этом этапе развития человечества также передавались с помощью речи.

Вторая – изобретение письменности, намного расширившей масштабы хранения и передачи информации. Письменность позволила фиксировать накопленные знания, процесс их передачи больше не зависел от устного носителя.

Третья – открытие электромагнитных волн и базирующееся на нем развитие средств массовой информации, таких как радио, телевидение, кино. Теперь каждый человек мог приобщиться к единому информационному и культурному пространству.

И, наконец, последняя, информационно-компьютерная революция, происходящая буквально на наших глазах. Она осуществляется как процесс проникновения информационно-коммуникативных технологий во все сферы жизни общества и жизнедеятельности человека, способствующий усилению интеллектуальной мощи человечества. В своем логическом завершении она должна привести к появлению новой информационной цивилизации. Изменения, происходящие в обществе под влиянием новых инфор-

²⁰⁰ Колин К.К. Социальная информатика. М., 2003. С. 48.

мационно-коммуникативных технологий, настолько глобальны, что приводят к смене самого типа общественного устройства. Они оказывают влияние на такие, казалось бы, далекие от информационной сферы области, как межличностные отношения, институт семьи, брака, проблему самоидентификации личности²⁰¹.

По мнению известного испанского социолога М. Кастельса, информационно-компьютерная революция по масштабам сравнима с изобретением алфавитного письма. Этот исторический поворотный пункт был подготовлен тремя тысячелетиями эволюции устной традиции и неалфавитных форм коммуникации. Начнем наш анализ с рассмотрения этих начальных этапов формирования информационной среды.

Рассмотрим тип передачи и хранения информации в бесписьменном обществе. Миром первобытного человека была жизнь его племени. Размеры этого мира определялись возможностями пешехода, время – жизнью поколения и коллективной памятью, передаваемой старейшинами из поколения в поколение в виде легенд, где реальные события переплетались с вымыслом и изменялись мифологическим сознанием. Эти повествования хранили сведения о других землях и о другом времени. Человек знал только ту вселенную, которую мог обойти, увидеть, услышать, потрогать собственными руками.

Для бесписьменного общества характерны давно устоявшиеся и очень прочные социальные, культурные и религиозные традиции. Те средства фиксации информации и передачи ее во времени, которые появляются после изобретения письменности, еще отсутствуют. Поэтому такого рода передача обеспечивалась, главным

²⁰¹ Различные исследователи выделяют разное число информационных революций, например К.К. Колин – шесть. Первая – появление у человека языка и членораздельной речи. Вторая связана с появлением письменности, третья – с изобретением книгопечатания, четвертая – с появлением таких новых средств информационной коммуникации, как радио, телефон и телевидение. Пятая началась в 50-е гг. XX в., когда стали использоваться средства цифровой вычислительной техники (ЭВМ, персональные компьютеры). И, наконец, шестая информационная революция связана с глобальными тенденциями информатизации общества и приведет к формированию новой цивилизации – информационного общества (см.: *Колин К.К.* Социальная информатика. М., 2003). Нам представляется, что третья и пятая информационные революции носили не столь глобальный характер и их можно объединить, соответственно, со второй и шестой.

образом, запоминанием и повторением определенных текстов. В бесписьменных обществах существовали особые «сказители», хранившие в памяти значительное количество устной народной словесности.

Фольклор интересен тем, что задает одновременно и тему, и способы её воплощения. Поэтому можно согласиться с определением литературы на основании фольклора, данным американскими лингвистами Джузом и Хоккетом: «В каждом обществе, известном истории и антропологии, имеются некоторые речевые произведения, короткие или длинные, которые все члены общества оценивают положительно и которые, по их желанию, должны повторяться время от времени, преимущественно в неизменном виде»²⁰². Сходным образом относятся к устной литературе дети, которые настаивают на частом повторении одних и тех же рассказов или сказок без изменений.

Фольклорные тексты часто содержат мифологический материал, в том числе истории о героических деяниях полубожественных героев, мифы о сотворении мира, календарные мифы и т. д. Из того, что все фольклорные тексты оцениваются членами общества положительно, следует их социально-организующее значение: члены общества оценивают себя принадлежащими к замкнутой социальной группе (община, племя, этнос), с едиными моральными, этическими и эстетическими традициями. Как отмечает Ю.П. Буданцев, «своеобразие функций племени, рода по отношению к каждому из своих членов определяло содержательное своеобразие массово-коммуникативных форм: все они служили целям скрепления общины в единое целое, отделению её от других общин; индивидуально-личностное содержание полностью отсутствовало в этих формах, поскольку индивидуально-личностное сознание было не развито, сознание каждого отражало и выражало жизнь общины, интересы её»²⁰³.

Маршалл Маклюэн, разделивший историю человечества на четыре эпохи в зависимости от преобладающего типа средств массовой коммуникации, назвал бесписьменное общество эпохой «дописьменного варварства». Для этой эпохи характерно наив-

²⁰² Иванов В.В. Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. М., 1978. С. 159.

²⁰³ Буданцев Ю.П. Системность в изучении массовых информационных процессов. М., 1986. С. 68.

но-непосредственное отношение человека к окружающей среде. Главным достижением в области коммуникации было появление и развитие членораздельной речи, воспринимаемой органами слуха. Именно поэтому Маклюэн говорит о формировании «человека слушающего». «Человек слушающий» использовал естественные каналы коммуникации, жил в открытом звуковом пространстве, принимал непосредственное участие в происходящих вокруг событиях, поэтому его психика развивалась гармонично. Основная проблема бесписьменных обществ связана с ограниченностью объема человеческой памяти: «неважно, сколь хороша была память у старшего поколения, сколь запоминающимися были песни и уроки, но в головах любой популяции было ровно столько, и не больше, места для хранения информации»²⁰⁴ – такую характеристику типу хранения информации в бесписьменном обществе дает Э. Тоффлер.

Вторая информационная революция связана с изобретением письменности, на много расширившей возможности хранения и передачи информации. Преимущество, которое дает переход к письменной форме передачи информации, определяется не количеством передаваемой информации, а её качеством. Существуют свидетельства, что в самом начале существования письменности она применялась для записи текстов на разных языках (даже, в основном, для записи чужого, необычного, или мертвого языка). Например, состоящие из клинописных табличек архивы хеттских царей содержали в себе тексты на семи различных языках²⁰⁵. Кроме того, письменность дает возможность в принципе сохранить в памяти общества текст, сильно отличающийся от традиционных для данного общества текстов.

М. Маклюэн считает, что эпоха письменной кодификации внесла разлад в устойчивый внутренний мир и «сенсорный баланс» человека дописьменного общества; теперь главное в процессе коммуникации – не слух, а зрение, не акустическое сообщение, а читаемые тексты, закодированные с помощью символов. Когда человек постоянно занят кодированием-декодированием смыслов, он постепенно превращается в расчетливого и рационалистического «стороннего наблюдателя исторического процесса». На сме-

²⁰⁴ Тоффлер Э. Третья волна. С. 295.

²⁰⁵ Иванов В.В. Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. С. 154.

ну стабильному племенному укладу жизни приходит феодальная раздробленность (детрибализация). Тем не менее вплоть до XV в. ороакустический (устный) и визуальный (письменный) коммуникационные каналы успешно дополняли друг друга²⁰⁶.

Первые письменные сообщения восходят к надписям на камне, дереве, глиняных чашах, бронзе, пальмовых листьях, на кости, бересте и так далее. Особое значение имело применение в качестве писчего материала папируса. С этого момента можно уже говорить о книге. Ранние египетские книги написаны на папирусе и имеют форму свитка.

Книгопечатание появилось в Китае в XI в., а в Европе в XV в. Его распространение позволило создать специальную память коллектива (в частности, книгохранилища, архивы).

Размеры всей информации, накопленной человечеством до настоящего времени в печатных изданиях и рукописях, оцениваются примерно, как 10^{14} бит. Однако, несомненно, как считает Вяч. Вс. Иванов, существенная часть этой информации может быть представлена в значительно более сжатом виде, что даёт величину порядка 10^{11} бит. Усвоить весь этот массив информации нелегко потому, что он существует не в виде целостной системы знаний, а в виде отдельных текстов разных авторов. Этим обуславливается значительное число повторов, делающих определенную часть текстов лишней.

По мнению Маклюэна, эпоха Гутенберга окончательно разрушила изначальную гармонию первобытного человека. На смену ей пришла «типографская эра», предоставляющая возможности обращения не к конкретному человеку, а к безличной массовой аудитории. Человек получает знание и информацию не в процессе общения с другими людьми, а из печатных текстов. Как замечает А.В. Соколов, «вместо “человека слушающего” появляется “человек смотрящий”, у которого атрофированы все сенсорные каналы – слух, обоняние, осязание, вкус, зато гипертрофировано зрение»²⁰⁷. Индивидуальное мышление, жизнь «своим умом» все больше сменяется ориентацией на книжные авторитеты и печатное слово. Люди привыкли доверять не «живому слову», а «мертвой букве», отчуждение в обществе достигло огромных масштабов. Массовая ориентированность людей на продукцию «Гутенберговской Галак-

²⁰⁶ Соколов А.В. Социальные коммуникации. Ч. 1. М., 2001. С. 188.

²⁰⁷ Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации. СПб., 2002. С. 104.

тики» привела к печальным последствиям. М. Маклюэн полагает, что масштабные политические и религиозные объединения, кровопролитные войны и революции, – все это последствия зомбирующего воздействия печатного текста. Такие негативные стороны европейской цивилизации, как эгоизм, индивидуализм, отчуждение «всех от каждого и каждого от всех», экстремизм, безбожие, информационный стресс и психические отклонения, объясняются длительным преобладанием книги как основного средства коммуникации²⁰⁸. Зато, как считает Э. Тоффлер, «книжная цивилизация» стерла барьер индивидуальной памяти и «путем увеличения запаса кумулятивного знания... ускорила все процессы нововведений и социальных перемен»²⁰⁹.

Прежде чем перейти к анализу третьей информационной революции, связанной с открытием электромагнитных волн, совершим краткий экскурс в историю развития средств передачи информации на расстояние.

Люди обменивались новостями, информацией на всем протяжении человеческой истории. На начальных этапах эволюции межличностная коммуникация складывалась из отдельных жестов, звуков, мимики, обращенных к находившимся рядом, затем с помощью криков люди начали передавать информацию на некоторое расстояние. В VI в. до н.э. персидские рабы, стоя на высоких башнях, громкими голосами передавали сообщения от одной башни к другой.

Передача информации с помощью звука существовала на протяжении многих столетий. Во время войн, с помощью «барабанного телеграфа» молва о продвижении вражеских войск передавалась на значительные расстояния и зачастую опережала официальные курьерские донесения. Для звукового оповещения служили также колокола, рожки, трубы, а после изобретения пороха ружейные и пушечные выстрелы. На Руси звон колоколов оповещал о пожаре, восстании, других важных событиях.

Человеческое общество развивалось, и звуковая сигнализация была со временем вытеснена более совершенной – световой. Наиболее простым средством световой сигнализации служили костры. Костры использовались с сигнальной целью древними римлянами, греками, карфагенянами и русскими казаками.

²⁰⁸ Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего.

²⁰⁹ Тоффлер Э. Третья волна. С. 295.

С помощью костров и зеркал можно было передавать информацию хоть и быстро, но очень ограниченно, по сути только «да-нет». Дополнительно необходимо было посылать гонцов с подробными сообщениями

Французский механик Клод Шапп в 1792 г. изобрел оптический, или семафорный, телеграф, передача информации в котором осуществлялась при помощи вращающейся вокруг своей оси переключателя, прикрепленной к металлическому пруту на крыше башни. Новизна идеи состояла в том, что информация передавалась не непосредственно, а в закодированном виде.

Вышеперечисленные примеры свидетельствуют о том, что практически до начала XX в. средства передачи информации на расстояние были развиты слабо и качественно отличались от тех, которые пришли им на смену в XX в.

История эволюции средств связи и передачи информации тесно связана со всей историей развития человечества, поскольку любой вид человеческой деятельности немислим без общения, без обмена той или иной информацией. Передача информации на расстояние занимает отнюдь не последнее место среди достижений человечества. В настоящее время спектр видов связи довольно широк. Это телеграф, телефон, радио, телевидение, и, наконец, «всемирная паутина» – Интернет.

Люди всегда стремились передавать информацию на максимально возможное, желательное неограниченное расстояние. Телеграф, телефон, телевидение и Интернет позволяют передавать текст, звук и изображение по всему земному шару. Ю. Фролов считает, что «самое крупное создание человека – не египетские пирамиды и не огромные города, а мировая телефонная сеть. Её проводами опутана вся планета, а т. к. часть телефонных разговоров идёт на ультракоротких радиоволнах, в принципе присутствие этой сети может быть обнаружено с расстояния в несколько световых лет»²¹⁰.

XX в. трудно представить себе без телефонной коммуникации, телефон стал одним из его символов. По мнению В.П. Руднева, телефон «очень многое изменил в жизни людей, многое упростил, но многое и усложнил – привнес проблемы, которых не было раньше»²¹¹.

²¹⁰ Фролов Ю. Первые информационные сети // Наука и жизнь. 1995. № 1. С. 50.

²¹¹ Руднев В.П. Телефон // Словарь культуры XX в. М., 1997. С. 312.

Телефон несколько понизил ценность письменной культуры, зато помог возродить ценность живого человеческого голоса. Распространение телефона сделало возможным разговор с человеком, находящимся в другом городе, другой стране и даже на другом континенте. Писать ему письмо и долго ждать ответа не нужно, можно просто позвонить.

Массовое распространение телефона внесло существенные изменения в решение проблем межличностной коммуникации. Телефон сделал возможным и естественным общение людей, удалённых друг от друга на любые расстояния. При этом изменилось философское осмысление пространства: далёкое стало близким, близкое стало далёким. Понятие расстояния как бы пропало вообще: нет разницы в общении по телефону с человеком, находящимся в другой стране или в другой комнате. С изобретением мобильной связи коммуникация по телефону стала, кроме того, возможна в любой момент и в любой точке пространства.

Но информация, передаваемая по телефону, может быть воспринята только одним из наших пяти чувств – слухом. Расширение диапазона восприятия, включение в него визуального канала привело к появлению кино – как искусства и как средства коммуникации. Рождение кино совпало с прогрессом во многих областях культуры, науки и техники: квантовая механика и теория относительности, психоанализ, автомобили, развитие средств массовой информации, радио, телефон, искусство модернизма. Кино – не просто искусство XX в. но и неотъемлемая часть самого образа XX в. Поэтому неудивительно, что кино разделяет с XX в. его самую острую онтологическую и эстетическую проблему: проблему разграничения текста и реальности.

Известный российский философ и лингвист Вадим Руднев характеризует кино как весьма противоречивый и парадоксальный вид искусства. Как никакое другое искусство, кино может отразить реальность, но это «отражение» может быть самой достоверной дезинформацией. Кино обладает свойством выдавать иллюзию за реальность, поэтому оно часто ассоциировалось не с реальностью, а с ее антиподом – сновидением. То, что происходит на экране, кажется настоящим, как кажется реальностью спящему то, что он видит во сне.

Кино может создавать свою реальность, со своими законами, зачастую идущими наперекор законам физики. Например, в фильме «Золотой век» Бунюэля человек ползает по потолку, подобно насекомому, пренебрегая законом всемирного тяготения. Кино – искусство визуальное, поэтому оно очень хорошо представляет нам визуальную иллюзию – фантазии, сновидения, воспоминания. Это пространство реализации возможных миров²¹².

Создав иллюзорную действительность, кино остро поставило проблему разграничения текста и реальности, впоследствии получившую развитие в философии постмодернизма. Приемы построения и развития сюжета с помощью идеи гипертекста не оставили в стороне кинематограф. Кинематографический интертекст соответствовал интертексту в литературе модернизма. В кино текст в тексте превратился в фильм в фильме – один из популярнейших сюжетов мирового кинематографа.

Кино – искусство, сближающее людей разных культур, т. к. язык образов понятен всем. Кроме того, язык образов гораздо более информативен, чем язык знаков, поэтому в наш век увеличивающихся информационных потоков искусство кино является актуальным.

Но, в то же время, на протяжении второй половины XX в. нами владело телевидение – «со своей спешкой, со своей жадностью и всеядностью, со своим широко раскрытым стеклянным окном, превращающим наши дни в какую-то параллельную, искусственную жизнь, в ночь, всегда залитую светом и не оставляющую места снам»²¹³.

Большинство исследователей и в нашей стране, и во всем мире пришли к выводу о том, что телевидение можно считать новым видом искусства – и по его природе, и по оригинальности, и по способам воздействия на зрителя. Как и кино, телевидение развивалось на основе растущего потенциала научно-технического прогресса и доказало свою специфику не только в области художественного вещания, но и документалистики.

Сложилась определенная эстетика телевидения как вида искусства, которая заключается не только в создании собственных произведений, но и в трансляции произведений смежных искусств.

²¹² Руднев В.П. Кино // Словарь культуры XX в. С. 311–314.

²¹³ Вачнадзе Г.Н. Всемирное телевидение. Новые средства массовой информации – их аудитория, техника, бизнес, политика. Тбилиси, 1989. С. 551.

В. Саппак в своей книге «Телевидение и мы» сформулировал основной принцип анализа деятельности телевидения: любое явление на экране приобретает эстетические черты²¹⁴.

Уникальность телевидения состоит в том, что оно соединяет в себе два свойства – средства массовой информации и вида искусства.

Основные свойства телевидения как носителя массовой культуры таковы:

– непрерывность – телевидение, как и другие средства массовой коммуникации, воздействуют на личность с раннего детства и на протяжении всей жизни непрерывно и систематически;

– инвариантность – влияние телевидения многообразно, многоканально (слух, зрение, образное мышление, эмоции), многожанрово;

– востребованность – информация, получаемая по всем каналам СМИ, максимально адаптирована к восприятию, понятна и проста по формам подачи: газеты, теле- и радиоприемники, компьютерные сети всеохватывающие и доступны;

– многомерность – воздействие происходит на разных уровнях восприятия – непосредственно-чувственном, эмоциональном, рациональном;

– эффект априорной достоверности – человек более склонен верить в достоверность получаемой по каналам СМИ информации, чем опровергать ее.

Телевидение в целом стало, как совершенно справедливо отмечает В.В. Егоров, «...своеобразным оригинальным видом искусства, причем самым массовым, синтетическим видом, вобравшим в себя достижения смежных искусств и на их основе развивающим свои особые закономерности, новые тенденции»²¹⁵.

Видео – относительно самостоятельная форма создания и распространения произведений искусства, оно появилось как следствие широкого распространения бытовой видеоаппаратуры. Видеозапись – это фиксация аудиовизуальной информации с целью ее сохранения, воспроизведения, монтажа. Просмотры видеозаписей осуществляются, как правило, перед небольшой аудиторией. Система видео фактически существует как самостоятельная отрасль, занимающаяся съемкой разножанровых видеофильмов, тиражиру-

²¹⁴ Саппак В.С. Телевидение и мы. М., 2007.

²¹⁵ Егоров В.В. Телевидение между прошлым и будущим. М., 1999. С. 280.

ет и распространяет уже отснятые телефильмы и кинофильмы. Позволяя нам знакомиться с новинками мирового кинематографа или наслаждаться любимыми классическими фильмами, видео тем самым приближает нас к идее электронного коттеджа Э. Тоффлера.

Видео открывает также широкие возможности для творчества, т. к. с его помощью любой человек может фиксировать важные и интересные моменты в своей жизни и жизни близких (праздники, путешествия и т. д.). Как отмечает Э. Тоффлер, «видео дает возможность каждому потребителю стать производителем образов, принадлежащих только им»²¹⁶. Переход в цифровой формат еще больше расширяет перспективы накопления и хранения информации.

Интересно разделение средств коммуникации на «горячие» и «холодные», проводимое М. Маклюэном. По определению Маклюэна, «горячее средство – это такое средство, которое расширяет одно-единственное чувство до степени «высокой определенности». Высокая определенность – это состояние наполненности данными»²¹⁷. Телефон (и речь вообще) – это холодное средство коммуникации, т. к. ухо получает скудное количество информации, и слушателю приходится много додумывать самому. Горячие же средства коммуникации оставляют аудитории мало простора для додумывания, завершения информации. Кино – горячее средство коммуникации, телевидение – холодное. Для горячих средств коммуникации характерна низкая степень участия аудитории, для холодных – высокая. Например, лекция предполагает меньшее участие, чем семинар, а книга – меньшее, чем диалог. Причем, Маклюэн считает, что изменение характера средств коммуникации может оказывать весьма существенное влияние на происходящие в обществе процессы: «разогревание такого средства коммуникации, как письмо, до состояния воспроизводимой интенсивности, свойственного печати, привело к возникновению национализма и религиозным войнам шестнадцатого столетия»²¹⁸.

К сегодняшнему дню человечеством накоплен такой большой объем знаний в самых различных областях, что его уже просто невозможно хранить в памяти, а тем более эффективно использовать.

²¹⁶ Тоффлер Э. Третья волна. С. 275.

²¹⁷ Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.; Жуковский, 2003. С. 27.

²¹⁸ Там же. С. 28.

Темпы накопления информации все возрастают, информационные потоки столь велики, что человек просто не успевает не только перерабатывать их, но даже воспринимать. Именно с этой целью и создаются различные устройства для хранения и обработки информации. Наиболее мощными средствами являются компьютеры, вошедшие в нашу жизнь как один из важнейших элементов научно-технического прогресса.

Как справедливо замечает В.Н. Вачнадзе, «сегодня практически не остаётся таких сфер человеческой деятельности, которые не имели бы отношения к электронно-вычислительной технике, не были бы с ней связаны и не испытывали её влияния. Взаимодействие между ЭВМ и системами электросвязи (телефон, телеграф, телекс, радио и телевидение, спутники) резко повысило способность человека оперативно обрабатывать и использовать большие объёмы информации»²¹⁹.

Вычислительная техника сначала предназначалась только для обслуживания некоторого вычислительного процесса по реализации необходимых математических методов. Отрасль знаний бурно развивалась, и компьютер постепенно осваивал новые профессии, давая возможность человеку быстрым и удобным способом получать и обрабатывать необходимую информацию. Как образно замечает Г.Л. Белкина, «в процессе компьютеризации всё более густая компьютерная сеть опутает не только промышленность, но и человеческие головы»²²⁰.

У пользователей компьютеров очень скоро возникло желание использовать эти компьютеры для обмена информацией друг с другом. Ставшее наиболее привычным средство компьютерного общения – это электронная почта. С ее помощью можно отправлять сообщения практически с любого компьютера на любой, т. к. большинство существующих компьютеров, даже работающих с разными операционными системами, поддерживают ее.

Все мы пользуемся электронной почтой, с помощью которой письмо – текст, снабженный стандартным заголовком (с пометками «кому», «от кого» – как на бумажном конверте) – доставляется по указанному адресу и помещается в хранилище, называемое поч-

²¹⁹ Вачнадзе Г.Н. Всемирное телевидение. С. 11.

²²⁰ Белкина Г.Л. Компьютеризация и общество // *Вопр. философии*. 1988. № 6. С. 135.

товым ящиком, с тем, чтобы адресат мог обнаружить и прочитать его в любое удобное время. Электронная почта оказалась намного удобнее и быстрее обычной, бумажной.

При необходимости общения довольно больших групп людей можно использовать систему, отличающуюся от электронной почты – компьютерную конференцию (форум). Компьютерные конференции объединяют миллионы компьютеров по всему миру. Их устройство похоже, с одной стороны, на газету, с другой – на доску объявлений. Какого-то определенного списка участников форума не существует. Отправлять и получать сообщения может любой человек, чей компьютер связан с каким-нибудь другим компьютером, на который приходят сообщения конференции. Рассылка сообщений сгруппирована по темам, при желании получать сообщения группы, необходимо подписаться на эту группу, т. е. добавить название этой группы в список на своем компьютере. На форуме можно обсуждать интересную тему в такой компании, собрать которую в одном месте для личного общения стоило бы больших денег и огромных затрат сил и времени. Перечисление существующих групп может занимать несколько страниц. Оно может содержать группы для специалистов по античной философии и для любителей кошек, для обсуждения НЛО и для обмена секретами кулинарного мастерства, дискуссию о правах секс-меньшинств и группы поклонников телесериалов.

В нашей повседневной практике мы уже не можем обойтись без глобальной компьютерной сети Интернет, охватывающей весь мир. Интернет предоставляет уникальные возможности недорогой, конфиденциальной и надежной связи по всему миру.

Анализируя феномен под названием «Интернет» прежде всего с социокультурной точки зрения, можно выделить следующие его функции:

- Интернет – это всемирная коммуникационная сеть, позволяющая передавать мультимедийные сообщения во всепланетном масштабе;

- Интернет – это доступное каждому хранилище информации, всемирный банк данных;

- Интернет – быстро набирающее популярность средство проведения досуга и налаживания деловых контактов, а также социализации и самореализации личности.

Все эти функции учтены в определении, данном Интернету А.В. Соколовым: «Это социально – коммуникационная компьютерная сеть, предназначенная для удовлетворения личных и групповых коммуникационных потребностей за счет использования телекоммуникационных технологий»²²¹. Можно выделить несколько аспектов феномена под названием «Интернет»:

– философско-исторический аспект. С философско-исторической точки зрения, появление и развитие «всемирной паутины», т. е. всемирной информационно-коммуникационной сети, является важной частью процесса формирования сферы глобальной постиндустриальной информационной культуры. Интернет транснационален, для него не существует государственных и национальных границ, он способствует межкультурному диалогу и сближению, а также вхождению национальных и региональных экономических зон в глобальную экономическую систему. Интернет – явление, способное развиваться при разных политических режимах он не скован различиями культур и языка. Кроме того, на основе Интернета может формироваться (и уже формируется) всемирная база знаний человечества (достаточно вспомнить Википедию) и открываются широкие возможности дистанционного образования. По мнению некоторых исследователей, Интернет «способствует становлению новой формы существования человека – виртуальных социумов, которые в перспективе сольются в глобальное виртуальное общество»²²².

– Организационно-управленческий аспект. Идеалом Сети является управление по принципу «отсутствия управления», т. е. Интернет задумывался как абсолютно демократический институт, без верховного органа управления и властной иерархии. Правда, к сожалению, в последнее время этот принцип все чаще ставится под сомнение, т. к. все больше властных и коммерческих структур стремятся к управлению в Сети, сборе информации о пользователях и манипулированию ими.

– Этико-правовой аспект определяется противоречивой идеологией Сети: с одной стороны – абсолютная открытость и гласность, свобода слова и самореализации; с другой – тайна частной информации, соблюдение норм морали и этики, запрет пропаганды насилия. Это связано с тем, что полная открытость практически не-

²²¹ Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации. С. 110.

²²² Там же. С. 111.

избежно ведет к нарушению неприкосновенности частной жизни. Наблюдая за поведением какого-либо человека в Сети при путешествиях, покупках, лечении, общении, можно составить представление о его частной жизни, вовсе не предназначенной для чужих глаз. С этим связаны различные негативные, а зачастую и преступные тенденции: сбор и продажа компромата на известных людей, манипулирование людьми путем отслеживания их активности в сети, создания «личностного портрета» и «адресного предложения», а точнее, навязывания, товаров и услуг. Сеть открыта и анонимна, чем и пользуются недобросовестные люди, распространяя дезинформацию и клевету по всему миру. Для детей и подростков, составляющих большую часть аудитории Сети, представляют опасность сексуальные, порнографические, насильнические сайты, которыми наполнено Интернет-пространство. Одной из острых проблем Сети остается проблема авторского права. Согласно закону, копировать и распространять интеллектуальную собственность в печатном или электронном виде (книги, фильмы) может только владелец авторского права. Но до сих пор существует недостаточно возможностей для защиты интеллектуальных произведений от незаконного копирования и распространения. В России законодательная база в области авторского права только формируется, в развитых странах положение, конечно, лучше, но все равно далеко от идеала.

– Социальный аспект связан с анализом круга пользователей Сети. В ранний период становления Интернета это были преимущественно программисты-профессионалы и компьютерная «богема», создавшие программное обеспечение и саму структуру Сети. В настоящее время к ним присоединились практически все: рабочие и служащие, дети и старики, преподаватели и студенты. Существуют также коллективные пользователи – вузы, школы, учреждения здравоохранения, банки, музеи, СМИ, библиотеки. Для таких пользователей Интернет – удобный и полезный рабочий инструмент, помогающий успешно решать учебные, производственные или бытовые задачи. Сформировалась и третья группа – субкультура сообщества пользователей Интернета, для которых Сеть – «не вспомогательный инструмент деловой активности, а жизненная среда, с которой связаны жизненные смыслы личности, место самореализации человека»²²³.

²²³ Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации. С. 112.

– Психологический аспект легче всего выявить при анализе субкультурного сообщества, которое состоит, в основном, из молодежи, не достигшей 30 лет. Постоянное взаимодействие с виртуальной реальностью оказывает влияние как на все органы чувств человека, так и на его когнитивные способности и воображение. Из-за постоянных переходов от виртуального мира к миру реальному и наоборот происходит как бы раздвоение сознания. В результате претерпевает изменения духовный мир человека, его образ жизни и образ мысли. Большая часть его мотивов, интересов, установок, целей, стремлений, постепенно становятся ориентированными на виртуальность. Психиатры отмечают развитие таких психических отклонений, как Интернет-зависимость, тревожность, возникающая при работе с компьютером, хакерство, социальная инфантильность, поглощенность компьютерными играми. «Информационная бомба взрывается в самой гуще людей, осыпая нас шрапнелью образов и в корне меняя и восприятие нашего внутреннего мира, и наше поведение. Переходя от информационного пространства Второй волны к Третьей волне, мы изменяем свою психику»²²⁴, – писал Э. Тоффлер.

По мнению М. Маклюэна, современная эпоха – это эпоха синтеза «человека слушающего» и «человека смотрящего». Маклюэн считает появление электронных средств связи в истории человечества «коммуникационной революцией». Отличительная особенность современных средств коммуникации состоит в том, что они воздействуют не на отдельные органы чувств, а сразу на всю нашу нервную систему. Окружающая реальность снова предстает во всей своей полноте и конкретности, а человек ощущает себя соучастником происходящих событий. Люди вновь обретают «сенсорный баланс» дописьменной коммуникационной эпохи. Вот как описывает глобальную деревню Маклюэна А.В. Соколов: «Электронные технологии общения способствуют слиянию мифологического (непосредственного) и рационалистического (опосредованного) способов восприятия мира, создают предпосылки для целостного развития личности. “Электронная галактика” влечет “ретрибализацию” существующих обществ и на новой технологической основе воспроизводит “первобытное единство коллективного сознания”, превращая нашу планету в единую “глобальную деревню”. В этой

²²⁴ Тоффлер Э. Третья волна. С. 263.

“деревне” не будет индивидуализма и национализма, отчуждения, агрессивности и военных конфликтов»²²⁵. Грядущая всемирная цивилизация, – пророчил М. Маклюэн, – будет обществом «гармоничной коммуникации» и «образного мышления», являющихся обязательным условием формирования высших культур²²⁶.

М. Маклюэн формулировал свои выводы в 60-е гг. XX в., основываясь на возможностях телевидения, активно входившего в это время в это время в нашу жизнь. Он пророчил закат «Галактики Гутенберга» и рождение гармоничного «хомо телевизионис», но не мог учитывать перспективы развития компьютерной техники, т. к. в его время она еще не стала широко распространенным средством коммуникации; не было персональных компьютеров, баз данных с удаленным доступом, «всемирной паутины» Интернет, электронной почты. Однако Маклюэн предвосхищал рождение «гипермедиа» – объединения звука, неподвижных и динамических изображений, воплощенного в мультимедийных системах. Для комплексного осмысления феномена бытия человека в информационной среде большой интерес представляют его периодизация коммуникационных «эпох» и выводы о влиянии информационно-коммуникационных технологий на историю человечества, правда, иногда напоминающие скорее утопии, чем научные прогнозы.

Структура компьютерной реальности такова, что она построена как гипертекст, т. е. дает возможность выбирать направление движения по своему желанию. Гипертекст – это текст, созданный таким образом, что он может превращаться в систему, иерархию текстов, составляя одновременно единство и множество текстов.

С развитием компьютерных технологий изменилось осмысление пространства и времени. Пространство становится прагматическим, а время серийным, по нему можно перемещаться в будущее и отправляться в прошлое. То есть, строго говоря, времени в гипертекстовой реальности вообще не существует. Разумеется, речь не идет о физическом «исчезновении» времени и изменении пространства. т. к. коммуникация с помощью электронных сетей является одной из форм социальной коммуникации, то пространство и время компьютерной реальности можно рассматривать как социальное пространство и социальное время.

²²⁵ Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации. С. 105.

²²⁶ Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2003. 463 с.

По мнению М. Кастельса, культура виртуальной реальности изменяет представление о времени в нашем обществе с помощью понятий одновременности и вневременности. Такую черту, как одновременность, можно определить следующим образом. Мгновенная передача информации по всей планете, прямые репортажи с места происшествий позволяют нам узнавать о социальных и культурных событиях практически сразу же, как они произошли. Кроме того, компьютерно-опосредованное общение делает возможным коммуникацию в реальном времени, объединяя людей по интересам в рамках многосторонней интерактивной телеконференции («чата»). Задержка во времени с ответом уже несущественна, т. к. новые коммуникационные технологии дарят нам чувство мгновенности, которая преодолевает временные барьеры так же, как и телефон, но только с гораздо большими возможностями, когда собеседники могут сделать паузу на некоторое время для того, чтобы получить новую информацию, расширить коммуникационное пространство, не чувствуя напряжения, возникающего при длительных паузах в телефонном разговоре.

Другая черта культуры виртуальной реальности – вневременность. Вот как определяет ее М. Кастельс: «Вневременность мультимедийного гипертекста есть определяющая черта нашей культуры, формирующая ум и память детей, получающих образование в новом культурном контексте. История сначала организуется в соответствии с доступностью визуального материала, а затем подчиняется компьютеризованной возможности выбирать в окнах мгновения, которые нужно склеить и разделить, в соответствии со специфическими потребностями. Школьное обучение, развлечения с помощью СМИ, специальные репортажи новостей или реклама организуют темпоральность так, как это им удобно, поэтому достижения культуры, извлеченные из всего человеческого опыта, лишены временной последовательности»²²⁷.

Хотелось бы подробнее остановиться на такой проблеме, связанной с компьютерными технологиями, как виртуальная реальность. Правда, неверно было бы ассоциировать идею виртуальности исключительно с компьютерами. Ее «философское прошлое» гораздо богаче. По словам выдающегося российского специалиста по виртуалистике Н.А. Носова, «...идея виртуальности затрагива-

²²⁷ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. С. 429.

ет глубинные пласты человеческого бытия, относящиеся к области философии. В античной и средневековой философии категория виртуальности являлась одной из центральных. В настоящее время категория виртуальности возвращается в современную науку и философию, что нашло свое выражение в возникновении специального направления – виртуалистики, включающей в себя философский, научный и практический разделы»²²⁸.

Если же говорить о компьютерной виртуальной реальности, то в этом случае сознание погружается в некий иллюзорный, созданный компьютером возможный мир, в котором оно может видеть, двигаться, слышать и осязать – и все это виртуально. Компьютерные средства дали возможность технически сконструировать интерактивную среду создания и манипулирования объектами, производными от реальных или воображаемых. Объекты представляют собой графические трехмерные изображения, способные создавать иллюзию самостоятельного движения и воздействия.

С помощью специального компьютерного оборудования (специальный шлем, костюм, очки и т. д.) создается эффект присутствия человека в этой среде (виртуальной реальности), а также возникает чувство единения с компьютером.

Термин «виртуальный» прочно вошел в культуру XX в. Он используется как в компьютерной технологии (виртуальная память), так и в других сферах науки и культуры: виртуальные частицы, виртуальный офис, виртуальные способности, виртуальные состояния.

Философия виртуальной реальности была первоначально представлена инженерами-компьютерщиками, общественными деятелями и писателями и только впоследствии стала разрабатываться профессиональными философами.

Среда виртуальной реальности нашла широкое применение – в компьютерном дизайне, системах дистанционного управления, учебно-тренировочных системах, в образовании и индустрии развлечений.

Одной из первых работ о виртуальной реальности стала книга Ф. Хэммета «Виртуальная реальность» (1993 г.). Корни функциональной концепции виртуальной реальности, по мысли Ф. Хэммета, состоят в следующем:

²²⁸ Носов Н.А. Виртуальная психология. М., 2000.

1) функции компьютера могут изменяться в зависимости от совершенства программного обеспечения;

2) виртуальная реальность – наиболее естественный (за счет своей образности, красочности и сходства с реальным миром) для возможностей человека способ ориентации в электронном мире информации;

3) операции с компонентами виртуальной реальности очень похожи на действия с реальными предметами и инструментами;

4) работа в сфере виртуальной реальности дарит эффекты быстроты, легкости, носит характер игры;

5) возникает ощущение единства компьютера пользователем, перемещение последнего в виртуальный мир, взаимодействие с виртуальными объектами ощущается человеком аналогично (а то и ярче) обычной реальности. Именно за счет своих интерактивных возможностей виртуальная реальность становится настолько функционально значимой²²⁹.

Философия виртуальной реальности зародилась в последние 10–15 лет XX столетия. В свете разработанных в это время идей виртуальной реальностью является любая порожденная реальность, способная в свою очередь порождать новую. Степень вложенности таких реальностей может быть любой. Среда порождения также может быть любой, например, компьютерная реальность, психика человека или его интеллект. Для работы с понятием виртуальной реальности необходимо признание идеи множественности миров, а также идеи изначальной относительности и неопределенности «реального» мира. Обретение понятием «виртуальная реальность» философского статуса связано с осмыслением соотношения трех взаимосвязанных пространств бытия человека: мира объективного, мира видимого и мира умопостигаемого.

Одной из сновных тенденций современности является тот факт, что компьютер из просто вычислительной машины, именуемой уже почти забытой аббревиатурой ЭВМ, превратился в многофункциональное устройство, которое с одинаковым успехом может служить профессиональным инструментом ученого, менеджера, бизнесмена, врача, юриста, а также средством обуче-

²²⁹ Дзюбенко М.А. Дайджест книги Фрэнсиса Хэммета «Виртуальная реальность». М., 1993.

ния, развлечения, общения между людьми. Компьютеризация не могла не вызвать повышенного интереса исследователей и, как правило, интерпретируется как ключевая тенденция в моделях трансформации современного общества. Пожалуй, наиболее распространенным является тезис, согласно которому тесное внедрение в нашу жизнь персональных компьютеров и информационно-коммуникационных сетей (в особенности развитие сети Интернет) – это самый существенный шаг на пути к информационному обществу. По мнению Э. Тоффлера, вскоре мы «вплотную приблизимся к цивилизации “фотографической” памяти. Цивилизация Третьей волны будет иметь в своем распоряжении гораздо больше и гораздо лучше организованную информацию о себе самой, чем это можно было бы вообразить еще четверть века назад»²³⁰.

Анализ развития средств записи, хранения и передачи информации свидетельствует о том, что во все исторические эпохи человечество стремилось использовать все доступные технические средства для записи, передачи, хранения и обработки информации.

До изобретения алфавитного письма информация хранилась в виде образов, с изобретением алфавитного письма европейская культура отдала предпочтение кодированию информации в символьном виде. С наступлением информационно-технической революции для записи, хранения и передачи информации максимально используются оба способа (образный и символьный).

Во все времена человек старался максимально использовать доступные для него способы накапливать информацию. Использование накопленной информации, видимо, дало возможность человеку, как биологическому виду, выжить в борьбе за существование.

Современные средства массовой информации и компьютерные технологии, создав «виртуальную реальность», изменили представление об основных философских понятиях – о реальности, пространстве и времени, поставили вопрос о разграничении текста и реальности. Виртуальная реальность заставляет сомневаться в обоснованности, эксклюзивности «обычного» времени и пространства, заставляет сомневаться в реальности самой реальности. Возникла идея множественности «миров», изначальной неопределенности и относительности «реального» времени.

²³⁰ Тоффлер Э. Третья волна. С. 296.

Пространство в компьютерной реальности становится прагматическим (основное значение приобретают не реальные расстояния, а связи «здесь» и «там»), а время серийным, по нему можно подниматься в будущее и опускаться в прошлое. В такой реальности времени как бы вообще не существует.

Виртуальная реальность будит воображение, дает возможность преодолеть экзистенциальную ограниченность реальности, аннулировать свою заброшенность, выйти за пределы времени. Операции с виртуальными объектами идентичны операциям в реальном мире, но компьютерная реальность полностью подвластна человеку, это дает ему почувствовать свои творческие способности, даже, в некотором роде, «сверхспособности».

Информационная среда на протяжении развития человечества видоизменялась, проходя в своем становлении ряд этапов. Ключевые моменты, знаменующие собой переход от одного этапа к другому, называются информационными революциями. Таких революций в истории человечества было несколько (появление речи; возникновение письменности; открытие электромагнитных волн; и, наконец, последняя информационно-компьютерная революция).

Конечным результатом информационно-компьютерной революции должно стать создание новой информационной цивилизации. В основе процессов управления и самоорганизации в живой природе и в человеческом обществе лежит информация, поэтому возникновение информационного общества представляет собой качественно новый этап в процессах самоорганизации информационных структур. Возникающее информационное общество, по-видимому, будет характеризоваться:

а) усилением роли информации и знаний в жизни общества и человека, овеществлением информации и превращением ее в основную ценность экономики, в ведущий фактор экономического развития;

б) интеграцией различных способов коммуникации (устных, письменных и аудиовизуальных) в интерактивные информационные сети. Информационное общество – это сетевое общество: оно создано сетями производства, власти и практики, которые формируют «культуру реальной виртуальности» (М. Кастельс);

в) сосредоточением на технологии улучшения обработки информации, поэтому воздействие знания на само знание является специфическим для информационного общества;

г) развитием творческого потенциала личности и возрастанием роли сознания в историческом процессе. Информационное общество – это «высокоорганизованное креативное общество» (Й. Масуда, А. Турен).

В условиях становления информационного общества быстро развивающаяся виртуально-информационная реальность преобразует не только окружение человека, но и его самого. Это подчеркивал еще Э. Тоффлер: «Компьютеры – это не сверхъестественные силы: они ломаются, допускают ошибки, сопряженные порой и с опасностью. В них нет ничего таинственного и, конечно же, они – не “духи” и не “души”, обитающие в окружающей нас среде. И все же, при всех этих оговорках, они остаются в числе самых поразительных и будоражащих воображение достижений человеческого разума, ибо, подобно тому, как техника Второй волны повысила нашу мускульную силу, они повышают мощь нашего разума, а мы не ведаем, куда в конце концов заведут нас наши собственные помыслы»²³¹.

Одна из важнейших философских проблем информатизации связана с ее воздействием на человека. Можно согласиться с отечественными учеными Р.М. Юсуповым и В.П. Котенко в том, что важнейшим результатом информатизации в этом аспекте станет «возможность обеспечения своевременного и наиболее полного доступа каждого члена общества к мировому информационному фонду и изменение системы связей между людьми, связи каждого человека с каждым, изменение характера и стиля общения между людьми, резкое увеличение интенсивности, объема и разнообразия общения. Усиление в результате информатизации коммуникативного аспекта социальных отношений между членами общества создает возможности для дальнейшего развития человека как личности»²³².

²³¹ Тоффлер Э. Третья волна. С. 290.

²³² История информатики и философия информационной реальности / Под ред. Р.М. Юсупова, В.П. Котенко. С. 159.

4.3. Процессы, происходящие в современной информационной среде, с точки зрения экосистемного подхода

Как отмечает академик В.С. Степин, «... анализ картины мира как особого компонента научного знания предполагает взаимодействие двух подходов: с одной стороны, исследование ее взаимосвязей с мировоззрением и философией, функционирующих в определенном культурном пространстве, с другой – рассмотрение связей научной картины мира с конкретными теориями и опытом»²³³.

Экосистемный подход (и, в частности, экосистемная теория эволюции) занимает все более важное место в современной научной картине мира²³⁴.

В.С. Степин подчеркивает особую роль экологического знания в формировании картины мира на современном этапе цивилизационного развития: «Экологическое знание играет особую роль в формировании научной системы представлений о той сфере природных процессов, с которой человек взаимодействует в своей деятельности и которая выступает непосредственной средой его обитания как биологического вида. Эта система представлений образует важнейший компонент современной научной картины мира, который соединяет знания о биосфере, с одной стороны, и знания о социальных процессах – с другой»²³⁵.

Сегодня все большую роль в жизни человека играет искусственная информационная среда, созданная на основе электронно-коммуникационных технологий. Развитие этой информационной среды намного опережает осмысление происходящего человеком и построение соответствующей картины мира.

Современная научная картина мира весьма многогранна и, безусловно, междисциплинарна. Это подчеркивает и В.С. Степин, выделяя три этапа развития научной картины мира:

- 1) картину мира додисциплинарной науки.
- 2) картину мира дисциплинарно организованной науки.

²³³ Степин В.С., Кузнецова Л.Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М., 1994. С. 12.

²³⁴ Существует ли естественный отбор? (Материалы «круглого стола») // Идея эволюции в биологии и культуре. М., 2011. С. 567–639.

²³⁵ Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. М., 2006. С. 257.

3) современную научную картину мира, возникающую в результате усиления междисциплинарного синтеза знаний²³⁶.

Соответственно, такой важный компонент, как изучение изменяющейся информационной среды, не может не встраиваться в современную научную картину мира. Информационную среду, как и любое явление, можно изучать с очень разных сторон. В данной главе предпринята попытка рассмотреть информационную среду как часть более общего понятия – окружающей среды, причем рассмотреть с позиций нетрадиционного для изучения информационной среды подхода – экосистемного.

При анализе современной информационной среды на первый план все чаще выходят два положения: во-первых, «общество, в котором обитает человек сегодня, – это информационное общество, во-вторых, в социуме, базирующемся главным образом на информации, проживает теперь новый человек – человек информационный (*Homo informaticus*) – продукт информационного общества»²³⁷.

С этими положениями, конечно, можно поспорить. Кто-то говорит о том, что человечество в целом еще не достигло информационного общества (и, действительно, в этом плане трудно сравнивать, например, Нью-Йорк и российскую глубинку), кто-то о том, что на смену информационному обществу приходит общество знаний²³⁸. Непросто также дать точное определение «человека информационного». Рамки данной главы не позволяют останавливаться на этих безусловно важных и интересных вопросах. Задачей данной работы является попытка анализа информационной среды с точки зрения экосистемного подхода как важного направления в современных науках о жизни.

Оставим в стороне споры о том, живем ли мы уже в информационном обществе или только пытаемся его построить, а также попытки точного определения, того, что из себя представля-

²³⁶ *Степин В. С., Кузнецова Л. Ф.* Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. С. 252.

²³⁷ *Цуканов Е. А.* Место информационной среды в экосистеме «человек-социум» // *Relga. Научно-культурологический журнал.* 2004. № 7. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=226&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 05.01.2015).

²³⁸ Подробнее о соотношении понятий «информационное общество», «постиндустриальное общество» и «общество знаний», см.: *Алексеева И. Ю.* Что такое общество знаний? М., 2009. С. 274–288.

ет «человек информационный». Эти безусловно интересные и важные вопросы станут темой будущих работ. В данной же главе нам хотелось бы рассмотреть вопрос о том, можем ли мы рассматривать информационную среду как часть более обширного образования – антропоэкосистемы, и что нам дает такой анализ с философских позиций.

В основе процессов управления и самоорганизации в живой природе и в человеческом обществе лежит информация, поэтому возникновение информационного общества представляет собой качественно новый этап в процессах самоорганизации информационных структур.

Вопросу превращения «классического» Homo Faber в Homo Informaticus посвящена статья М.Г. Абрамова «Человек и компьютер: от Homo Faber к Homo Informaticus». Кстати, работа М.Г. Абрамова написана полтора десятилетия назад и, учитывая темпы развития современных информационно-коммуникационных технологий, проблемы, затронутые в ней, стали еще актуальнее. Автор статьи связывает процесс перехода к Homo Informaticus с повсеместным распространением компьютерной техники и связанным с этим новым способом деятельности, удаленной работы (на дому, в виртуальном офисе). «Такой работник буквально “растворен” в информационной среде и целиком от нее зависит, тогда как роль социальной, привычной всем нам, среды здесь вторична. По сути, это означает смену среды обитания современного человека!», – считает М.Г. Абрамов²³⁹. Об этом же пишет в «Третьей волне» и Э. Тоффлер: «Новая производственная система может перенести буквально миллионы рабочих мест с заводов и из офисов... в дом ...на новой, более высокой, электронной основе»²⁴⁰.

Среда обитания человека претерпевала определенные изменения и раньше (например, менялась с природной и деревенской на городскую). Но информационная среда, в которую мы все больше погружаемся, имеет большое отличие от, например, пространства нашей квартиры – она локальна и в то же время глобальна. Наш домашний компьютер открывает нам широкие возможности для работы, общения и взаимодействия со всем миром.

²³⁹ Абрамов М.Г. Человек и компьютер: от Homo Faber к Homo Informaticus // Человек. 2000. № 4. С. 127.

²⁴⁰ Тоффлер Э. Третья волна. С. 321–322.

Последствия превращения «человека умелого» в «человека информационного» весьма интересны, но не всегда предсказуемы, поскольку процесс этот идет медленно и не всегда заметен даже нам самим. Некоторые исследователи предполагают, что он «станет фактором минимизации непосредственных социальных связей, отдаления членов социума друг от друга, а в последней фазе – краха самого общества»²⁴¹. Мы не склонны думать, что все так печально. Речь идет не о крахе, а о трансформации общества. Подобные трансформации уже происходили (вспомним, опять же, Тоффлера с его волнами развития человечества). Собственно, происходящие перемены как раз и являются частью процессов «третьей волны», становления постиндустриального общества, которое, согласно Тоффлеру, должно завершиться к 2025 г.

Но, безусловно, процесс трансформации общества в постиндустриальное или информационное, а Homo Sapiens в Homo Informaticus несет и негативные моменты, в частности, некритическое восприятие окружающего нас массива информации. Ю.В. Хен формулирует эту проблему в виде вопроса: «Отчего же наши современники, поголовно грамотные и буквально погруженные в океан информации, оказываются столь легковверны, столь незащитны перед лицом СМИ?»²⁴². Возможно, вышеприведенное высказывание М.Г. Абрамова как раз и является ответом на этот вопрос. Мы уже настолько вжились в виртуальную информационную среду, сроднились с ней, что почти полностью утратили критическое к ней отношение. Информационная среда действительно стала нашей средой обитания и воспринимается нами как данность, примерно так же как погода или пейзаж за окном. Ведь не можем же мы сомневаться в реальности снега за окном или строящегося напротив здания! Но все больше и больше времени мы проводим не в естественной среде обитания человека – природе – и даже не в искусственно созданной среде наших квартир, а погруженными в виртуальную среду Интернета, соцсетей и компьютерных игр. То есть фактически, конечно, мы находимся у себя дома или на рабочем месте, но наше сознание

²⁴¹ Цуканов Е.А. Место информационной среды в экосистеме «человек-социум».

²⁴² Хен Ю.В. Экосистемный поворот в экологическом образовании // Философские основания экологического образования в эпоху нанотехнологий. М., 2014. С. 275.

погружено в виртуальную информационную среду, и воздействует на нас и изменяет нас именно она. Каким же образом взаимосвязаны информационная среда и среда обитания человека в целом? И как мы можем охарактеризовать окружающую человека среду и его взаимодействие с ней?

Все живые организмы на нашей планете, и человек в том числе, объединяются в определенные комплексы, а не существуют как независимые особи. Такие комплексы в экологической науке назывались по-разному. Гидробиолог К. Мёбиус в 1877 г. ввел термин «биоценоз», характеризующий исторически сложившееся объединение «растений, животных, грибов и микроорганизмов, населяющих относительно однородное жизненное пространство (участок суши или водоема)²⁴³.

Если же рассматривать живые организмы в их связи с факторами окружающей среды, то образуется комплекс под названием «экосистема». Термин «экосистема» был введен в 1935 г. английским ботаником А. Тенсли. В экологии существует также схожее, но не идентичное понятие «биогеоценоз». Биогеоценоз можно рассматривать как элементарную экосистему. По определению В.В. Маврищева, «каждый биогеоценоз является экосистемой, но не каждая экосистема соответствует биогеоценозу»²⁴⁴. Экосистема может быть как меньше биогеоценоза, так и превосходить его своими размерами. Экосистема, в отличие от биогеоценоза, не имеет конкретных границ, это более общее образование.

Что же изменилось с появлением человека, ведь экосистемы существовали на нашей планете задолго до зарождения человечества? Если мы говорим об экосистеме, центром которой является человек, в которой он живет и действует, то это уже антропоэкосистема. Антропоэкосистема, как ее определяет Б.Б. Прохоров – это «пространственное подразделение среды обитания человека, во всех своих частях обладающее сходством природных, социально-экономических, производственных, эколого-гигиенических, культурно-бытовых условий жизнедеятельности населения, которые формируют мировосприятие и экологическое сознание, уровень здоровья, демографическое

²⁴³ Маврищев В.В. Общая экология. Курс лекций. Минск, 2007. С. 107.

²⁴⁴ Там же.

поведение, физический облик, трудовые навыки, образ жизни, обряды и обычаи, выбор религии, профессиональные предпочтения и пр.»²⁴⁵.

Антропоэкосистема играет важнейшую роль в экологии человека, поскольку на практике антропоэкологические исследования сводятся к анализу разного рода антропоэкосистем – древних, современных, городских, сельских, арктических, тропических и т. д. Появлению термина «антропоэкосистема»²⁴⁶ предшествовали другие понятия, обозначающие систему, с которой связан человек в процессе своей жизнедеятельности, – антропобиогеоценоз²⁴⁷, антропосистема²⁴⁸ и антропогеоценоз²⁴⁹.

Одной из составных частей любой антропоэкосистемы является ее информационное поле, сформированное информационными потоками. Б.Б. Прохоров характеризует проблему информационного поля как одну из важнейших при описании динамики и сущности антропоэкосистемы²⁵⁰. Это связано с тем, что в основе антропоэкосистемы всегда находится общность людей, существование которой невозможно без информационно-коммуникационных процессов. В потоках информации, циркулирующих внутри антропоэкосистемы, можно выделить несколько уровней: 1) этнический уровень (совокупность культурных ценностей и религиозных верований, определяющих самосознание общности и относящих ее именно к данному конкретному народу); 2) уровень контактов и обмена информацией между антропоэкосистемами сходного или, наоборот, противоположного типа; 3) багаж знаний, накопленных в каждом конкретном коллективе и специфичных для него (сельскохозяйственные, животноводческие, охотничьи знания и навыки)²⁵¹.

Уровень антропоэкосистемы может быть очень разным – от глобального (планета Земля) до точечного (квартира). По определению Б.Б. Прохорова, глобальная антропоэкосистема, или антро-

²⁴⁵ Прохоров Б.Б. Экология человека. Понятийно-терминологический слов. М., 1999. С. 20.

²⁴⁶ Преображенский В.С., Райх Е.Л. География и развитие экологии человека // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1984. № 5.

²⁴⁷ Казначеев В.П. Современные аспекты адаптации. Новосибирск, 1980.

²⁴⁸ Реймерс Н.Ф. Антропосистема // Природопользование. Слов.-справ. М., 1990.

²⁴⁹ Алексеев В. П. Становление человечества. М., 1984.

²⁵⁰ Прохоров Б.Б. Экология человека. М., 2001. С. 62.

²⁵¹ Там же. С. 62.

поэкоосфера, «охватывает всю поверхность Земли и состоит из биосферы (в трактовке В.И. Вернадского) всего населения планеты (человеческого общества), которое использует ресурсы планеты с помощью технических средств»²⁵².

При анализе антропоэкоосистемы ставятся цели не только изучения структуры и поведения системы, но и прогнозирования этого поведения. Это особенно актуально в связи с тем, что среда обитания современного человека (глобальная антропоэкоосистема или антропоэкоосфера) в последнее время сильно изменилась. Человек зачастую сталкивается с абсолютно новыми реалиями, к которым не успевает адаптироваться. Поэтому необходим всесторонний анализ изменений антропоэкоосферы, включая инфосферу, становящуюся все более значимой ее частью. Это необходимо с целью своевременного прогнозирования изменений в антропоэкоосфере, которые могут оказывать на человечество самое разное, в том числе и негативное, влияние. Зная прогноз, можно намечать пути управления антропоэкоосистемами, которое позволит, хотя бы частично, оптимизировать взаимоотношения человечества и глобальной антропоэкоосистемы.

Еще В.И. Вернадский при анализе процессов перемещения химических элементов и энергии в природе, обратил внимание на возрастание воздействия человеческой деятельности на фундаментальные биогеохимические круговороты нашей планеты и показал, что человек благодаря использованию науки и техники превратился в мощную геологическую силу, способную радикальным образом изменять естественные планетарные биогеохимические процессы. Осознание человека, социума планетарной силой привело В.И. Вернадского к выводу о качественном изменении роли общества во взаимодействии с природой, о наступлении качественно нового этапа в эволюции биосферы, связанного с техногенным преобразованием окружающей среды.

Информационные потоки и информационная среда занимают в окружающей среде все более значимое место, постепенно становясь основной средой обитания человека, если судить по времени, проводимым нами за работой за компьютером, Интернет-серфингом, в соцсетях или в виртуальном пространстве компьютерных игр; а также по воздействию, которое оказывают на нас

²⁵² Прохоров Б.Б. Экология человека. С. 53.

все эти виды деятельности. Изменения, вносимые в нашу жизнь искусственно созданной средой информационно-коммуникационных технологий, затрагивают все ее стороны: наше сознание и мировоззрение, работу и образование, семью и межличностные отношения, экономику и производство²⁵³. Как верно подметил Е.А. Цуканов, искусственная информационная среда, «воздействуя на все органы чувств, ... создает иллюзию подлинности символического мира, что сказывается на восприятии и оценке окружающей действительности»²⁵⁴. Таким образом, виртуально-информационная реальность преобразует не только окружение человека, но и его самого.

Понятие «среда» (применительно к человеку) отражает не просто взаимосвязь условий, влияющих на его развитие. Предполагается взаимодействие, взаимовлияние человека и среды. Информационная среда не является исключением в этом смысле. Рассмотрение человека как части экосистемы, более того, в качестве центрального звена «человекоразмерной» экосистемы – антропоэкосистемы и ее важной составляющей – информационной среды, помогает лучше понять необходимость адаптации человека к этой среде. Более правильным было бы даже употребить здесь термин «коадаптация», поскольку человек и информационная среда на всем протяжении своего развития постоянно взаимно приспособляются, эволюционируют, коадаптируются. Изменение человеком информационной среды, построение искусственно созданной информационной среды вокруг себя, и его изменение под влиянием этой среды – процессы неразрывно связанные, тесно переплетающиеся и невозможные один без другого.

Человечество небывало быстрыми темпами создает искусственную, виртуальную информационно-коммуникационную среду и, соответственно, вынуждено за ограниченное время осуществить приспособление к новым условиям своего бытия. Это резко актуализирует необходимость философского осмысления проблемы адаптации человека к информационной среде. Такое осмысление должно быть связано с выработкой новых философских прин-

²⁵³ Подробнее об этом см.: *Петрова Е.В.* Человек в информационной среде: социокультурный аспект. М., 2014.

²⁵⁴ *Цуканов Е.А.* Место информационной среды в экосистеме «человек-социум».

ципов, которые, говоря словами И.К. Лисеева, «должны формировать принципиально новое глобальное, целостное, синтетическое представление о Мире и месте в нем Человека»²⁵⁵.

Информационная среда, становясь все более важной и неотъемлемой частью окружающей среды, предъявляет к человеку возрастающие адаптивные требования. Человечество было вынуждено адаптироваться к природной и искусственно созданной информационной среде на всем протяжении своего развития, однако, жизнь современного человека определяется новыми реалиями, новыми экологическими и социальными обстоятельствами. Современные информационные технологии находят применение во всех сферах общественной жизни, изменяют мировоззрение людей, трансформируют еще вчера казавшиеся вполне устоявшимися образование, бизнес, управление государством, создавая тем самым новую информационную среду существования человека – информационное общество. В таком обществе во много раз возрастает информационная нагрузка на индивида, его мировоззрение, психику, систему ценностей. Поэтому сейчас весьма актуальна задача анализа позитивных и негативных аспектов процесса адаптации, осмысления новых путей адаптации и коадаптации человека и антропоэкосистемы, и новых форм построения информационной среды, максимально отвечающей запросам общества и личности.

Если же рассмотреть процесс воздействия на человека информационной среды с точки зрения занимающей все более уверенные позиции экосистемной теории эволюции (ЭТЭ), то напрашиваются еще более интересные и далеко идущие выводы.

Эволюция человечества всегда протекала в рамках экосистемы. Еще В.И. Вернадский обратил внимание на то, что живые организмы на Земле не могли появиться обособленно, вне связи друг с другом, т. к. для поддержания жизни необходим круговорот веществ. Поэтому жизнь могла возникнуть только в составе комплексов – биогеоценозов.

Ссылаясь на Г.А. Заварзина, В.И. Назаров пишет о том, что жизнь первоначально существовала «в форме экосистемы, в составе которой лишь позже вычленились отдельные протоорганиз-

²⁵⁵ Лисеев И.К. Особенности и специфика экологического образования эпохи высоких технологий // Философские основания экологического образования в эпоху нанотехнологий. М., 2014. С. 5.

мы. Из этого следует, что первые шаги эволюции вообще можно описывать только системно: биосфера как высшая система живого определяет возможности экосистем как своих компонентов, а те, в свою очередь, возможности входящих в них групп и видов»²⁵⁶. Эволюция видов, как компонентов экосистемы, определяется состоянием системы, к которой они принадлежат.

Наиболее известная экосистемная гипотеза эволюции разработана известным отечественным палеобиологом В.А. Красиловым. В.И. Назаров характеризует ее как целостную концепцию эволюции, построенную с последовательно системных позиций и опирающуюся на данные современной молекулярной биологии и генетики²⁵⁷. В этой концепции в качестве движущей силы эволюции выступает взаимодействие биосферы с геологическими оболочками Земли, периодически принимающее кризисный характер. На первый план здесь выходят климатические и тектонические перестройки, влияющие на эволюционную судьбу биосферы. Эти изменения рассматриваются как механизм, запускающий дестабилизационные процессы в экосистемах.

Как уже отмечалось выше, эволюционный процесс, протекающий в устойчивых экосистемах. В.А. Красилов назвал когерентной эволюцией (от лат. *cohaerens* – находящийся в связи, в согласии)²⁵⁸. Классический дарвинизм и синтетическая теория эволюции описывают именно такой тип эволюционного процесса.

Но существует другой тип эволюции – некогерентной. Такая эволюция протекает в кризисных, т. е. неустойчивых, нарушенных экосистемах. Как раз некогерентная эволюция и является предметом изучения современной экосистемной теории эволюции.

При изменении основных параметров экосистемы (например, климата), вымирают прежде всего наиболее приспособленные, «глубоко укорененные» в экосистеме виды, играющие важнейшую роль в ее (экосистемы) структуре. Освобождаются целые экологические ниши и открывается возможность для эволюционных экспериментов.

²⁵⁶ Назаров В.И. Эволюция не по Дарвину: смена эволюционной модели. М., 2005. С. 436.

²⁵⁷ Там же. С. 438–439.

²⁵⁸ Красилов В.А. Филогенез и принципы систематики современных и ископаемых кораллов // Проблемы филогении и систематики. Владивосток, 1969. С. 12-30.

Кризис – это состояние среды и живых организмов, когда включаются новые, доселе неизвестные возможности. У всех эукариот существует очень надежная многоуровневая сложно организованная система противoinформационной защиты. Оказывается, однако, что «при стрессе эта система резко снижает свою эффективность и как бы сама “попустительствует” проникновению в организм экзогенного генетического материала. Явление, аномальное и вредное для вида в привычных условиях, оборачивается в частое и благое в кризисной ситуации: благодаря активизации МГЭ чужеродные гены принимают участие в желанной реорганизации его генома. И в этом аспекте, как мы видим, ЭТЭ, разработанная Красиловым, совпадает с представлениями, уже известными нам из новой генетики»²⁵⁹.

Если геологический кризис развивается медленно, то биологическая эволюция экосистем совершается быстро, иначе быть просто не может, поскольку организмы не могут долгое время пребывать в состоянии стресса: они должны или погибнуть, или найти способы адаптироваться, а значит измениться. В этом поиске будут задействованы не отдельные виды, а сразу большинство видов сообщества, и в результате по окончании кризиса состав сообщества почти полностью обновится. По сути, это будет новая экосистема.

Вслед за В.И. Назаровым отметим вклад в ЭТЭ теории стресса канадского патолога и эндокринолога Ганса Селье. Селье определил стресс как «неспецифический ответ организма на любые сильные воздействия, сопровождающиеся перестройкой его защитных систем»²⁶⁰. Стресс возникает тогда, когда жизненно важные параметры внутренней или внешней среды организма отклоняются от оптимального уровня, т. е. нарушается гомеостаз. Умеренный стресс способствует поиску полезных защитных реакций и форм поведения, обеспечивая выживание организмов.

Стрессорные факторы могут непосредственно воздействовать на геном, побуждая его к быстрой, существенной и целесообразной реорганизации (геномный стресс). Эта реорганизация происходит при участии особого класса мобильных генетических элементов, открытого американским генетиком Б. МакКлинтоком²⁶¹. МакКлин-

²⁵⁹ Назаров В.И. Эволюция не по Дарвину: смена эволюционной модели. С. 445.

²⁶⁰ Селье Г. На уровне целого организма. М., 1972. С. 116.

²⁶¹ Назаров В.И. Экосистемная теория эволюции вместо синтетической // Идея эволюции в биологии и культуре. М., 2011. С. 109.

ток показала, что благодаря МГЭ клетка способна целенаправленно перестраивать свой геном в ответ на стресс. В своей работе В.И. Назаров ссылается на физиолога И.А. Аршавского, который высказал предположение о возможном общем месте этой реорганизации: организм сам находит нужное изменение своей физиологии, которому затем подыскивает подходящее генетическое основание²⁶². Ю.В. Чайковский²⁶³, поддержавший эту идею, заявил, что клетка с ее системой наследственной памяти способна ответить на вызов среды активным и упорядоченным генетическим поиском (этим термином он обозначил «изготовление новых генетических текстов»), а не просто ожидать случайной адаптивной мутации.

В.И. Назаров считает, что между физиологическим и геномным стрессами имеется существенное сходство. Две эти формы стресса можно объединить в целостный адаптационный механизм, направленный на защиту организма от факторов среды, с которыми вид никогда не сталкивался или при воздействии которых не происходило адекватной адаптивной реакции.

Все более значительную часть общей «стрессовой нагрузки», приходящейся на современного человека, составляет информационный стресс, порождаемый современной информационной средой. Проблема информационного стресса приобретает повышенную научную и практическую актуальность в связи с непрерывным ростом социальной, экономической, экологической, техногенной, личностной напряженности нашей жизни и значительными изменениями содержания и условий труда у представителей многих профессий. Автоматизация производства, широкое применение компьютерной техники, использование информационных моделей, интенсификация труда приводят к возрастанию количества проблемных ситуаций, повышению темпа работы и увеличению профессиональной и личностной значимости и ответственности за результаты и последствия деятельности. В отечественной и зарубежной литературе получили довольно широкое освещение вопросы влияния информационных факторов на деятельность человека и его состояние. В частности, в работе В.А. Бодрова «Информационный стресс» представлены ма-

²⁶² Назаров В.И. Экосистемная теория эволюции вместо синтетической. С. 110.

²⁶³ Чайковский Ю.В. Проблема наследования и генетический поиск // Теоретическая и экспериментальная биофизика[^] Межвуз. сб. Вып. 6. Калининград, 1976. С. 148–164.

териалы экспериментально-теоретического изучения информационного стресса человека-оператора, как одного из видов профессионального стресса психологической природы. В.А. Бодров считает, что стресс «является реакцией не столько на физические свойства ситуации, сколько на особенности взаимодействия между личностью и окружающим миром. Это в большей степени продукт наших когнитивных процессов, образа мыслей и оценки ситуации, знания собственных возможностей (ресурсов), степени обученности способам управления и стратегии поведения, их адекватному выбору»²⁶⁴. Примером источника информационного стресса могут служить телефонные звонки и другие средства коммуникации. В течение рабочего дня сотрудники различных корпораций и учреждений в среднем прерываются 190 сообщениями в виде телефонных звонков, факсов, электронных писем, вызовов по мобильному телефону. При этом типичному работнику приходится общаться более чем с 20 абонентами в день, «переключаясь» на новую задачу в среднем 6 раз в час, что порождает значительные психологические нагрузки. И это не считая личные телефонные разговоры, смс-сообщения и постоянное «зависание» в соцсетях! Миллионы людей начинают свой день с проверки электронной почты и просмотра френдленты в «Фейсбуке». Причем это превращается в настоящую зависимость, т. к., будучи лишенными возможности совершать привычные действия (например, из-за отключения Интернета или электричества), эти люди испытывают неприятные психофизиологические симптомы, схожие с симптомами абстиненции. Необходимость выделения информационного стресса в качестве отдельной формы стресса обуславливается как особенностями его происхождения и развития, так и специфичностью средств и способов профилактики и преодоления данного вида стресса.

Информационный стресс зачастую возникает из-за нарушения баланса между увеличивающимися потоками информации и способностью человека к её восприятию и переработке. Возможности психики и физиологии человека безграничны, и это касается и восприятия информации. Все мы рано или поздно сталкиваемся с проблемой переизбытка информации, поэтому важно знать основы психофизиологических аспектов работы с информацией для оптимального решения этой проблемы.

²⁶⁴ Бодров В.А. Информационный стресс. М., 2000. С. 5.

По словам Е.Н. Гнатик, современные ученые «находятся в стадии разработки новых подходов к пониманию эволюционного процесса и его механизмов»²⁶⁵. Кто знает, как воздействует на наш геном фактор информационного стресса в свете открытия Б. МакКлинток, теорий Ю.В. Чайковского и экосистемной концепции эволюции В.А. Красиловой? Не приведет ли это к тому, что *Homo sapiens* эволюционирует в *Homo informaticus* не в социокультурном, а в самом что ни на есть биологическом смысле? Конечно, в таком утверждении есть изрядная доля научной смелости, и, может быть, даже преждевременности, но и совсем отказываться от него было бы, по нашему мнению, неправильным.

²⁶⁵ Гнатик Е.Н. Антропогенетика и философия: нерасторжимое единство // Науки о жизни и современная философия. М., 2010. С. 101.

Заключение

В книге подводятся итоги многолетней исследовательской работы, проведенной за последние двадцать лет на базе сектора био- и экофилософии Института философии РАН, по осмыслению философских проблем современных наук о жизни.

Выделяются и анализируются основные идеи, опубликованные в двух сериях книг, посвященных этой проблематике: «Философский анализ оснований биологии» и «Науки о жизни и современная философия». Рассматривается современное значение подхода, реализованного в первой серии, по комплексному, всестороннему анализу функционирования биологического знания в системе наук и культуры, дающего возможность осознать современное место биологии, проследить тенденции становления в ней нового методологического сознания.

Подчеркивается нарастающая актуальность поставленной во второй серии книг проблемы вызовов, идущих от развития современных биологических исследований, в их влиянии на трансформацию действующего ныне философского знания.

Учитывая и развивая ранее высказанные в предыдущих книгах положения, авторы данной работы пытаются выделить и обосновать те философские инновации, которые появляются сейчас в связи с развитием современных биологических исследований. В работе проведен анализ изменения стиля мышления, смены методологических подходов, которые возникают в биологии, а затем переходят в философию и культуру в целом.

Авторы показывают, как объективная логика появляющегося нового исследовательского материала требует осознания возникновения новых методологических ориентаций, а они, в свою очередь, затем существенно расширяют и углубляют исследовательское поле, формируя новое видение биологической реальности.

Анализ крупнейших открытий в науках о жизни последних лет дает возможность показать их вклад в формирование современной научной картины мира, ведущий не только к онтологической новизне, но и к смене ценностных приоритетов и деятельностных установок научного исследования наших дней.

В работе многосторонне обсуждается сверхактуальная ныне проблема методологических и этических аспектов совершенствования человека в свете новых биотехнологий; подчеркивается, что определяющим здесь является учет разных типов знания в их направленности на определение гуманистических перспектив глобального будущего человечества. При этом подчеркивается, что природно-экологические константы выступают как неразрывное органическое единство с другими компонентами бытия. В книге подробно рассмотрено влияние эволюционных идей на понимание образа совершенного человека. Критически проанализированы как традиционные, так и новоявленные евгенические концепции, включая трансгуманизм, показана их итоговая утопичность, их несоответствие новым развивающимся ныне эволюционным идеям наших дней.

Проблеме утопизма в системе социоприродных представлений о мире посвящена в книге отдельная глава. Здесь показывается, что наш выдающийся ученый В.И. Вернадский, автор многих фундаментальных представлений, во многом изменивших научную парадигматику, формулируя свое понимание ноосферы, исходил не из научных, а скорее из мировоззренческих представлений об устройстве мироздания, где вершиной оказывается идеальное общество. На основании работ Г.А. Заварзина отмечается, что трансформация биосферы под воздействием человека ведет не к ноосфере, а к созданию антропогенной экосистемы, функционирующей с нарушением хода большинства естественных процессов.

В этой связи в работе рассматривается общая роль утопии в культуре и науке, которая начинается со служения Добру, а заканчивается торжеством Зла.

В противоположность классическому дарвинизму, в котором войны, эксплуатация, насилие заложены самой природой, предлагается картина мира, развиваемая Г.А. Заварзиным, где движение идет не от элементов к системе, не снизу вверх, а сверху вниз, от общего к частному. В аксиологическом плане рассматривается возможность изменения ценностной ориентации человека вне дарвиновского принципа конкуренции и борьбы за личностное превосходство.

В работе показывается, что ныне происходит существенное изменение в исследованиях закономерностей жизни. Обсуждается тезис о том, что сегодня единая картина развития жизни невозможна.

Переделка человека, создание нового человека – это и есть очередной утопический проект переделки фундаментальных принципов бытия. Решение проблемы состоит в преодолении утопических проектов, утверждающих идею безграничной власти человека над природой.

В заключительной главе книги рассмотрены место и роль человека в современной информационной среде с точки зрения экосистемного подхода. Показывается, что в условиях становления информационного общества, быстро развивающейся виртуально-информационной реальности преобразуется не только окружение человека, но и он сам, что требует глубокого философского осмысления. Последствия превращения «человека умелого» в «человека информационного» принципиальны. Речь идет о трансформации общества. Необходимо показать, как взаимосвязаны информационная среда и среда обитания человека в целом. Экосистемный подход, развиваемый в биологии, помогает решить эту проблему. Антропоэкосистема играет важнейшую роль в экологии человека, поскольку одной из ее составных частей является информационное поле, сформированное информационными потоками. Зная прогнозирование изменений в антропоэкосистеме, можно наметить пути управления ею. Человечество и информационная среда на всем протяжении своего развития постоянно взаимно приспособляются, эволюционируют, коаптируются. Поэтому сейчас весьма актуальна задача анализа позитивных и негативных аспектов процесса адаптации, осмысление новых путей адаптации и коаптиции человека и антропоэкосистемы. Необходим поиск новых форм построения информационной среды, максимально отвечающих запросам общества и личности и устраняющих возможные информационные стрессы.

Все это свидетельствует о нарастающей актуальности философско-рефлексивного анализа процессов, тенденций и закономерностей, разворачивающихся во всем комплексе наук о жизни.

Список литературы

- Абдеев Р.Ф.* Философия информационной цивилизации. М.: ВЛАДОС, 1994. 336 с.
- Абрамов М.Г.* Человек и компьютер: от Homo Faber к Homo Informaticus // Человек. 2000. № 4. С. 127–134.
- Алексеев В.П.* Становление человечества. М.: Политиздат, 1984. 462 с.
- Алексеева И.Ю.* Что такое общество знаний? М.: Когито-Центр, 2009. 96 с.
- Алешин А.И.* Междисциплинарные связи биологии как пространство возможностей теоретического поиска // Природа биологического познания. М., 1991. С. 170.
- Аристотель.* Большая этика // *Аристотель.* Соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1983. 295 с.
- Аристотель.* Политика // *Аристотель.* Соч.: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1983. 375 с.
- Аришинов В.И.* Синергетика как язык пространств становления // Методология биологии: новые идеи. М., 2001. С. 210–222.
- Баксанский О.Е.* Коэволюционные репрезентации в современной науке // Методология биологии: новые идеи. М., 2001. С. 44–62.
- Барышников П.Н.* Типология бессмертия в теоретическом поле французского трансгуманизма. Глобальное будущее 2045. М., 2013. 210 с.
- Белкина Г.Л.* Компьютеризация и общество // Вопр. философии. 1988. № 6. С. 132–140.
- Белл Д.* Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 330–342.
- Белоусов Л.В.* Ценность в биологии – общая декларация или основа для конструктивной программы? // Методология биологии: новые идеи. М., 2001. С. 74–82.
- Блок А.* Собр. соч.: в 6 т. Т. 4. Л.: Худож. лит., 1982.
- Блюменау Д.И.* Информация и информационный сервис. Л.: Наука, 1989. 188 с.
- Бодрийяр Ж.* Войны в заливе не было // Худож. журн. 1993. № 4. С. 33–36.
- Бодров В.А.* Информационный стресс. М.: ПЕР СЭ, 2000. 352 с.
- Борзенков В.Г.* От «философии жизни» к «биофилософии» // Биофилософия. М., 1997. С. 27–41.
- Борзенков В.Г.* Современная биология в зеркале методологической рефлексии // Методология биологии: новые идеи. М., 2001. С. 83–93.
- Борзенков В.Г., Юдин Б.Г.* Методологические основания комплексного изучения человека // Многомерный образ человека». М.: Наука, 2001. С. 478–493.

Буданцев Ю.П. Системность в изучении массовых информационных процессов. М.: Изд-во ун-та дружбы народов, 1986. 166 с.

Булгаков С.Н. Апокалиптика и социализм // Булгаков С.Н. Избр. ст. Т. 2. М.: Наука, 1993. С. 305.

Бутова В.Н. К вопросу формирования информационной среды вуза // Изв. Регионал. финансово-эконом. ин-та. 2013. № 1. URL: <http://science.rfei.ru/ru/2013/1/2.html> (дата обращения: 11.03.2016).

Вачнадзе Г.Н. Всемирное телевидение. Новые средства массовой информации – их аудитория, техника, бизнес, политика. Тбилиси: Ганатлеба, 1989. 672 с.

Вернадский В.И. Автотрофность человечества // Биогеохимические очерки. М.: Наука, 1940. С. 288–303.

Вернадский В.И. Живое вещество. М.: Наука, 1978. 358 с.

Вернадский В.И. Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков. М.: Современник, 1993. 688 с.

Вернадский В.И. Размышления натуралиста. М.: Наука, 1977. 192 с.

Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 520 с.

Вернадский В.И. Химический состав биосферы земли и ее окружение. М.: Наука, 2001. 376 с.

Гайденко П.П. Нравственная природа человека в европейской традиции XIX–XX веков // Этическая мысль. М.: ИФ РАН, 2000. С. 86–106.

Гайденко П.П. Христианство, герметизм и новоевропейское понимание природы // Христианство и наука. Рождественские чтения 2001. М.: Отдел религиоз. образования и катехизации Рус. Православ. Церкви, 2001. С. 16–41.

Гальтон Ф. Наследственность таланта ее законы и последствия. М.: Мысль, 1996. 272 с.

Герасименко В.А. Основы информационной грамоты. М.: Энергоатомиздат, 1996. 320 с.

Герасимов И.В., Стрекалова Г.А., Чугунов Л.А. Информационные объекты и модели. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 1988. 60 с.

Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М., 1988. 430 с.

Гиренок Ф.И. Русские космисты // Циолковский К.Э. Космическая философия. М.: Знание, 1990. С. 00–00.

Гирусов Э.В. Экологическое знание как теоретическая составляющая новой этики и культуры // Связь времен. М., 2002. С. 144–156.

Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. М.: Изд-во МБА, 2013. 272 с.

Глобальный эволюционизм (филос. анализ). М.: ИФ РАН, 1994. 150 с.

Глэд Дж. Будущая эволюция человека. Евгеника XXI века. М.: Захаров Год, 2005. 176 с.

Гнатик Е.Н. Антропогенетика и философия: нерасторжимое единство // Науки о жизни и современная философия. М.: Канон+, 2010. С. 99–127.

Гуревич П.С. Философия человека: в 2 ч. Ч. 2. М.: ИФ РАН, 2001.

Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора. СПб., 1991. 67 с.

Дейкин А.В., Саяхова А.Р. Трансгенез: философские подходы и трансформации // Науки о жизни и современная философия. М., 2010. С. 493–494.

Денисова А.Б., Сеньюшина В.Г. Влияние информационной реальности на существование человека // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7792> (дата обращения: 08.06.2016).

Дерябо С.Д., Ясвин В.А. Экологическая педагогика и психология. Ростов н/Д., 1996.

Дзюбенко М.А. Дайджест книги Фрэнсиса Хэммета «Виртуальная реальность». М.: Новость, 1993. 69 с.

Дионео (Шкловский Н.В.). Из Англии. Звериная психология // Русское богатство. 1912. № 10. С. 296–323.

Дубровский Д.И. Природа человека, антропологический кризис и кибернетическое бессмертие // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. М.: Изд-во МБА, 2013. С. 193–202.

Егоров В.В. Телевидение между прошлым и будущим. М.: Воскресенье, 1999. 416 с.

Заварзин Г.А. Антирынок в природе // Высш. образование в России. 2007. № 4. С. 123–133.

Заварзин Г.А. Индивидуализм и системный анализ – два подхода к эволюции // Природа. 1999. № 1. С. 23–34.

Заварзин Г.А. Какосфера. Философия и публицистика. М.: Ruthenica, 2011. 460 с.

Заварзин Г.А. Лекции по природоведческой микробиологии. М.: Наука, 2003. 348 с.

Заварзин Г.А. Логика биологии и современное мировоззрение // Науки о жизни и современная философия. М.: Канон+, 2010. С. 302–317.

Заварзин Г.А. Составляет ли эволюция смысл биологии? // Вестн. Рос. Акад. наук. 2006. Т. 76. № 6. С. 522–543.

Заренков Н.А. Опыт построения семиотической теории жизни // Методология биологии: новые идеи. М., 2001. С. 190–210.

Зеньковский В.В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. М.: Изд-во Свято-Владимир. Братства, 1993. 258 с.

Иванов В.В. Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. М.: Советское радио, 1978. 184 с.

Иванов Д.В. Общество как виртуальная реальность // Информационное общество. М.: АСТ, 2004. С. 355–427.

Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М.: Academia-Наука, 1998. 640 с.

История информатики и философия информационной реальности / Под ред. Р.М. Юсупова, В.П. Котенко. М.: Акад. проект, 2007. 429 с.

Казначеев В.П. Современные аспекты адаптации. Новосибирск: Наука, 1980. 191 с.

Казначеев В.П. Учение о биосфере. М.: Знание, 1985. 80 с.

Кампанелла Т. Город Солнца. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 168 с.

Карпинская Р.С. Природа биологии и философия биологии // Природа биологического познания. М., 1991. С. 5–24.

Карпинская Р.С., Лисеев И.К., Огурцов А.П. Философия природы: коэволюционная стратегия. М.: Интерпракс, 1995. 350 с.

Кастельс М. Галактика Интернет. Екатеринбург: У-Фактория, 2001. 328 с.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

Коган В.З. Человек в потоке информации. Новосибирск: Наука. 1981. 177 с.

Колеватов В.А. Социальная память и познание. М.: Мысль, 1984. 193 с.

Колин К.К. Социальная информатика. М.: Акад. проект; Фонд «Мир», 2003. 432 с.

Кольцов Н.К. Улучшение человеческой породы (речь в годовичном заседании Русского Евгенического общества от 20 окт. 1921 г.) // Рус. евген. журн. 1922. Т. 1. Вып. 1. С. 1–27.

Конрад Н.И. Запад и Восток. М., 1972. 484 с.

Концепция информатизации сферы образования Российской Федерации. М.: Гос. НИИ систем. интеграции, 1998. 322 с.

Кордюм В.А. Эволюция и биосфера. Киев: Наукова думка, 1982. 264 с.

Красилов В.А. Метаэкология. М.: Палеонтол. Ин-т РАН, 1997. 208 с.

Красилов В.А. Охрана природы: Принципы, проблемы, приоритеты. М., 1992. 173 с.

Красилов В.А. Филогенез и принципы систематики современных и ископаемых кораллов // Проблемы филогении и систематики. Владивосток: Дальневосточ. гос. ин-т, 1969. С. 12–30.

Лекторский В.А. Возможно ли постчеловеческое будущее // Человек и его будущее. М., 2012. С. 31–32.

Лисеев И.К. Новые методологические ориентации в современной философии биологии // Методологии биологии: новые идеи. М., 2001. С. 21–32.

Лисеев И.К. Особенности и специфика экологического образования эпохи высоких технологий // Философские основания экологического образования в эпоху нанотехнологий. М.: Канон+, 2014. С. 5–21.

Лисеев И.К. Пророк нового века (к 150-летию со дня рождения В.И. Вернадского) // Стратегические приоритеты. 2014. Вып. 1. С. 97–108.

Лисеев И.К. Современная биология в формировании новых регулятивов культуры // Биология и культура. М., 2004. С. 5–49.

Лисеев И.К. Философия жизни – путь к новой парадигме культуры // Биофилософия. М., 1997. С. 95.

Лисеев И.К., Шаров А.Я. Генетика человека, ее философские и социально-этические проблемы // Вопр. философии. 1970. № 7–8.

Луков В.А., Погорский Э.К. Информатика и новая информационная реальность: философский взгляд // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 2. С. 289–293.

Лукьянова И. Корней Чуковский. М.: Мол. гвардия, 2006. 988 с.

Любишев А.А. Из письма П.Г.Светлову // Природа биологического познания. М., 1991. С. 24–29.

Любищев А.А. О природе наследственных факторов (критическое исследование). Пермь: Изв. биол. научно-исслед. ин-та при Перм. ун-те, 1925. 142 с.

Маврищев В.В. Общая экология. Курс лекций. Минск: Новое знание, 2007. 299 с.

Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. М.: Акад. проект, 2005. 496 с.

Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.; Жуковский: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2003. 464 с.

Маклюэн М. Средство само есть содержание // Информационное общество. М.: АСТ, 2004. С. 341–348.

Мамзин А.С. Биология и философия // Науки о жизни и современная философия. М., 2010. С. 9–22.

Мангейм К. Идеология и Утопия // Утопия и утопическое мышление. М.: Прогресс, 1991. С. 113–169.

Марков А.В. Рождение сложности. Эволюционная биология сегодня: неожиданные открытия и новые вопросы. М.: Астрель, 2010. 552 с.

Маслов В.М. Высокие технологии и феномен постчеловеческого в современном обществе. Н.-Новгород, 2014. 130 с.

Мейен С.В. Логико-методологические и теоретические стереотипы в биологии // Природа биологического познания. М., 1991. С. 21–27.

- Меркулов И.П.* Взаимосвязь биологической и культурной эволюции // Биология и культура. М., 2004. С. 288–213.
- Моисеев Н.Н.* Универсальный эволюционизм // Вопр. философии. 1991. № 3. С. 3–28.
- Моисеев Н.Н.* Человек во Вселенной и на Земле // Вопр. философии. 1990. № 6. С. 32–45.
- Назаретян А.П.* Нелинейное будущее. М.: МБА, 2013. 440 с.
- Назаров В.И.* Эволюция не по Дарвину. Смена эволюционной модели. М.: КомКнига, 2005. 520 с.
- Назаров В.И.* Экосистемная теория эволюции вместо синтетической // Идея эволюции в биологии и культуре. М.: Канон+, 2011. С. 100–113.
- Наука. Техника. Человек. Материалы «круглого стола» // Философия науки и техники. 2015. Т. 20. № 2. С. 5–48.
- Новое в науках о человеке. М.: URSS, 2015. 429 с.
- Носов Н.А.* Виртуальная психология // Тр. лаб. виртуалистики. Вып. 6. М.: Аграф, 2000. 432 с.
- Огурцов А.П.* Биологические метафоры, в которых живет культура // Биология и культура. М., 2004. С. 202–241.
- Пенроуз Р.* Тени разума. В поисках науки о сознании. М.; Ижевск: Ин-т. компьют. исслед.; НИЦ «РХД», 2003. 352 с.
- Петрова Е.В.* Человек в информационной среде: социокультурный аспект. М.: ИФ РАН, 2014. 137 с.
- Платон.* Государство // *Платон.* Соч.: в 3 т. Т. 3(1). М.: Мысль, 1971. С. 89–454.
- Платон.* Евтидем // *Платон.* Соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 158–202.
- Прайд В.* Влияние интеллекта на эволюцию человека или Первая аксиома трансгуманизма // Эволюция. 2005. № 2.
- Преображенский В.С., Райх Е.Л.* География и развитие экологии человека // Изв. АН СССР. Сер. географ. 1984. № 5. С. 5–12.
- Программа действий. Повестка дня на XXI век. Женева, 1993.
- Прохоров Б.Б.* Экология человека. Понятийно-терминологический словарь. М.: Изд-во МНЭПУ, 1999. 348 с.
- Прохоров Б.Б.* Экология человека. М.: Издат. центр «Академия», 2010. 320 с.
- Ракитов А.И.* Философия компьютерной революции. М.: Политиздат, 1991. 287 с.
- Реймерс Н.Ф.* Концептуальная экология. М.: Россия молодая, 1992. 367 с.
- Реймерс Н.Ф.* Начала экологических знаний. М., 1993. 256 с.
- Реймерс Н.Ф.* Природопользование. Словарь-справочник. М.: Мысль, 1990. 637 с.

- Реймерс Н.Ф.* Системные основы природопользования // Философские проблемы глобальной экологии, М., 1983. С. 121.
- Родин С.Н.* Идея коэволюции. Новосибирск, 1991. 271 с.
- Руднев В.П.* Кино // Словарь культуры XX в. М.: Аграф, 1997. С. 130–133.
- Руднев В.П.* Телефон // Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997. С. 311–314.
- Саптак В.С.* Телевидение и мы. Четыре беседы. М.: Аспект Пресс, 2007. 168 с.
- Селье Г.* На уровне целого организма. М.: Наука, 1972. 122 с.
- Семенюк Э.П.* Информатика: достижения, перспективы, возможности. М.: Наука, 1988. 240 с.
- Соколов А.В.* Общая теория социальной коммуникации. Учеб. пособие. СПб.: Изд-во В.А. Михайлова, 2002. 461 с.
- Соколов А.В.* Социальные коммуникации. Ч. 1. М.: Профиздат, 2001. 222 с.
- Степин В.С., Кузнецова Л.Ф.* Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М.: ИФ РАН, 1994. 274 с.
- Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
- Степин В.С.* Философия и методология науки. М.: Акад. проект, 2015. 716 с.
- Степин В.С.* Философия науки. Общ. пробл. М.: Гардарики, 2006. 384 с.
- Степин В.С.* Философская антропология и философия культуры. М.: Акад. проект, 2015. 542 с.
- Стоуньер Т.* Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 394–413.
- Существует ли естественный отбор? (Материалы «круглого стола») // Идея эволюции в биологии и культуре. М.: Канон+, 2011. С. 567–639.
- Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. М.: Наука, 1987. 239 с.
- Торосян А.Ц.* Открытие основной функции живого. М., 2005. 266 с.
- Тоффлер Э.* Третья волна. М., 2002. 371 с.
- Туровская С.В.* Жизнь как факт культуры // Биология и культура. М., 2004. С. 318–342.
- Турчин В., Джослин К.* Кибернетический манифест // Глобальное будущее 2045. М., 2013.
- Универсальный эволюционизм и глобальные проблемы / Отв. ред.: В.В. Казютинский, Е.А. Мамчур. М.: ИФ РАН, 2007. 255 с.
- Урсул А.Д.* Социоприродное развитие в универсальной истории // Земля и Вселенная. 2005. № 1. С. 48–54.
- Федоров В.М.* Учение о биосфере и интеграция наук. М., 1986. С. 65–66.

- Фесенкова Л.В.* Специфика биологии и проблемы оснований науки // Природа биологического познания. М., 1991. С. 112–123.
- Филипченко Ю.А.* Пути улучшения человеческого рода. Евгеника. Л.: Госиздат, 1924. 190 с.
- Фолмер Г.* Эволюционная теория познания. М.: Русский Двор, 1998. 165 с.
- Франк. С.Л.* Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1998. 740 с.
- Франс А.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1958. 880 с.
- Фролов И.Т.* Избр. тр.: в 4 т. Т. 1–4. М.: Наука, 2002–2003.
- Фролов Ю.* Первые информационные сети // Наука и жизнь. 1995. № 1. С. 49–54.
- Фукуяма Ф.* Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции. М.: Люкс Лухе, 2004. 352 с.
- Хен Ю.В.* Экосистемный поворот в экологическом образовании // Философские основания экологического образования в эпоху нанотехнологий. М.: Канон+, 2014. С. 270–287.
- Хокинз С., Млодинов Л.* Кратчайшая история времени. СПб.: Амфора, 2006. 180 с.
- Холдэн Дж. Б.С.* Факторы эволюции. М.; Л.: Биомедгиз, 1935. 121 с.
- Хоружий С.С.* Диптих безмолвия. Аскетическое учение о человеке в богословском и философском освещении. М.: Центр психологии и психотерапии, 1991. 136 с.
- Цуканов Е.А.* Место информационной среды в экосистеме «человек-социум» // Relga. Научно-культурологический журнал. 2004. № 7. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=226&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 05.03.2016).
- Чайковский Ю.В.* Проблема наследования и генетический поиск // Теоретическая и экспериментальная биофизика. Межвуз. сб. Вып. 6. Калининград: КГУ, 1976. С. 148–164.
- Чайковский Ю.В.* Эволюция. М.: Центр систем. исслед., 2003. 472 с.
- Человек и его будущее. Новые технологии и возможности человека. М.: ЛЕНАНД, 2012. 496 с.
- Черткова Е.Л.* Притяжение идеала (О природе утопического сознания) // Миры знаний. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманист. ин-та, 2000. С. 297–321.
- Чижевский А.Л.* Земное эхо солнечных бурь. М., 1976. 368 с.
- Чумаков А.Н.* Глобализация: контуры целостного мира. М.: Проспект, 2005. 430 с.
- Шрейдер Ю.А.* Информационные процессы и информационная среда // Научно-техническая информация. Сер. 2: Информ. процессы и системы. 1976. № 1. С. 3–6.

Шрейдер Ю.А. Поиски философско-методологических принципов биологии // Феномен А.А. Любищева и С.В. Мейена. М., 1991. С. 29–34.

Шрейдер Ю.А. Проблемы развития инфосферы и интеллект специалиста // Интеллектуальная культура специалиста. Новосибирск: Наука, 1988. С. 110–136.

Штхер Г.Г. Вырождение и евгеника. М.; Л.: Гостиздат, 1927. 96 с.
Эволюция генома. М., 1986. 350 с.

Юдин Т.И. Евгеника. Учение об улучшении природных свойств человека. М.: Изд-во М. и С. Собашниковых, 1925. 286 с.

Янина Ф.Т. Эволюция взглядов Вернадского на биосферу и развитие учения о ноосфере. М., 1996. 221 с.

Galton Fr. Inquiries into human faculty and its development. L., 1883.
URL: <http://ru.wikipedia.org> трансгуманизм (дата обращения: 14.04.2016).

Manifecto del transumisti Italiani // Versione sintetica. URL: <http://www.transumanisti.it/1.asp?idPagina=3> (дата обращения: 14.04.2016).

Naisbitt I. Megatrends. Ten new directions transforming our lives. N. Y. 1982. 299 p.

Ploetz A. Die Tüchtigkeit unserer Rasse und der Schutz der Schwachen. Ein Versuch über Rassenhygiene und ihr Verhältniss zu den humanen Idealen, besonders zum Sozialismus. В., 1895. 174 p.

Porat M., Rubin M. The Information Economy: Development and Measurement. Washington (D.C.): U.S. Government Printing Office, 1978. 130 p.

Touraine A. The waning sociological image of social life // International journal of comparative sociology. 1984. Vol. 25. No. 1. P. 33–44.

Weingart P., Kroll J., Bajertz K. Rasse, Blut u. Gene. Fr. a/M.: Suhrkamp, 1988. 746 p.

Life sciences today: philosophical innovations

Igor K. Liseev – DSc in Philosophy, Prof., Main Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: liseev@iph.ras.ru

Julia V. Khen – DSc in Philosophy, Leader Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: hen@iph.ras.ru

Lydia V. Fesenkova – PhD in Philosophy, Senior Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: lvfes@mail.ru.

Ekaterina V. Petrova – PHd in Philosophy, Head of the Department of Bio- and Ecophilosophy. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: philosophyx@rambler.ru.

The book summarizes many years of research on understanding the philosophical issues of modern life sciences which were carried out over the past twenty years on the basis of the sector of bio- and ecophilosophy of the Institute of Philosophy.

The basic ideas which were published in two series of books “The philosophical analysis of the foundations of biology” and “Life sciences and modern philosophy”, dedicated to this subject, are distinguished and analyzed. The modern importance of the approach implemented in the first series on an integrated, comprehensive analysis of the functioning of biological knowledge in the system of sciences and culture is considered. This makes possible to realize a modern position of biology and trace in it trends of formation of a new methodological consciousness.

The growing urgency of the formulated in the second series of books an issue of challenges, which result from the development of modern biological research, is emphasized. They are considered within their influence on the transformation of ongoing philosophical knowledge.

Considering and developing previously expressed position from the preceded books, the authors of this work are trying to identify and substantiate the philosophical innovations, which appear today in connection with the development of modern biological research. The paper analyzes the changes in the style of thinking, a shift of methodological approaches that arise in biology, and then move to the philosophy and culture in general.

The authors show how the objective logic of the emerging new research material requires awareness of the emergence of new methodological orientations, and they, in turn, are then substantially broaden and deepen the research field, creating a new vision for biological reality.

An analysis of the most important discoveries in the life sciences of the last years provides an opportunity to show their contribution to the formation of modern scientific picture of the world which leads not only to the ontological novelty, but also to a shift of value priorities and activity attitudes of scientific research today.

The paper multilaterally discuss super-actual nowadays problem of methodological and ethical aspects of the development of man in the light of new biotechnologies. It is stressed that determinative here is the account of different types of knowledge in their focus on the setting of humanistic perspectives of the global future of mankind. At the same time it is emphasized that the natural ecological constants appear as an indivisible organic unity with the other components being. The book discusses in detail the influence of evolutionary ideas on understanding the image of the perfect man. It is critically analyzed both traditional and latter-day eugenic conceptions, including trans-humanism, shown their total utopianism, their incompatibility with the new evolutionary ideas which are developing now.

A separate chapter in the book devoted the problem of utopianism in socio-natural system of beliefs about the world. Here we show that our outstanding scientist V.I. Vernadsky, the author of many of the fundamental ideas which in many ways changed the scientific paradigmatics, when formulates his understanding of the noosphere, issued not from science but rather from philosophical ideas about the structure of the universe, where the summit is an ideal society. Based on work G.A. Zavarzina it is noted that the transformation of the biosphere under the man influence is not the noosphere, but the creation of anthropogenic ecosystem functioning in violation of the run of most natural processes.

In this regard, the paper considers the general role of utopia in culture and science, which starts with the service to the Good, and ends with the triumph of Evil.

In contrast to classical Darwinism, in which wars, exploitation, violence, laid down by nature itself, offered a picture of the world developed by G.A. Zavarzin, where the movement directed not from the elements to the system, not bottom-up but top-down, from the general to the particular. In axiological terms it is considered the possibility of changes in the value orientation of a person beyond the Darwinian principle of competition and struggle for personal superiority.

In the paper we show that now there is a significant change in the patterns of life studies. We discuss the idea that today a single picture of the development of life is impossible.

Human alteration, creation of a new man – this is another utopian project of the rework of fundamental principles of being. The solution consists in overcoming utopian projects, claiming the idea of unlimited power of man over nature.

In the final chapter of the book the place and role of man in the modern information environment in terms of the ecosystem approach is discussed. It is shown that in the conditions of formation of information society, a fast-paced virtual-information reality, not only the human environment, but also he himself is transformed which requires a deep philosophical analysis. The consequences of the conversion of “Homo habilis” into “human information” are fundamental. It is a matter of the transformation of society. It is necessary to show how information environment and human environment are interconnected in general. The ecosystem approach, developed in biology, helps to solve this problem. Anthro-ecosystem plays major role in the ecology of man since one of its components is the information field generated by information flows. Knowing forecasting changes in anthro-ecosystem, you can control the path to schedule it. Humanity and informational environment throughout its development constantly mutually adapt, evolve, co-adapt. So now the highly relevant problem is an analysis of the positive and negative aspects of the adaptation process, an understanding of the new ways of adaptation both of human and coadaptation anthro-ecosystem. It is necessary to search new forms of construction of the information environment that best meets the needs of society and the individual, and eliminates the possibility of information stresses.

All this testifies the growing relevance of the philosophical and reflective analysis of the processes, trends and patterns of relationship which unfolds in the whole complex of the life sciences.

Keywords: philosophy, biology, evolution, genetics, ecology, culture, information, world view, thinking way, organization, systematic approach, eugenics, transhumanism, ecophilosophy, information environment

Научное издание

**Лисеев Игорь Константинович
Петрова Екатерина Викторовна
Фесенкова Лидия Васильевна
Хен Юлия Вонховна**

Науки о жизни сегодня: философские инновации

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник Н.Е. Кожина

Технический редактор Ю.А. Аношина

Корректор А.А. Гусева

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 08.11.16.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 15,5. Уч.-изд. л. 12,48. Тираж 500 экз. Заказ № 26.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии:

<http://iph.ras.ru/arhive.htm>

Вышли в свет

1. **Антоновский, А.Ю.** Коммуникативная философия знания: от теории коммуникативных медиа к социальной философии науки [Текст] / А.Ю. Антоновский ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФ РАН, 2015. – 168 с. : ил., табл. ; 17 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0292-8.

В издании анализируется теория коммуникаций, но не во всем ее широчайшем формате, а в ее специальном эпистемологическом прочтении. Особое внимание уделяется эволюции обобщенных символических медиа коммуникации, прежде всего универсальным средствам распространения коммуникации (языку, письменности, печати и телекоммуникации), а также символическим средствам достижения коммуникативного успеха, прежде всего – научной истине, знанию, научной теории. Рассматривается специфичность современного знания (научных объяснений, законов, понятий, практик подтверждения обобщений и убеждения) в контексте *естественной* коммуникации и с точки зрения коммуникативных условий повседневного понимания и взаимопонимания.

2. **Блюхер, Ф.Н.** Дискурс-анализ и дискурсивные практики [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Ф.Н. Блюхер, С.Л. Гурко, А.А. Гусева, Г.Б. Гутнер. – М. : ИФ РАН, 2016. – 134 с. : ил. ; 20 см. – Библиогр.: с. 130–132. – Рез. : англ. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0300-0.

В книге предпринята серия разносторонних попыток уточнить понятие «дискурс» и обосновать оправданность употребления его в философском контексте. Для начала на примерах развития коптской и армянской письменности рассмотрены процессы реграмматизации языка в связи с грекофильским дискурсивным выбором. Далее показана связь между онтологической и функциональной характеристиками дискурсов и описано явление трансдискурсивности. Наконец, для решения вопроса о возможных основаниях эмпирического анализа дискурсов предложен статистический подход, опирающийся на вычленение метафорической составляющей текстов и описывающий последовательные трансформации этого метафорического слоя, порождающие мифологическое и идеологическое измерения текста.

3. **Бурмистров, К.Ю.** «Биологическая каббала» Оскара Гольдберга в контексте эпохи [Текст] / К.Ю. Бурмистров ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФ РАН, 2016. – 135 с. : ил. ; 20 см. – Библиогр.: с. 126–131. – Рез.: англ. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0298-0.

В книге впервые в отечественной науке рассматриваются взгляды одного из наиболее противоречивых представителей немецко-еврейской интеллигенции первой половины XX в. Оскара Гольдберга (1885–1952). Философ, антрополог и востоковед, получивший также высшее еврейское образование, он посвятил свою жизнь изучению природы мифа и ритуала, феноменов «священного» и «профанного», проблем этнопсихологии древних цивилизаций и герменевтики сакральных текстов. Он оказал влияние на взгляды целого ряда известных

философов и писателей той эпохи (Э. Унгер, В. Беньямин, Х. Йонас, Т. Манн), хотя его книги и стали предметом ожесточенной полемики. Особенно известен Гольдберг своими метаисторическими и метаполитическими идеями о существовании универсальной, космической магики-биологической силы и ее проявлениях в человеческой истории.

4. **Бычков, В.В.** Символическая эстетика Дионисия Ареопагита [Текст] / В.В. Бычков ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2015. – 143 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0284-3.

Монография посвящена изучению эстетических представлений крупнейшего анонимного мыслителя ранней Византии (рубеж V–VI вв.), оказавшего сильнейшее влияние на средневековое богословие и эстетику греко-православного мира (включая Древнюю Русь) и Западной Европы. В работе путем анализа взглядов самого Ареопагита, его основных предшественников и ближайших комментаторов выявляется достаточно целостная эстетическая система, основывающаяся на принципах отыскания иерархических, богослужбных, символических посредников между земным миром и трансцендентным Богом. В центре ее стоят понятия красоты, света, благоухания, образа, символа, неподобного подобия, внерационального знания и др. Монографическое исследование на эту тему предпринимается впервые в мировой науке.

5. **Веряскина, В.П.** Трансформация человека в обществе модерна [Текст] / В.П. Веряскина ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2015. – 223 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0287-4.

В монографии рассматривается проблема трансформации человека в контексте современности и обосновывается необходимость персональной модернизации. Автор показывает связь современности с персональностью человека, выделяет исторические истоки персональной модернизации, ее этапы, связанные с появлением в посттрадиционном обществе свободного, автономного индивида. Последующая трансформация человека в обществе модерна соотносится с появлением типов модульного, экономического и массового индивидов. В работе раскрывается связь рефлексивности современности с персональной модернизацией, выделяются долгосрочные тренды возможного развития человека.

6. **Ворожихина, К.В.** Лев Шестов и его французские последователи [Текст] / К.В. Ворожихина ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2016. – 157 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 132–136. – Рез.: англ. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0297-3.

Книга посвящена философии Льва Шестова в контексте интеллектуальной жизни Франции. Исследование восполняет пробел, существующий в изучении вклада русской эмигрантской философии в европейскую культуру. Анализируется, как «взрывчатая духовность» Шестова преломилась во взглядах франкоязычных авторов, в той или иной степени следовавших за ним (Б. Шлэцер, Ж. Батай, Б. Фондан), и проясняется «самое важное» для них в шестов-

ской философии. Прилагаются переводы статьи Шлёцера «Ницше и Достоевский», отрывка из книги Фондана «Рембо-проходимец», поэмы, посвященной Шестову, а также библиография работ русского философа.

7. **Горохов, В.Г. Эволюция инженерии: от простоты к сложности [Текст] / В.Г. Горохов ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2015. – 199 с. : ил. ; 20 см. – Рез.: англ. – Библиогр.: с. 189–197. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0288-1.**

Инженерная деятельность занимает одно из ведущих мест в современной культуре. Часто инженера определяют как специалиста с высшим техническим образованием. Но инженер должен уметь нечто такое, что невозможно охарактеризовать словом «знает». Он должен обладать еще и особым типом мышления, отличающимся как от обыденного, так и от научного. Именно поэтому, чтобы ответить на вопрос, что такое инженерная деятельность необходимо обратиться к ее истории. Важно отличать, с одной стороны, техника от ремесленника, а с другой – от инженера. Инженер, как и ученый-естествоиспытатель, имеет дело с идеализированными объектами и схемами, которые менялись в ходе эволюции инженерии от простого к сложному. Именно эволюции этих идеализированных представлений инженера в отличие от научных и посвящена данная книга.

8. **Гуревич, П.С. Грани человеческого бытия [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; П.С. Гуревич, Э.М. Спирова. – М. : ИФ РАН, 2016. – 173 с. ; 20 см. – Рез.: англ. – Библиогр.: с. 165–170. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0305-5.**

Авторы монографии вводят в категориальный аппарат философской антропологии новое понятие – «границы человеческого бытия». Анализируются такие феномены, как труд, любовь, игра, жизнь и смерть. Проводится различие между человеческими экзистенциалами и границами человеческого бытия. Границы характеризуют пределы человеческого существования, без них наличие человека как особого рода сущего немислимо. Границы человеческого бытия универсальны. Они пронизывают наиболее значимые формы жизнедеятельности человека. Книга представляет интерес для научных работников и преподавателей вузов, а также рекомендуется для массового читателя.

9. **Гуревич, П.С. Размежевания и тенденции современной философской антропологии [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; П.С. Гуревич, Э.М. Спирова. – М. : ИФ РАН, 2015. – 161 с. ; 20 см. – Рез.: англ. – Библиогр. в примеч.: с. 155–161. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0212-6.**

В монографии анализируются дискуссионные проблемы, связанные с философским постижением человека. В отечественной философии сложились разные подходы к проблеме человека. Множество различных толкований, связанных с анализом наук о человеке, привели к тому, что философская антропология по сути дела утратила свой предмет. Сложился также апофатический проект философской антропологии (мизантропология). Серьезные размеже-

вания произошли и в оценке методологии философской антропологии. Авторами рассматриваются современные версии редукционизма и релятивизма. Особое внимание уделено расшифровке формулы Э. Фромма: «Человек есть едва ли не самое эксцентричное создание универсума».

- 10. Девяткин, Л.Ю. В границах трехзначности [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Л.Ю. Девяткин, Н.Н. Преловский, Н.Е. Томова. – М. : ИФ РАН, 2015. – 136 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 30–32, 72–74, 95–96, 125–127. – Имен. указ.: с. 131–132. – Предм. Указ.: с. 133–135. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0296-6.**

Книга «В границах трехзначности» состоит из трех глав, каждая из которых содержит новые, порой совершенно неожиданные результаты в области трехзначных логик. Наиболее важными являются: теорема о необходимых и достаточных условиях, которыми должна обладать произвольная трехзначная матрица, чтобы быть изоморфом для классической логики высказываний; теорема о том, что могут существовать трехзначные замкнутые классы функций, в которых число предполных классов бесконечно; построение новой классификации расширений слабой логики Клини.

- 11. Джохадзе, И.Д. Аналитический прагматизм Роберта Брэндома [Текст] / И.Д. Джохадзе ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2015. – 132 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 99–125. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0282-9.**

Книга посвящена исследованию философского творчества известного американского мыслителя, представителя питтсбургской школы неогегельянства Р. Брэндома. В центре внимания автора – прагматистский подход Брэндома к решению эпистемологических проблем и его «анафорическая теория истины», представляющая разновидность дефляционизма. Раскрывается содержание основных понятий аналитического прагматизма Брэндома: «дискурсивное обязательство», «нормативные статусы», «семантический холизм», «инференциализм». Прилагается перевод статьи Брэндома «Рассуждение и репрезентация» и полная библиография его сочинений с 1976 по 2014 г.

- 12. Касавина, Н.А. Экзистенциальный опыт в философии и социально-гуманитарных науках [Текст] / Н.А. Касавина ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2015. – 189 с. ; 20 см. – Рез.: англ. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0294-2.**

В монографии экзистенциальный опыт интерпретируется в двух ипостасях: как феномен индивидуального становления, и как социокультурное явление, связанное со структурой ценностей, с результатами духовной и художественной деятельности, артефактами и социальными объективациями. Экзистенциальный опыт выступает как личная история существования, в ходе которой человек проясняет для себя смысловые ценности, а также является способом примирения с существованием, непрерывного прислушивания к жизни, достижения духовной пробужденности, преодоления тревоги. Монография адресована философам, социологам, психологам и всем интересующимся экзистенциальной проблематикой в области философии и науки.

- 13. Михайлов, И.Ф. Человек, сознание, сети [Текст] / И.Ф. Михайлов ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2015. – 196 с. : ил. ; 20 см. – Библиогр.: с. 186–195. – Рез.: англ. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0283-6.**

В книге рассматриваются вопросы философского понимания человека как существа мыслящего и свободно поступающего, проблемы искусственного интеллекта, коммуникации и социальных сетей. Автор также уделяет внимание философии сознания и теории сетевого общества. Книга содержит интересный фактический материал, в том числе из истории и теории сетевых сообществ. Все эти сюжеты выстраиваются в целостную картину на основе оригинальной авторской концепции, имеющей ярко выраженный дискуссионный характер.

Книга будет интересна специалистам по философской антропологии, философии сознания, искусственному интеллекту и когнитивной социологии, а также студентам и аспирантам философских и социологических факультетов.

- 14. Пирожкова, С.В. Предвидение как эпистемологическая проблема [Текст] / С.В. Пирожкова ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2015. – 247 с. ; 20 см. – Рез.: англ. – Библиогр.: с. 235–245. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0295-9.**

На сегодняшний день наука не выработала о предвидении систематизированного представления, которое могло бы стать общетеоретической базой междисциплинарной области исследований будущего. В книге представлена попытка получить такое представление, проанализировав предвидение как вид познавательной деятельности с точки зрения ее генезиса, функций, механизмов, возможностей и границ. Книга предназначена для философов, преподавателей, студентов и аспирантов, специализирующихся в области эпистемологии и философии науки, специалистов в области прогнозирования, гуманитарной оценки техники, управления рисками и стратегического планирования.

- 15. Проблемы российского самосознания: мировоззрение М.Ю. Лермонтова. К 200-летию со дня рождения поэта, Всероссийская конф. (2014; Москва–Пенза–Тарханы). 11-я Всероссийская конференция «Проблемы российского самосознания», 2, 8–9 окт. 2014 г. [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Редкол.: А.А. Гусейнов и др. – М. : ИФ РАН, 2015. – 123 с. ; 20 см. – На обл. авт. не указаны. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0290-4.**

В сборник входят статьи, подготовленные на основе докладов на 11-й конференции ИФ РАН по проблемам российского самосознания, проведенной в октябре 2014 г. в Москве и в Тарханах. В центр обсуждения поставлено мировоззрение М.Ю. Лермонтова – великого русского поэта, чье литературное наследие стало частью отечественной интеллектуальной мысли. Предпринята попытка через его произведения попытаться дать представление о российском миро- и самосознании. Авторы сборника, включаясь в сохраняющую свою остроту полемику вокруг творчества Лермонтова, предлагают свое видение таких затронутых поэтом проблем, как жизнь и смерть, дух и свобода, личность и общество, патриотизм.

- 16. Пронин, М.А. Виртуалистика в Институте человека РАН [Текст] / М.А. Пронин ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФ РАН, 2015. – 179 с. : ил. ; 20 см. – Рез.: англ. – Библиогр.: с. 175–177. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0291-1.**

В монографии представлена краткая история становления виртуалистики – самостоятельного парадигматического подхода, зародившегося в СССР в 80-х гг. XX в. Книга восполняет человеческий пласт работы сотрудников Центра виртуалистики Института человека РАН (ЦВ ИЧ РАН) и его первого руководителя Н.А. Носова (1952–2002). Дан систематизированный обзор первичного феноменологического материала, теоретических разработок и значимых результатов фундаментальных исследований виртуальных психологических реальностей, полученных в ЦВ ИЧ РАН в 1992–2004 гг.

Для историков науки, философов, антропологов, врачей, психологов и широкого круга читателей.

- 17. Смирнова, Н.М. Язык, смысл, творчество [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Н.М. Смирнова, И.А. Бескова, А.С. Майданов. – М. : ИФ РАН, 2015. – 141 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 51–52, 92–95, 134–135. – Рез.: англ. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0289-8.**

В предлагаемой коллективной монографии авторы знакомят читателя с современными дискуссиями о природе и когнитивных функциях смысла. Сопоставлены эвристические потенциалы двух подходов к его изучению: лингвокоммуникативный и генетический. В книге осуществлен критический анализ направлений философско-методологического анализа проблем бытия и порождающих структур смысла в языке и коммуникациях. Его дополняет анализ проблематики истоков и генезиса смыслообразующей деятельности человека от смутного «ощущения смысла» до обретения им интерсубъективной знаковой формы. Книга адресована как профессиональному сообществу, так и студентам и аспирантам, изучающим философию.

- 18. Спиридонова, В.И. Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; В.И. Спиридонова, Р.И. Соколова, В.Н. Шевченко ; Отв. ред.: В.И. Спиридонова, В.Н. Шевченко. – М. : ИФ РАН, 2016. – 122 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 114–120. – Рез.: англ. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0303-1.**

В центре внимания авторов монографии находится феномен «государство-цивилизация». Разработка этого понятия помогает более глубоко понять специфику таких больших в территориальном отношении стран, как Бразилия, Индия, Иран, Китай, Россия. Важное место в монографии отводится проблеме поиска Россией собственного пути развития. В этой связи проводятся широкие аналогии с историческим путем развития Китая, его современными достижениями.

Монография предназначена для научных работников, аспирантов, широкого круга читателей, интересующихся перспективами развития незападных стран, поисками Россией своего места в современном мире.

19. **Троицкий, К.Е.** *Этические идеи Макса Вебера [Текст] / К.Е. Троицкий ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2016. – 130 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 121–128. – Рез.: англ. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0304-8.*

Книга представляет собой исследование мировоззрения и убеждений Макса Вебера с фокусом на их этическом значении. Автор доказывает, что, несмотря на отсутствие у Вебера разработанной системы и фрагментарность изложения, его этические идеи представляют интерес как для истории, так и для теории этики. В книге рассматриваются концепции Вебера, которые почти не упоминаются в российской исследовательской литературе, но без осмысления которых невозможно понимание его творчества в целом.

20. **Федотова, В.Г.** *Соотношение академической и постакадемической науки как социальная проблема [Текст] / В.Г. Федотова ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2015. – 204 с. ; 20 см. – Рез.: англ. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0293-5.*

В монографии произведена идеализация проблем, которые описываются как академическая (самоорганизованная) и постакадемическая (управляемая) наука. Для их анализа применена концепция социальных проблем, признаваемых обществом. Рассмотрены ранние и современные дискуссии о соотношении саморазвивающейся и управляемой науки. Превращение функционирования науки в социальную проблему способствует росту форм публичного знания (постакадемического, внеакадемического и неакадемического) и функционированию научного знания в публичном пространстве. Рассматривается зависимость политики в отношении науки от национальных и культурных особенностей.

21. **Шевченко, В.Н.** *Интеграционные и дезинтеграционные процессы в истории российского государства: социально-философские аспекты [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; В.Н. Шевченко, В.И. Спиридонова, Р.И. Соколова, В.Г. Буров; Отв. ред.: В.Н. Шевченко, В.И. Спиридонова. – М. : ИФРАН, 2015. – 121 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0285-0.*

В центре внимания авторов монографии находится сложность и неоднозначность воздействия внешней социальной среды, в первую очередь новейших процессов глобализации, на целостность российского государства. Особый интерес представляют материалы, раскрывающие цели и задачи информационных и интернет-войн, ведущихся сегодня против России. Обсуждаются вопросы методологического характера в отношении мер, направленных на сохранение целостности государства. На основе изучения современного китайского опыта делаются выводы, которые могут оказаться полезными при решении актуальных проблем, стоящих сегодня перед Россией.

22. **Шохин, В.К.** *Философская теология: дизайнерские фасеты [Текст] / В.К. Шохин ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2016. – 147 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 139–146. – Рез.: англ. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0301-7.*

Монография представит авторское осмысление ряда параметров философской теологии как новой реальности в российском философском контексте. К ним относятся отличия светской рациональной теологии от традицион-

ного церковного богословия, дифференциация различных типов дискурса в самой рациональной теологии, выявление интеркультурного измерения философской теологии, анализ современных классификаций обоснований существования Бога, теологический анализ новейшей атеистической аргументации и самого феномена атеизма, а также некоторые аспекты методологии библейской герменевтики. Работа предназначена для философов, богословов, религиоведов, а также для студентов гуманитарных вузов, изучающих курс теологии.